

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ VI КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Москва, 16–19 марта 2021 г.

МОСКВА 2021

УДК 902/904
ББК 63.4
Н76

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор
к.и.н. В.Е. Родинкова

Редакционная коллегия:
к.и.н. О.Н. Брилева, к.и.н. А.Н. Ворошилов,
к.и.н. Д.К. Еськова, к.и.н. Е.В. Суханов, А.Н. Федорина

Рецензенты:

д.и.н. Д.С. Коробов, к.и.н. И.А. Сапрыкина
к.и.н. А.Н. Бабенко, к.и.н. Е.М. Болдырева, к.и.н. О.А. Брилева, к.и.н. А.Н. Ворошилов,
к.и.н. О.М. Ворошилова, к.и.н. К.Н. Гаврилов, к.и.н. В.А. Гаилов, к.и.н. Д.В. Герасимов,
О.Н. Глазунова, к.и.н. А.А. Гомзин, к.и.н. Б. Громадова, к.и.н. Д.К. Еськова, д.и.н. М.Г. Жилин,
к.и.н. И.Е. Зайцева, А.А. Карпухин, к.и.н. А.А. Красноперов, к.и.н. С.В. Кузьминых,
к.и.н. А.В. Ларионова, к.и.н. С.Ю. Лев, к.и.н. Е.В. Леонова, к.и.н. Е.Р. Михайлова,
А.И. Мурашкин, к.и.н. Д.В. Ожерельев, к.и.н. О.В. Орфинская, к.и.н. В.Е. Родинкова,
С.А. Рузанова, к.и.н. К.А. Степанова, к.и.н. Е.В. Суханов, к.и.н. О.И. Успенская,
А.Н. Федорина, Е.В. Фокеева, д.и.н. Ю.Б. Цетлин, А.О. Шевцов, к.и.н. Л.В. Яворская

Новые материалы и методы археологического исследования.
Н76 Материалы VI конференции молодых ученых. – М.: ИА РАН, 2021. –
176 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-336-7

В сборник включены материалы к докладам, представленным на VI конференции молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования», прошедшей в Институте археологии РАН 16–19 марта 2021 г. Тематика статей охватывает широкий круг проблем современной археологии от палеолита до Нового и Новейшего времени.

Книга предназначена археологам, историкам, специалистам в области охраны культурного наследия, музейным работникам, студентам исторических специальностей и всем, интересующимся историей.

УДК 902/904
ББК 63.4

Издание подготовлено и опубликовано в рамках реализации поддержанного фондом «История Отечества» проекта «VI конференция молодых ученых “Новые материалы и методы археологического исследования”»

В оформлении обложки использована иллюстрация к статье Т.Е. Ростяженко.

ISBN 978-5-94375-336-7
DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И ИНДИВИД ЗА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЙ: ПАЛЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КАМЕННОГО ВЕКА

Алишер кызы С., Селин Д.В., Шнайдер С.В. Культурная атрибуция неолитических комплексов Восточного Прикаспия (по материалам памятников Дам-Дам-Чешме 1 и 2).....	7
Белоусова Н.Е., Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Каменные ударно-абразивные орудия верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (по материалам раскопа 1986 г.).....	9
Борисевич Е.А., Комагорова М.А. Каталогизация памятников каменного века на территории Новгородской области с применением ГИС-инструментов.....	11
Бурьгин М.А. Сравнительный анализ каменной индустрии памятников позднего мезолита и раннего неолита лесостепного Поволжья	13
Гаврилина Т.А. Новые интерпретации особенностей погребального обряда культуры лас-вегас (по материалам памятника Лома-Атауальпа, Эквадор)	15
Гусева Д.В. Мезолитические стоянки с пластинчатым инвентарем у р. Гусиный (Кольский полуостров).....	16
Дедов И.Е., Кулакова Е.П., Шашков М.В., Жданов А.А. Опыт применения естественно-научных методов в изучении кострищ стоянки Сурунгур (Ферганская долина, Южный Кыргызстан).....	18
Иванов Я.Д. Возможности определения ученического расщепления камня по материалам среднепалеолитического памятника Хотылево I.....	19
Кандыба А.В. Новые данные о среднем палеолите Дагестана	21
Ковалева Н.Н. Керамика вальдивия: обзор подходов к исследованию иконографии	22
Косенкова А.С. Комплексы неорнаментированной и накольчатой раннеолитической керамики Марийского Поволжья: культурное единство или механическое смешение?	24
Лада А.Р., Пугачева Е.В. Метод геометрической морфометрии и проблема выделения культур черешковых наконечников в Восточной Европе	26
Манько Н.В. Актуальная проблематика изучения социальной стратификации погребенных в Мариупольском могильнике.....	29
Марченко Д.В. Применение алгоритма k-средних для анализа планиграфии (на примере данных стоянки Маска).....	31
Михиенко В.А., Белоусова Н.Е., Козликин М.Б. Бифасиальные изделия верхнего палеолита из Денисовой пещеры	33
Панкина А.И., Цой Н.В. Способы использования орнитоморфной скульптуры мальтино-буретской культуры: от трасологического анализа до этнографических параллелей	35
Ростяженко Т.Е. Изделие из нефрита из коллекции неолитического погребения Новая Шишковка (Западное Забайкалье) в контексте концепции «престижных технологий»	37
Румянцев А.А. Скребки палеолитической стоянки Солнечный: опыт функционального анализа.....	39
Соколовский В.А. Город посреди деревни: монументальные комплексы и жилая застройка в Перу (III–II тыс. до н.э.)	42
Сомов А.В. К вопросу о «нео-энеолитическом» периоде на территории лесостепного Поволжья	43
Стулова Д.И. Опыт анализа полевой документации и ее оцифровки для дальнейшей реконструкции пространственной структуры памятника (на примере стоянки Сунгирь).....	45

Толстых Д.С. Возможности реконструкции хозяйственной деятельности обитателей стоянки Костенки 11 по результатам трасологического анализа костей мамонта	47
Федорова А.Ю. Технологические инновации в мезолите Северо-Западного Кавказа на примере материалов позднемезолитического слоя пещеры Двойная.....	50
Царицына А.Р. Планиграфия находок III слоя Костенок 21 по материалам полевых работ 2013–2016 гг. (анализ данных связей по ремонту)	52
Яковлева Е.С. Межкультурные взаимодействия в неолите лесостепного Притоболья на примере поселения Кочегарово 1	55

АРХЕОЛОГИЯ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Аминов Ф.Ш., Блохин Е.К., Филимонова Д.С. К истории одного орнамента: силуэтные треугольники керамического комплекса Намазга I на поселении Йыл-гынлы-депе (Южный Туркменистан).....	58
Бурматова Ю.С. Вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на территории Центральной Барабы	60
Горошников А.А., Горошникова З.В. Закрытый комплекс с зооморфным глиняным изделием из раскопок поселения «Панагия 1» на Тамани в 2018 г.	62
Демаков Д.А. Особенности расположения памятников новоильинской культуры в бассейне Верхней и Средней Камы	64
Иванова Д.А. Поселения культуры яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.), Японский архипелаг	67
Климова А.Д. Гончарные традиции населения алакульской культуры в Южном Зауралье: общее и особенное	68
Ларенок О.П. О некоторых женских погребениях бабинской культуры на территории Нижнего Подонья	70
Ларочкин А.А. Украшения из раковин моллюсков в погребениях усть-тартасской культуры Западной Сибири	73
Марьенкина Т.А. Изделия из камня поздняяковской культуры эпохи бронзы Волго-Окского бассейна (материалы поселения Новое Щербинино 14)	75
Наджафов Ш.Н. Об итогах археологических исследований на поселении Ястытепе	77
Пономаренко А.С. Классификация энеолитических украшений Нальчикского могильника	80
Савинов Л.Н. Поселение Теляшево-4 в восточных предгорьях Крыкты (Южный Урал): результаты исследований 2020 года	83
Ткачев Ал.Ал. Сакрализация жилого пространства на поселениях эпохи поздней бронзы лесостепного Притоболья	85
Тюгашев И.Е. Изучение навеса Мешоко: итоги и перспективы	86
Уварова К.А. К вопросу об образе жизни населения хвалынской культуры.....	88
Хурмаев А.А. Особенности локализации нео-энеолитических памятников в восточных предгорьях хребта Крыкты	89
Шалахов Е.Г. Кенотафы сейминско-турбинских некрополей как малоисследованные кремации.....	90
Швецова А.А. Гончарные традиции населения на раннем этапе развития поздняяковской культуры (по материалам памятника Логинов Хутор)	92

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ: ВСАДНИКИ, МОРЕХОДЫ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Абрамова А.Н., Свиркина Н.Г., Шведчикова Т.Ю. Сравнительная характеристика населения Таманского полуострова VI–II веков до н.э. по палеоантропологическим материалам из некрополя Волна 1	94
Агаларзаде А.М., Кириченко Д.А. Археологические раскопки в Ярдымлы (полевой сезон 2020).....	97
Антонов Е.Е. Еще раз о времени занятия Северо-Западного Крыма поздними скифами.....	99
Базаров Б.Б. Археологические памятники Северо-Западной Бактрии эллинистического времени.....	103
Гиблова А.А., Четверкина Е.В. Анализ форм античной кухонной посуды с применением статистических методов	105
Горланов С.С., Дрыга Д.О., Мочалов А.В. Исследование дольменных комплексов близ г. Новороссийск в 2019–2020 гг.	108
Камышанов А.М. Факторы развития аграрной экономики античной колонии на примере Нимфея в VI–III веках до н.э.	110
Лясович В.И. К вопросу об изготовлении бронзовых наконечников стрел населением кара-абызской археологической культуры (по материалам раскопок Г.В. Юсупова в районе г. Курмантау в Гафурийском районе Республики Башкортостан).....	112
Му Ц. Расписная керамика в пазырыкской культуре: результаты изучения и происхождение традиции	114
Новожилова Е.Н. Открытие и изучение В.В. Радловым «царских» курганов скифо-сакского времени на Алтае: первый взгляд на происхождение пазырыкской культуры.....	116
Пельве К.Ю. Опыт применения масс-спектрометрии для определения происхождения мраморных изделий из раскопок Пантикапея.....	117
Радовский С.С., Серегин Н.Н. Новые базы данных археологических комплексов Алтая раннего железного века и Средневековья	119
Стяжкина О.В. Концепция «ранних кочевников» в трудах М.П. Грязнова.....	121
Юрков В.Г. Статистическая обработка керамики из Маркульского городища ...	122

ПРОСТРАНСТВО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ЛЮДИ – ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ – СОЦИУМЫ

Агеев В.В. База данных «Касимовский мусульманский некрополь»: общая характеристика и возможности применения	126
Аминов Ф.Ш., Пулотов А.Г. Глазурованная керамика конца VIII – IX вв. из Санджаршаха (Таджикистан).....	127
Бортников С.С. Скандинавские кольцевидные фибулы на территории Древней Руси: география находок	131
Давыдов Р.В. Железные предметы торевтики енисейских кыргызов как свидетельство уровня мастерства средневековых ремесленников	133
Денисов С.А. Религиозный синкретизм пруссов в XIII–XV вв. по данным письменных и археологических источников	136
Иванова А.В. Новые находки ювелирных матриц в Старой Рязани	138
Карепин К.В. Переход средневековых кочевников к оседлости (по материалам поселений Северного Приазовья)	140

Половников И.С. Технология изготовления роговых свистунок наконечников стрел из гунно-сарматских и древнетюркских погребальных ком- плексов Горного Алтая и Минусинской котловины	142
Смирнова С.М. Исследование селища Волговерховье 1: к истории заселения «Истока Волги»	144
Ткачев Ал.Ал., Ткачев А.А., Гюрджоян К.Г. Истоки ненецкой легенды о народе сихиртя: археология средневековой Арктики.....	146
Фисенко А.В. Остатки косторезного производства по материалам Васильев- ского III раскопа в Пскове: датировка, пространственное распределение, интер- претация.....	149
Хайруллина О.Ф. Предметы кольчужного плетения в составе украшений женского костюма могильников III–V вв. Среднего Прикамья.....	151
Харитонов И.М. Византийские монеты из воинского захоронения в Козьей Балке близ села Садовое Арзгирского района Ставропольского края.....	154
Челпанова Д.А. К вопросу о топографии Максимовского могильника.....	156
Яковчик М.С. О технике изготовления пряденых золотных нитей (по мате- риалам раскопок древнерусских памятников X в.).....	158

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МАССИВЫ ДАННЫХ И КОРРЕКТНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Кокиева А.Р. V Всероссийский Археологический съезд в Тифлисе — взгляд современников из Москвы, Петербурга и Тифлиса. Периодическая печать как источник по истории археологии	161
Сагманова Г.М., Гончаров С.А. Методы создания цифровой модели рельефа археологического памятника: оценка эффективности различных подходов на примере археологического комплекса Заюково – Гунделен	163
Семеняк Н.С., Долгова Е.А., Мацковский В.В. Использование дендрохро- нологического анализа для датирования исторических объектов.....	165
Сумманен И.М., Чаженгина С.Ю. Определение состава цветного металла с поверхности производственной тары из Тиверского городка	167
Южанина Э.Д., Трошина А.А., Рябогина Н.Е., Борисов А.В. Пыльцевые земледельческие маркеры в палеоэкологических архивах Северного Кавказа	170
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	173

ОБЩЕСТВО И ИНДИВИД ЗА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЙ: ПАЛЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ КАМЕННОГО ВЕКА

С. Алишер кызы*, Д.В. Селин*, С.В. Шнайдер**,**

**Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
saltanat.alisher.kyzy@gmail.com*

***Новосибирский государственный университет*

КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ДАМ-ДАМ-ЧЕШМЕ 1 И 2)¹

Неолит Восточного Прикаспия представлен материалами верхних слоев Дам-Дам-Чешме 1 и 2 (далее ДДЧ 1 и 2) (Окладников, 1953; Марков, 1966; Коробкова, 1996). Первым, кто изучал данные материалы и дал им свою интерпретацию, был А.П. Окладников. Согласно ему, на территории Восточного Прикаспия выделяется отдельный неолитический комплекс (VI–IV тыс. до н.э.), генезис которого связан с локальными мезолитическими комплексами (нижние слои ДДЧ 2, Кайлю и Джебел) (Окладников, 1956).

В дальнейшем изучение региона проводилось под руководством Г.Е. Маркова. По его гипотезе, неолитические комплексы гротов ДДЧ 1 и ДДЧ 2 схожи с ранним этапом джейтунской культуры (Марков, 1966). На основе типологического анализа каменного и керамического инвентаря исследователь относил ранний этап неолита здесь к VI тыс. до н.э., а поздний – к III тыс. до н.э. (Марков, 1966. С. 121–122). Г.Ф. Коробковой было предложено рассматривать неолитические индустрии этой территории в рамках трех групп: красноводской, прибалханской и карабогазской. Материалы гротов ДДЧ 1, ДДЧ 2 и Джебел относились к прибалханской индустрии, где прослеживалось влияние оседло-земледельческих общин северо-восточного Ирана (хронологические рамки – V–IV тыс. до н.э.) (Коробкова, 1996). Таким образом, относительно культурно-хронологической атрибуции исследуемых материалов имеется несколько разных точек зрения.

Анализ каменной индустрии гротов ДДЧ 1 и ДДЧ 2 показал, что неолитические комплексы памятников характеризуются преобладанием производства пластин и пластинок в рамках объемного расщепления с использованием удара мягким отбойником. В ору-
дийном наборе отмечается доминирование выемчатых изделий на пластинах и концевых скребков, присутствуют трапеции и треугольники (Алишер кызы, Шнайдер, 2020). Керамический материал представлен сосудами, изготовленными из ожелезненного слабо опесоченного глиноподобного сырья, с примесью шамота. Их внешняя поверхность заглажена мягким материалом, шейка отогнута внутрь, образуя в месте перехода ребро.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-39-70020 «Миграции древнего человека на территорию Восточного Прикаспия в период финального плейстоцена – раннего голоцена: экономика, материальная и духовная культуры» и РФФИ № 19-39-90052 «Культурно-хронологическая атрибуция неолита Восточного Прикаспия».

Орнамент в виде ряда вертикальных колонок вдавлений и двух горизонтальных поясов зигзагов нанесен гребенчатым штампом в верхней части сосуда.

Сравнение рассматриваемых индустрий с синхронными древностями (джейтунской, кельтеминарской и оюклинской культур, датируемых VI–III тыс. до н.э.) показало, что между джейтунскими и восточноприкаспийскими неолитическими материалами имеется сходство в формах геометрических микролитов (треугольники и трапеции), преобладании зубчато-выемчатых изделий и скребков. Первичное расщепление в первом и втором случае различно (на джейтунских памятниках доминируют призматические нуклеусы, направленные на получение пластин посредством техники отжима) (Коробкова, 1996). Между неолитическими комплексами Восточного Прикаспия и кельтеминарскими аналогии прослеживаются в наличии трапеций и треугольников; важно отметить, что в ДДЧ 2 есть единичные рогатая трапеция и наконечник кельтеминарского типа. При этом первичное расщепление индустрий также различно: кельтеминарская традиция характеризуется использованием отжимного микрорасщепления (Brunet, 2012). Материалы оюклинской культуры сильно отличаются от всех близлежащих неолитических памятников. Для них характерна отжимная техника расщепления, направленная на получение микропластинок, в орудийном наборе присутствуют ретушированные микропластинки, концевые скребки, резцы на широких пластинах (Марков, 1971).

Керамика рассматриваемых неолитических комплексов своеобразна на фоне изделий джейтунской и кельтеминарской культур (Коробкова, 1996. Рис. 30, 34). Ближайшие аналогии этому типу посуды известны в слое IV пещеры Джебел, датируемом V–IV тыс. до н.э. (Окладников, 1956. Рис. 61: 4). Отдельные сходные черты в форме и орнаментации можно обнаружить в оюклинском и маханджарском керамических наборах (Шевнина, 2018. Рис. 3). Однако, имеющиеся данные по технологии демонстрируют значительные различия в способах изготовления анализируемой керамики и посуды оюклинской культуры, для которой характерна добавка растительной органики (Виноградов, 1981).

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что неолитический комплекс Восточного Прикаспия отличается от синхронных материалов сопредельных территорий как технологией первичного расщепления, составом орудийного набора, так и керамикой. При этом отмечается наличие культурных контактов с синхронными неолитическими общностями региона.

Алишер кызы С., Шнайдер С.В., 2020. Каменная индустрия неолитических слоев грота Дам-Дам-Чешме 2 (по материалам раскопок А.П. Окладникова) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. С. 16–23.

Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука. 172 с.

Коробкова Г.Ф., 1996. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. М.: Наука. С. 87–133 (Археология СССР).

Марков Г.Е., 1966. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии // СА. № 2. С. 104–123.

Марков Г.Е., 1971. Материалы по каменному веку Прибалханья // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад: АН Туркменской ССР. С. 23–59.

Окладников А.П., 1953. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.) // Изв. АН Туркменской ССР. № 2. С. 3–22.

Окладников А.П., 1956. Пещера Джебел – памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. VII: Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана. Ашхабад. С. 11–219.

Шевнина И.В., 2018. Керамический комплекс маханджарской культуры в системе неолитических древностей Евразийских степей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Т. 18. № 4. С. 63–74.

Brunet F., 2012. The Technique of Pressure Knapping in Central Asia: Innovation or Diffusion? // The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation. N. Y. P. 307–328.

Н.Е. Белоусова, М.В. Селецкий, А.Ю. Федорченко, Н.А. Кулик
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
consacrer@yandex.ru, archmax95@gmail.com,
interalex2008@gmail.com, kulik@archaeology.nsc.ru

КАМЕННЫЕ УДАРНО-АБРАЗИВНЫЕ ОРУДИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ УСТЬ-КАРАКОЛ-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 1986 Г.)¹

Предметом настоящего исследования послужила коллекция верхнепалеолитических каменных ударно-абразивных орудий стоянки Усть-Каракол-1, полученная в результате полевых работ 1986 г. (раскоп 1, литологический слой 5). Исследование археологических комплексов на данном участке памятника ранее позволило предположить дискретное залегание материалов усть-каракольской и кара-бумовской культурных традиций начала верхнего палеолита, а также элементов среднепалеолитической пластинчато-острийной леваллуазской индустрии (Славинский, 2007). Данное обстоятельство придает исключительное значение материалам стоянки, в контексте исследования специфики каменного инструментария, происходящего из разного культурного контекста.

Комплексный подход к анализу таких артефактов, основанный на данных функционального, экспериментального и петрографического методов, 3D-моделирования, способствует определению роли отдельных типов каменных инструментов в технологических процессах и хозяйственной деятельности, а также выявлению некоторых культурных стереотипов верхнепалеолитических обитателей Алтая. Выборка артефактов для исследования формировалась в результате трасологического анализа коллекции с использованием микроскопа Альтами CM0745-T (увеличение $\times 7-\times 45$). 3D-моделирование ударно-абразивных орудий осуществлялось посредством сканера RangeVision 5M PRO, диагностика минерального сырья – микроскопа МБС-10. Работа базировалась также на сравнительных исследованиях собственных экспериментальных эталонов и опубликованных результатов анализа инструментария стоянок Южной Сибири с близкой сырьевой базой.

В результате анализа коллекции были выявлены ударно-абразивные орудия нескольких типов: ретушеры (3) и инструменты для подготовки зоны расщепления нуклеусов (3), а также осколок отбойника или ретушера (1). Следы утилизации, характерные для ретушеров, были выявлены на фрагментах уплощенных и округлых галек песчаников, алевролитов-песчаников и порфировых эффузивов (рис. 1: 1). Зоны износа на ретушерах приурочены к вершинам, ребрам или широким сторонам галек и несут следы сглаженности, мелких выбоин и выщерблин, сопровождаемые линейными следами; на одном орудии отмечены «кометообразные» следы (рис. 1: 2, 3). Для всех анализируемых инструментов характерна средняя стадия утилизации, при которой на орудиях сформировался характерный блок следов, однако крупные механические повреждения отсутствуют.

В качестве орудий для подготовки зоны расщепления нуклеусов редуцированием и пикетажем обитателями стоянки вторично использовались два объемных нуклеуса и массивный технический скол (рис. 1: 4) из алевролитов-песчаника. На фронте первого нуклеуса выявлены две рабочие поверхности со следами забитости и истертости, микротрещин и мелких выбоин (рис. 1: 5, 6), на контрфронте ядрища – третий участок с аналогичным набором следов. После вторичного использования это изделие вновь подверглось расщеплению, в результате чего часть его рабочей поверхности была редуцирована (Славинский и др., 2017. Рис. 13). Зона износа на втором артефакте с признаками сильной забитости, выкрошенности, мелких выбоин, выщерблин и поперечно ориентированными линейными следами локализована на ребре между фронтом и есте-

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда РНФ в рамках проекта № 20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

ственной латералью нуклеуса. В медиальной части контрфронта ядрища отмечены признаки аккомодации в виде выемок, образованных мелкими выбоинами и выщерблинами. Третье орудие обладает рабочим участком с вогнутым рельефом, приуроченным к центральной части ребра дорсальной поверхности скола подправки ударной площадки нуклеуса, что подтверждают данные ремонтажа. Зону износа формируют ступенчатые зарубки перпендикулярной и диагональной ориентации, неглубокие выбоины и микро-трещины. Посредством дополнительной аккомодации края изделия по периметру были притуплены. В целом, для изношенных участков описанных изделий характерно неоднократное наложение выявленных типов следов, что придает этим поверхностям шероховатый, ячеистый микрорельеф. Морфология данной группы инструментов достаточно специфична и находит прямые аналогии в индустриях кара-бумовской традиции начала верхнего палеолита на Алтае (Славинский и др., 2017; Харевич и др., 2020).

В результате проведенного исследования в коллекции стоянки Усть-Каракол-1 была выявлена группа ударно-абразивных орудий различного назначения. В настоящий

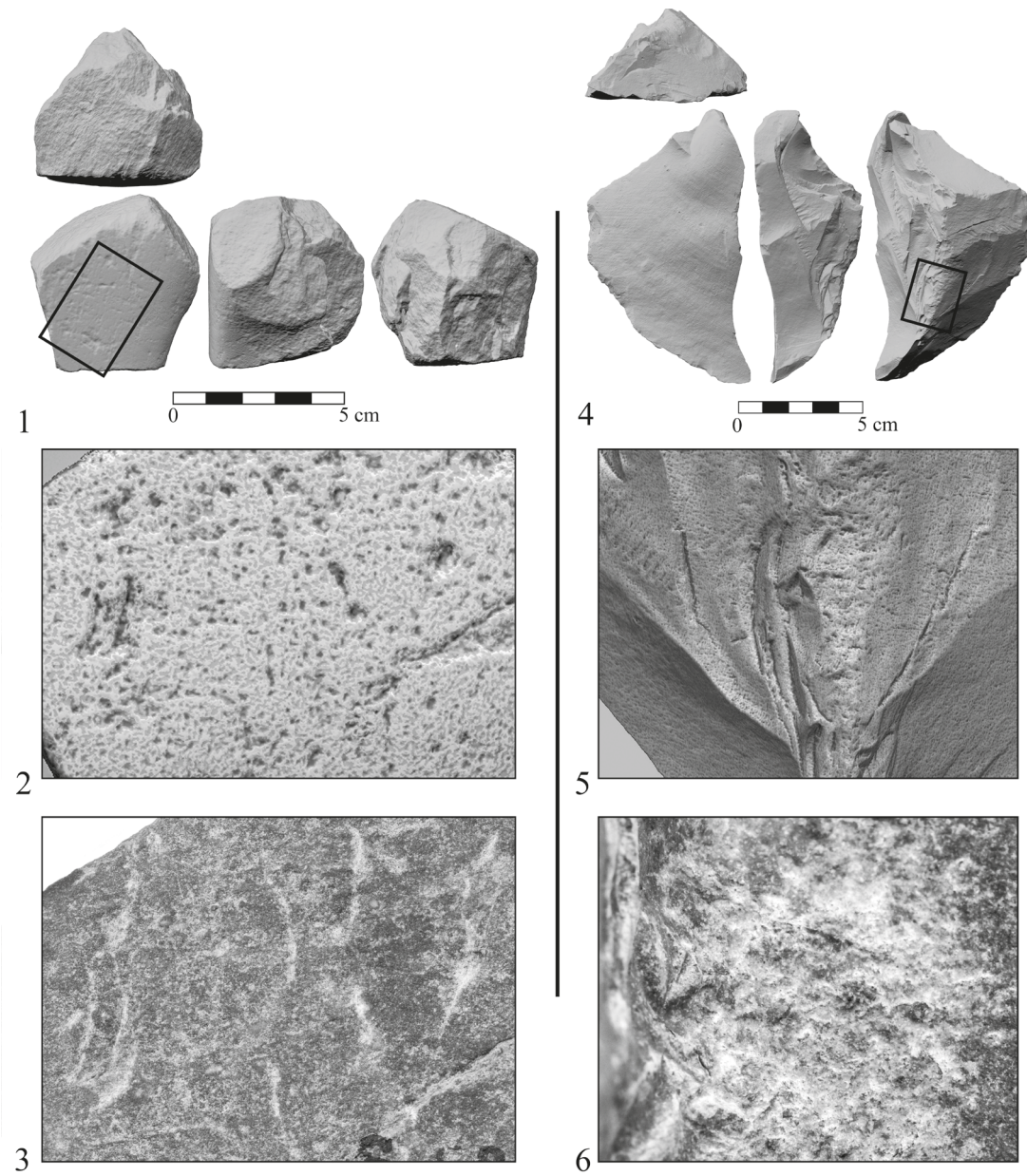

Рис. 1. Каменные ударно-абразивные орудия со стоянки Усть-Каракол-1.

1 – ретушер; 2, 5 – карта высот, полученная в результате сканирования; 3, 6 – следы износа; 4 – инструмент для подготовки зоны расщепления.

момент мы можем предварительно судить об использовании данных инструментов для подготовки зон расщепления нуклеусов к скалыванию, а также ретуширования сколов-заготовок. Установлено, что для такого рода операций на стоянке использовались остаточные нуклеусы, технические сколы, гальки из того же типа сырьевого субстрата, который подвергался расщеплению. В ходе работы была зафиксирована характерная избирательность при выборе минерального сырья для инструментария – предпочтение отдавалось осадочным породам, в то время как расщепляемое на стоянке сырье являлось гораздо более разнообразным.

Славинский В.С., 2007. Индустрии ранневерхнепалеолитических уровней обитания стоянки Усть-Каракол (материалы раскопа 1986 г.) // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Т. 2. Иркутск: Оттиск. С. 197–214.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А., 2017. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // *Stratum plus*. № 1. С. 221–244.

Харевич В.М., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., 2020. Вспомогательные инструменты расщепления в каменных индустриях начальной поры верхнего палеолита (по материалам стоянки Ушбулак) // *Stratum plus*. № 1. С. 239–256.

Е.А. Борисевич*, М.А. Комагорова**

**Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород
ek.razheva.novsu@mail.ru*

***Минералогический музей РАН им. А.Е. Ферсмана, Москва
egorova.com@gmail.com*

КАТАЛОГИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГИС-ИНСТРУМЕНТОВ¹

Историю изучения эпохи каменного века в современной Новгородской области можно условно разделить на несколько этапов: *1880-е – 1930-е годы* – процесс накопления информации о памятниках, проводятся первые раскопки; *1940-е – начало 1960-х годов* – эпизодическое обращение к памятникам каменного века, организация разведок и раскопок; *1960-е – 1980-е годы* – расцвет археологии каменного века Новгородской области, проведение обширных планомерных исследований (Ражева, 2019). В 1990-х годах памятники каменного века обнаруживали случайно в ходе инвентаризации или исследований памятников поздних эпох. Имеющиеся карты иллюстрируют ареалы отдельных археологических культур каменного века: мстинской (локальный вариант моложско-мстинской, по В.В. Сидорову: Сидоров, 1998. С. 248), выделенной М.П. Зиминной (Зимина, 1993. С. 7), и валдайской (Гурина, 1958. С. 42). Основная цель данной работы – создание электронного каталога (для систематизации архивных и опубликованных материалов) и карты памятников каменного века.

В работе применен картографический метод и использованы компьютерные методы обработки баз данных. Картирование, каталогизация и последующий анализ осуществляются на базе ГИС платформы Q ГИС 3.16. К геолокации (т.е. к географическим координатам) памятника в соответствии с его паспортом, актом инвентаризации, библиографическими и архивными источниками привязывается имеющаяся информация, оформленная в виде электронного каталога в программе Sqlite (штатный инструмент Q ГИС), а именно: название, тип, датировка, описание месторасположения, степень сохранности. Однако Sqlite не поддерживает функцию привязки внешних файлов (ссылок, фотографий, PDF и пр.), т.е., на базе этого инструмента невозможно создать каталог, включающий такие разделы, как «библиография» и «место хранения коллекций», а также прикрепить изо-

¹ Научный руководитель – к.и.н., доцент, и.о. завкафедрой истории России и археологии НовГУ Елена Владимировна Торопова.

бражения. В связи с этим основная база перенесена в программу Access 2016, которая в свою очередь не поддерживает геолокацию, зато дает возможность загрузить все необходимые материалы, группировать памятники по выбранному признаку. Между базой и картой в настоящее время сохраняется «переходник» в виде каталога в Sqlite. Синхронизация таблиц происходит по порядковым номерам объектов, а вывод на карту – «перепрыгиванием» между окнами программ и обновлением страницы.

Основу базы составляют:

1. Памятники, копии паспортов которых хранятся в архиве Центра археологических исследований Новгородского государственного университета – 49 объектов (82 по реестру: Объекты культурного наследия, 2012).

2. Памятники, открытые и исследованные М.П. Зиминой (описания и географические привязки были взяты из публикаций) – 182 объекта.

3. Памятники, зафиксированные краеведом Г.И. Ивановским (описания и географические привязки были взяты из архивных документов: дневников, личных писем) – 79 объектов.

4. Памятники эпохи Средневековья, где были зафиксированы находки каменного века – 6 объектов.

Часть объектов упомянута в разных источниках – памятник есть и в реестре, и публикациях. В старых документах в ряде случаев геолокация носит не очень точный характер и требует проверки в полевых условиях. На данный момент на карту нанесено 277 памятников каменного века. Пересечение, дублирование объектов исправляется вручную.

Уже на данном этапе заполнения карты можно видеть неравномерность распределения памятников каменного века на территории области (рис. 1). Валдайская возвы-

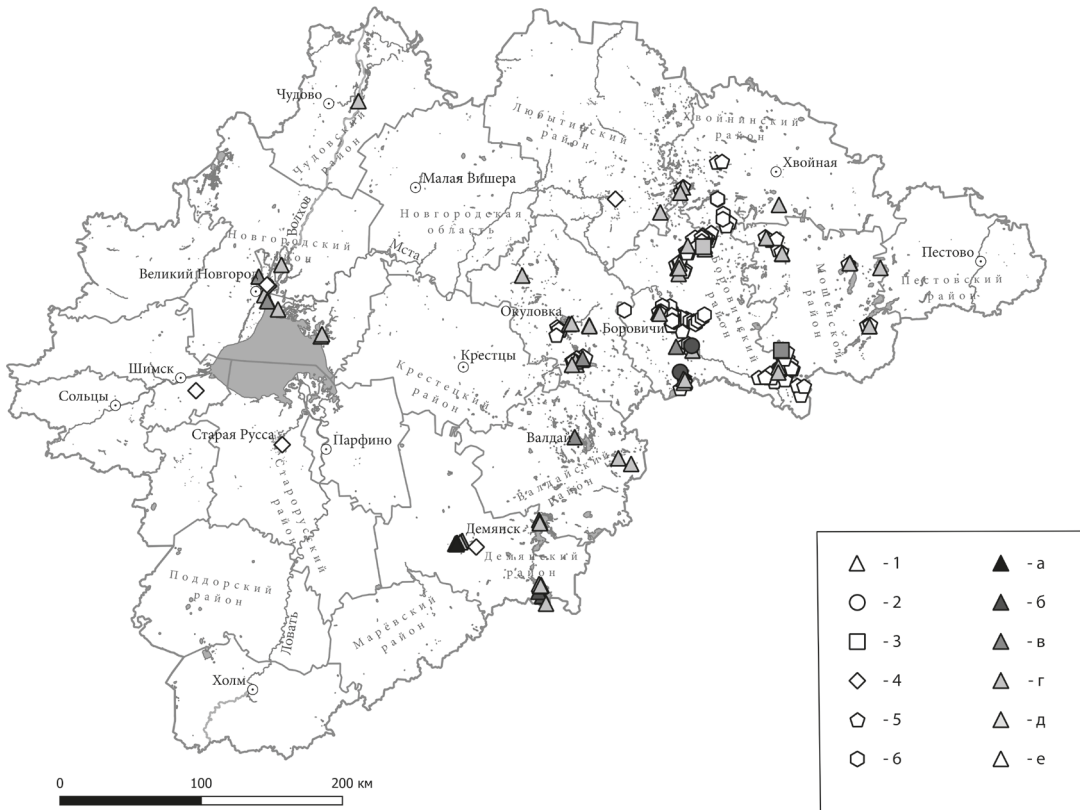

Рис. 1. Карта памятников каменного века Новгородской области. Выполнена М.А. Комагоровой и Е.А. Борисевич.

Типы памятников: 1 – стоянка; 2 – могильник; 3 – мастерская по расщеплению кремня; 4 – предметы каменного века на средневековых памятниках; 5 – стоянка по М.П. Зиминой; 6 – стоянка по Г.И. Ивановскому. Сохранность: а – памятник утрачен; б – аварийная; в – неудовлетворительная; г – удовлетворительная; д – хорошая; е – требует проверки.

шенность и бассейн р. Мсты покрыты плотной сетью стоянок, в то время как юг и запад области пусты. Это может быть связано с палеогеографическими условиями, а именно с Валдайским оледенением и последующим затоплением территории тальми водами в период потепления. Однако в самом низком месте региона – озере Ильмень – были обнаружены стоянки, датируемые IV–III тыс. до н.э. Это означает необходимость уточнения информации о природно-климатических условиях в период раннего – среднего голоцена на указанной территории для понимания, где потенциально могли селиться люди после деградации ледника. Палеогеографические реконструкции, карты, снимки, которые необходимы для изучения региона, можно использовать вместо топоосновы, на которую нанесены точки сейчас.

Работа по каталогизации объектов археологического наследия на территории Новгородской области была начата Е.В. Тороповой в рамках написания кандидатской диссертации (Торопова, 2007). Ею был составлен электронный каталог, в который вошли сведения о памятниках археологии, выявленных в XVIII – начале XX в. Материалы опубликованы в библиографическом указателе «Археология Новгородской области» (Археология Новгородской области, 2007). Авторы намерены включить в базу данных памятников каменного века имеющийся каталог памятников и таким образом сделать общую археологическую базу данных с привязкой к геолокации и выводом на карту, сохранив весь задуманный функционал.

Археология Новгородской области, 2007. Вып. 1: библиогр. указ. / Сост. Е.В. Торопова, Е.Е. Фролова. Науч. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: НовГУ. 324 с. (Bibliotheca Archaeologica Novgorodiana).

Гурина Н.Н., 1958. Валдайская неолитическая культура // СА. Вып. 3. С. 31–44.

Зими́на М.П., 1993. Каменный век бассейна р. Мсты. М.: ИЭА РАН. 268 с. (Российский этнограф. Этнологический альманах).

Объекты культурного наследия Новгородской области. Памятники археологии, 2012. Великий Новгород: Администрация Новгородской области, Комитет культуры Новгородской области. 205 с.

Ражева Е.А., 2019. Археологическое изучение памятников каменного века на территории Новгородской земли в XIX–XXI вв. // Материалы докладов студентов. Ч. 1. XXVI научная конференция преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород, 8–13 апреля 2019 г. / Сост. Г.В. Волошина, О.А. Белова. Великий Новгород: НовГУ. С. 7–9.

Сидоров В.В., 1998. Моложско-мстинская культура как историко-этнографическая общность // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь. С. 247–258.

Торопова Е.В., 2007. Памятники археологии Новгородской области: история изучения: XVIII – начало XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 242 с.

М.А. Бурыгин

Самарский государственный социально-педагогический университет

Burigin.maxim@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА И РАННЕГО НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

В представленной работе впервые для лесостепного Поволжья дается обобщенная характеристика кремневых комплексов опорных ранне-неолитических и мезолитических памятников, а также проводится их сравнительный анализ.

Для мезолита лесостепного Поволжья характерны следующие черты: микролитический инвентарь, пластинчатость комплексов (в раннем мезолите – более 50 %, в позднем – 30–35 %). В основном использовался кремнь серого цвета хорошего качества. Расщепление при помощи отжима. Нуклеусы на раннем этапе (Старо-Токская, Чекалино II)

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) «Этнокультурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит – энеолит)».

представлены в основном карандашевидными и коническими формами, реже торцевыми; в позднем мезолите (Красный Яр I, Кочкари I) преобладают торцевые, встречаются единичные карандашевидные, конусовидные и аморфные (бессистемного снятия). Орудийный набор представлен довольно простыми морфологически устойчивыми типами. Среди них можно выделить скребки, преимущественно на пластинчатых заготовках концевой типа; угловые резцы на пластинах. В большинстве коллекций также имеются: перфораторы, скобели, комбинированные орудия (скребок-резец, скребок-перфоратор и скребок-скобель) и ножи (Ластовский, 2000. С. 81–86). Орудия деревообработки представлены долотами, теслами, топорами и их обломками, а также заготовками деревообрабатывающих орудий, изготовленных в технике оббивки. В коллекции памятника позднего мезолита Кочкари I присутствует топор с пришлифованной поверхностью. Также особенностью комплекса этой стоянки является наличие двух наконечников стрел (постсвидерского типа и атипичный асимметричный листовидный наконечник с регулярной ретушью по продольным граням и выделенным черешком). Данная категория находок не представлена на раннемезолитических стоянках региона.

Ранненеолитические комплексы выявлены на памятниках елшанской культуры (Чекалино IV, Нижняя Орлянка II, Троицкое). Пластинчатость кремневой индустрии снижается и составляет около 7 %, орудий на пластинах представлено не более 10 %. Основным типом заготовки служил отщеп. Для производства орудий использовался преимущественно цветной местный низкокачественный кремнь. Среди типов нуклеусов преобладают аморфные и торцевые. Скребки становятся более разнообразными, морфологические формы неустойчивы: концевые на отщепах, скошенные, угловые, нуклевидные, с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра, концевые-боковые, боковые, двойные и др. Среди резцов наблюдается типологическая вариативность, из устойчивых форм, представленных на большинстве памятников, можно отметить угловые и многофасеточные, также встречаются двухгранные. Перфораторы/проколки и скобели редки и невыразительны. Весьма представительна категория рубящих орудий, среди которых преобладают топоры в технике двусторонней оббивки, значительно меньше долот и тесел. Следы шлифования не характерны для раннего неолита. Наконечники выявлены в ограниченном количестве и представлены изделиями листовидных форм (Андреев, Выборнов, 2017. С. 64–72).

Следует отметить принципиальные отличия комплексов эпохи мезолита от неолитических. Различна сырьевая база для изготовления орудий. Наблюдается снижение пластинчатости кремневой индустрии. Основной заготовкой для изготовления орудий вместо пластины становится отщеп. Меняются преобладающие типы нуклеусов, начинают доминировать формы бессистемного расщепления. Формы скребков и резцов становятся менее устойчивыми. В неолите получают более широкое распространение деревообрабатывающие орудия. Учитывая обозначенные различия в кремневых индустриях позднего мезолита и раннего неолита, можно сделать вывод, что это явления разного порядка. По мнению большинства специалистов, ранненеолитические группы населения являются в регионе пришлыми (Андреев, 2015. С. 198–211).

Согласно результатам радиоуглеродного анализа, мезолитический период в лесостепном Поволжье длился вплоть до середины VII тыс. до н.э., что подтверждают ^{14}C данные со стоянки Кочкари I (Бурыгин, 2020. С. 133–135). Ранние даты ранненеолитических комплексов укладываются в первую половину VII тыс. до н.э. (Андреев, Выборнов, 2017. С. 83). Таким образом, наблюдается определенное «хронологическое перекрытие» датировок позднемезолитических и ранненеолитических памятников в пределах первой половины VII тыс. до н.э. Этот период является временем сосуществования обеих групп населения, без каких-либо свидетельств их взаимодействия.

Андреев К.М., 2015. Характеристика ранненеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара. № 17 (3). С. 198–211.

Андреев К.М., Выборнов А.А., 2017. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт». 300 с.

Бурыгин М.А., 2020. Стоянка Кочки I – новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье (итоги исследований 2017–2019 годов) // Актуальная археология 5. Материалы Международной научной конференции молодых ученых; ИИМК РАН. СПб.: ООО «Невская Типография». С. 133–135.

Ластовский А.А., 2000. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара: СНЦ РАН. С. 81–112.

Т.А. Гаврилина

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
tanyaesler@gmail.com*

НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КУЛЬТУРЫ ЛАС-ВЕГАС (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ЛОМА-АТАУАЛЬПА, ЭКВАДОР)

В рамках археологических раскопок совместной российско-японско-эквадорской экспедиции на памятнике Лома-Атауальпа (провинция Санта-Элена, Эквадор; культура лас-вегас, 8000–5800 л.н.), в 2018 г. было исследовано три погребения, датируемых докерамическим временем (Попов и др., 2019). Сопроводительный инвентарь указанных погребений отличается своей неординарностью. Особый интерес вызывают разноцветные гальки без следов обработки и использования. Аналогичные находки встречаются повсеместно в культуре лас-вегас (Stothert, 1988. Р. 149, 151), а также на памятнике культуры вальдивия (4600–3000 л.н.) Реаль-Альто (Marcos, 2015), в раскопках которого принимала участие команда российских археологов в 2014–2017 гг. (Попов и др., 2016).

Подобные гальки фиксируются как в непосредственной близости от погребений, так и отдельно от них в виде выкладок-микрокомплексов. Можно предположить, что каждое захоронение отмечалось отдельным камнем, и, следовательно, это имело некое символическое значение. Следует также указать, что практика маркировки захоронений органично вписывается в более широкий контекст погребальных ритуалов по всей территории Эквадора (Stothert, 1988; Valdez et al., 2013. Р. 44). Однако на данный момент окончательные выводы по поводу предназначения этих камней сделать затруднительно.

Отдельно необходимо подчеркнуть, что в Эквадоре прослеживается присутствие фрагментов ракушечного конгломерата в погребениях вплоть до ранней вальдивии и, более того, до этнографической современности. И это, и крупные камни, вероятно, служившие для обозначения погребений на поверхности, и единичные гальки, а также отдельные комплексы из обломков терочных плит и курантов могут быть частями одного явления. В рамках еще одной, чисто практической, версии можно говорить о манипуляциях с выкладкой камней как о своеобразной защите захоронений от грызунов.

Гальки, вероятно, подвергались тщательному отбору, так как они отличаются весьма привлекательным внешним видом, а также имеют сопоставимые размеры. В том числе можно предположить их связь с известными на территории Центральной и Южной Америки кладами «шаманских камней» (Dickau et al., 2012).

Также следует упомянуть захоронение № 3 (вторичное, частичное), обнаруженное на памятнике Лома-Атауальпа (культура лас-вегас) в 2018 г. В нем зафиксирована так называемая замена нижней части скелета погребенного конструкцией из камня и ракушечного конгломерата (Гаврилина, 2019. С. 55). Вероятно, в данном случае можно говорить о насильственной смерти погребенного – в результате нападения морских хищников. Похожее погребение обнаружено на поселении Палома (5700–2800 л.н., Перу) (Quilter, 1989. Р. 43).

Крайне интересен факт сохранения вышеупомянутых черт в погребальном обряде при переходе от обществ охотников-собирателей к обществам ранних земледельцев. Подобное может свидетельствовать о поддержании на протяжении долгого времени глубокой смысловой нагрузки этих предметов в погребальных контекстах (Табарев, Гаври-

лина, 2019. С. 103). Так, и на территории полуострова Санта-Элена, и на острове Пуна (Эквадор) до сего дня можно проследить традицию особого отношения местных жителей к статуям из ракушечника.

- Гаврилина Т.А., 2019. Погребальный комплекс Лома-Атауальпа, докерамическая культура лас-вегас, Эквадор (по материалам российско-японско-эквадорской экспедиции 2018 г.) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск – Хэйхэ, 8–12 апреля 2019 г. Благовещенск: БГПУ. С. 54–56.
- Попов А.Н., Табарев А.В., Маркос Х.Г., 2019. Археологические раскопки памятника Лома Атауальпа (Республика Эквадор) в 2018 г. // Тихоокеанская археология: технологии, миграции, адаптации и материальная культура в древности. 2-й Международный археологический симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2019 г.: тезисы докладов. Владивосток: ДВФУ. С. 45–46.
- Попов А.Н., Табарев А.В., Маркос Х.Г., Лазин Б.В., Васильева Л.Е., 2016. Археологические исследования на памятнике Реаль-Альто в 2014–2015 гг. // Тихоокеанская археология. Вып. 38. Владивосток: ДВФУ. С. 187–206.
- Табарев А.В., Гаврилина Т.А., 2019. Камни в атрибутике погребальных комплексов древнейших культур (8–3 тыс. л.н.) на побережье Эквадора: контекст и варианты интерпретации // Знаки и образы в искусстве каменного века. Международная конференция. Тезисы докладов. М.: ИА РАН. С. 100–101.
- Dickau R., Redwood S.D., Cooke R.G., 2012. A 4,000-year-old Shaman's Stone Cache at Casita de Piedra, Western Panama // Archaeological and Anthropological Sciences. № 5 (4). P. 331–349.
- Marcos J.G., 2015. Un Sitio Llamado Real Alto. Ecuador: Mengraf Telf. 210 p.
- Quilter J., 1989. Life and Death at Paloma. Society and Mortuary Practices in a Preceramic Peruvian Village. Iowa City: University of Iowa Press. 280 p.
- Stothert K.E., 1988. La Prehistoria Temprana de la Península de Santa Elena: Cultura Las Vegas. Guayaquil: Museos del Banco Central del Ecuador. 271 p.
- Valdez F., Yépez A., Hurtado J., 2013. Primeras Sociedades de la Alta Amazonía. La Cultura Mayo Chinchipe-Marañón. Quito: Impresora Flores. 84 p.

Д.В. Гусева

*Санкт-Петербургский государственный университет
darya.guse@mail.ru*

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ С ПЛАСТИНЧАТЫМ ИНВЕНТАРЕМ У Р. ГУСИНЫЙ (КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)

Один из опорных комплексов для изучения раннего мезолита Северной Фенноскандии – стоянки Гусиный 4, 5, 7, расположенные на северном побережье Кольского полуострова, – был изучен КолАЭ ИИМК РАН в 2014–2016 гг. Вскрытая площадь памятников составила 119 кв. м, 80 кв. м, 42 кв. м соответственно (Мурашкин, Колпаков, 2019. С. 670–673).

Культурный слой на стоянках Гусиный 4 и 7 залегал под одной или двумя прослойками погребенного дерна, перекрытыми современной почвой, что позволяет рассматривать полученные коллекции как относительно непотревоженные комплексы. На памятниках Гусиный 4 и 5 были исследованы отчетливые концентрации находок размерами 7 × 5 м (Гусиный 4) и 6 × 5 м (Гусиный 5); на стоянке Гусиный 7 слой слабо насыщенный, скоплений не зафиксировано. По типологии инвентаря, высоте морской террасы и серии радиоуглеродных дат мезолитические стоянки относятся к рубежу 9 и 8 тыс. до н.э. и, по всей видимости, связаны с процессом заселения региона из лесной зоны Восточной Европы (Manninen et al., 2021; Мурашкин, Колпаков, 2019. С. 669).

Коллекции, собранные в ходе раскопок, суммарно насчитывают порядка 2000 изделий из камня (Гусиный 4 – 991, Гусиный 5 – 963, Гусиный 7 – 247). Среди мезолитических памятников Кольского полуострова эти материалы выделяются преобладанием изделий из кремня (Гусиный 4 – 90 %, Гусиный 5 – 50 %, Гусиный 7 – 30 %) и окремненного песчаника. Кварц, сланец, песчаник представлены в небольшом количестве.

Орудия немногочисленны (резцы, скребки, сверла, проколки, наконечник). Уникальна для региона большая серия пластин и их фрагментов с ретушью (чаще всего крутой и полукрутой на дорсальной поверхности) (Гусиный 4 – 203, Гусиный 5 – 255, Гусиный 7 – 28) (Мурашкин, Колпаков, 2019. Табл. 2. С. 676).

В рамках анализа коллекции стоянки Гусиный 4 были поставлены задачи определить характер связей между участками памятника, реконструировать его пространственную структуру и охарактеризовать технологию расщепления. Был осуществлен ремонт, проведены планиграфический и технологический анализы.

В коллекции выявлено 59 случаев аппликации сколов на 29 предметах; 58 из них – связи по слому, один – по расщеплению. На апплицируемых поверхностях ряда предметов место слома перекрывалось ретушью или резцовыми сколами; такие фрагменты пластинчатых сколов и отщепов, как правило, располагались на значительном удалении друг от друга (1,3–3 м). Близко расположенные (на расстоянии менее метра) изделия без ретуши или резцовых сколов на поверхности сломов, вероятно, были фрагментированы в результате постдепозиционных процессов.

Выявленные на стоянке Гусиный 4 связи по ремонту наряду с топографией и характером отложений свидетельствуют об относительно слабой нарушенности культурного слоя (горизонта находок). На памятнике не выявлены специализированные производственные участки. Все категории находок образовывали гомогенное скопление в пределах «рабочей» зоны, что может интерпретироваться как акт краткосрочного, одномоментного использования стоянки людьми.

С кремневым компонентом (897 предметов – 90 % инвентаря) связан технологический контекст получения пластинчатых сколов. Часть из них, вероятно, была получена ручным отжимом. В коллекции имеется один истощенный одноплощадочный конусовидный нуклеус размерами 31×21×17 мм с характерной «каннелированной» поверхностью расщепления (Inizan et al., 1999. Р. 142). Его площадка фасетирована.

Группу технологических сколов составляют сколы подправки площадки нуклеуса и их фрагменты (20 экз.), подправки базы и фронта (7 экз.).

Непластинчатые сколы составляют 670 экз.: чешуйки (размером менее 10 мм) – 303 экз., отщепы – 325 экз. (без учета отщепов с ретушью). Большинство отщепов, видимо, было получено в ходе подправки нуклеусов. Почти все орудия (16 экз.) изготовлены на пластинчатых сколах (203 экз., из них с ретушью – 46 экз.).

При изучении вопроса о техниках расщепления особое внимание уделялось анализу морфологии пластинчатых сколов. Из них целых – 8 экз., большинство имеет длину 30–50 мм при толщине 3–4 мм. Длина фрагментов пластин (195 экз.) составляет 10–30 мм при ширине 8–15 мм и толщине 2–4,5 мм (70 % пластинчатых сколов).

К группе диагностических для выявления техники отжима предметов были отнесены немногочисленные целые сколы и наиболее длинные их фрагменты (15–30 мм). Сочетание небольшой массивности, регулярности огранки, слабой степени изгиба профиля в дистальной части и небольшой относительной толщины (2–3 мм) при условии ее равномерности на всем протяжении длины скола дает основание предполагать использование техники отжима (Pelegrin, 2012; Binder et al., 2012).

Предметов, несущих все перечисленные признаки – 7 экз.; это фрагменты шириной до 8–9 мм. Соотнесение метрических параметров данных пластинчатых сколов с величинами, установленными в ходе экспериментов Ж. Пелеграна по отжиму (Pelegrin, 2012), дают основание предполагать ручной отжим (*hand held baguette*) или отжим от плеча (*shoulder crutch*). Для части фрагментов пластинчатых сколов характерно сочетание лишь двух или трех из перечисленных признаков, что может свидетельствовать об использовании техники удара через посредник (Pelegrin, 2012).

Выявлены следы интенсивной подготовки площадки нуклеуса перед снятием, включавшей ретуширование и редуцирование карниза. Можно утверждать, что основной технологический контекст материалов стоянки Гусиный 4 связан с производством пластин из кремня, что является уникальной ситуацией для мезолита Кольского полуострова.

Прямые аналогии материалам памятника как в типологии инвентаря, так и в технологии расщепления встречены в коллекциях северо-норвежских и финских стоянок, относящихся к кругу памятников с «восточной» пластинчатой технологией (Rankama, Kankaanpää, 2018. P. 162; Manninen et al. 2021).

- Мурашкин А.И., Колпаков Е.М., 2019. Мезолитические стоянки Кильдинского пролива и проблема заселения Кольского полуострова в каменном веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 64. Вып. 2. СПб. С. 666–682.
- Binder D., Collina C., Guilbert R., Perrin T., Garcia-Puchol O., 2012. Pressure-Knapping Blade Production in the North-Western Mediterranean Region During the Seventh Millennium cal B.C. // The Emergence of Pressure Blade Making from Origin to Modern Experimentation. N. Y. P. 199–217.
- Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J., 1999. Technology and Terminology of Knapped Stone. Nanterre: CREP. 189 p.
- Manninen M.A., Damlien H., Kleppe J.I., Knutsson K., Murashkin A., Niemi A.R., Rosenvinge C.S., Persson P., 2021. First encounters in the north: cultural diversity and gene flow in Early Mesolithic Scandinavia // Antiquity. First View. P. 1–19.
- Pelegrin J., 2012. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // The Emergence of Pressure Blade Making: from Origin to Modern Experimentation / Ed. Desrosiers Pierre M. N. Y. P. 465–500.
- Rankama T., Kankaanpää J., 2018. From Russia with Love: Eastern Intruders in the North Norwegian Mesolithic // Early Economy and Settlement in Northern Europe: Pioneering, Resource Use, Coping with Change. The Early Settlement of Northern Europe. Vol. 3. Sheffield. P. 139–167.

И.Е. Дедов*, **Е.П. Кулакова****, **М.В. Шашков*****, **А.А. Жданов*****

**Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
ll.dedov.com@gmail.com*

***Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, Москва
liverpool.town.uk@gmail.com*

****Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН, Новосибирск
****Новосибирский государственный университет
misha_chem@ngs.ru, roamlight@inbox.ru*

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ КОСТРИЩ СТОЯНКИ СУРУНГУР (ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА, ЮЖНЫЙ КЫРГЫЗСТАН)¹

Следы использования огня являются важным археологическим источником, их анализ позволяет реконструировать особенности быта и адаптационных стратегий древнего человека. Применение междисциплинарного подхода к их изучению позволяет реконструировать температуру и длительность горения, виды топлива, параметры очага (площади кострища, центра очага, температурного порога) (Нестерова, 2019). Мультидисциплинарный подход получил широкое распространение в 1980-х годах, с этого времени применение физико-химических методов становится обязательным при проведении подобных изысканий (March, 1996). В рамках настоящего исследования изучены пеплосодержащие прослойки стратифицированного памятника Сурунгур голоценового возраста (Ферганская долина, Южный Кыргызстан). Стоянка обнаружена в 2017 г. и раскапывалась в полевые сезоны 2018–2019 гг. российско-кыргызской экспедицией (Оленченко и др., 2019). На памятнике выявлены 17 пеплосодержащих горизонтов (по полевым данным, образовались в результате горения древних кострищ), к изучению которых были применены естественно-научные методы с целью определения их генезиса и использовавшихся типов топлива. Для этого отобраны 16 образцов, отбор осуществлялся послойно из пепловых прослоев и их вмещающих культуросодержащих отложений.

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РНФ № 19-78-10053 «Происхождение производящего хозяйства в горной части Центральной Азии».

Пеплосодержащие прослои выявлены в ходе проведения полевых работ с использованием капаметра КТ-5, фиксирующего повышенные значения магнитной восприимчивости для культурных отложений по сравнению с вмещающими. Дальнейшее изучение образцов проводилось с применением петромагнитного метода (Thompson, Oldfield, 1986; Bellomo, 1993. P. 550; Evans, Heller, 2003), благодаря чему удалось реконструировать температуру прогревов отложений памятника. Метод газовой хромато-масс-спектрометрии (ГХ/МС) (Kedrowski et al., 2009; Bush, McInerney, 2013) и рентгенофлуоресцентный метод (РФА) (Braadbaart et al., 2017) основаны на анализе органического и неорганического состава образцов, с их помощью было определено сожженное на памятнике топливо. Для выявления зависимостей петромагнитных характеристик термически измененных отложений и продуктов горения от параметров костра был проведен эксперимент (Кулакова и др., в печати) с использованием натуральных материалов-аналогов, которые могли применяться древними людьми.

На данный момент можно сказать, что следы огня на памятнике Сурунгур, согласно петромагнитным данным, образовались в результате человеческой деятельности. Анализ образцов методами определения органического и неорганического состава позволил определить типы сожженного на памятнике топлива.

- Кулакова Е.П., Дедов И.Е., Мещерякова О.А., Курбанов Р.Н., в печати. Опыт экспериментального изучения петромагнитных индикаторов археологических палеокострищ на примере лёссов Киргизии // Геосферные исследования.
- Нестерова М.С., 2019. Очажные устройства в эпоху палеометалла (Западная Сибирь). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 271 с.
- Оленченко В.В., Цибизов Л.В., Осипова П.С., Козлова М.П., Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Чаргынов Т., 2019. Результаты геофизических исследований памятника Сурунгур (Южный Кыргызстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. С. 181–186.
- Bellomo R.V., 1993. A methodological approach for identifying archaeological evidence of fire resulting from human activities // Journal of Archaeological Science. Vol. 20. Issue 5. P. 525–553.
- Braadbaart F., van Brussel T., Van Os B., Eijskoot Y., 2017. Fuel remains in archaeological contexts: Experimental and archaeological evidence for recognizing remains in hearths used by Iron Age farmers who lived in peatlands // The Holocene. Vol. 27 (11). P. 1682–1693.
- Bush R.T., McInerney F.A., 2013. Leaf-wax n-alkane distributions in and across modern plants: implications for paleoecology and chemotaxonomy // Geochimica et Cosmochimica Acta. V. 117. P. 161–179.
- Evans M.E., Heller F., 2003. Environmental Magnetism. Vol. 86: Principles and Applications of Enviromagnetics. Elsevier Academic Press. 293 p.
- Kedrowski B.L., Crass B.A., Behm J.A., Luetke J.C., Nichols A.L., Moreck A.M., Holmes C.E., 2009. GC/MS analysis of fatty acids from ancient hearth residues at the Swan Point archaeological site // Archaeometry. Vol. 51 (1). P. 110–122.
- March R., 1996. L'étude des structures de combustion préhistoriques: une approche interdisciplinaire // XIII Intern. Congress of prehistoric and protohistoric sciences. Forli. P. 251–275.
- Thompson R., Oldfield F., 1986. Environmental Magnetism. London: Springer. 228 p.

Я.Д. Иванов

*Санкт-Петербургский государственный университет
yadivanov66@gmail.com*

ВОЗМОЖНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕНИЧЕСКОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ХОТЫЛЕВО I

Первые гипотезы о возможности разделения продуктов расщепления камня на ученические и сделанные мастером высказывались еще в 1970-х годах в работах Ж. Тиксье. Это было связано с новым подходом, благодаря которому фокус исследования сместился на социальные факторы, стоящие за техникой расщепления. В американской археологии <https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.19-21>

этот подход реализовался в работах Л. Бинфорда, стремившегося понять причины изменения материальной культуры. Исследования, конкретной целью которых было выявление признаков, свидетельствующих о низком уровне умения в расщеплении камня, в том числе экспериментальные, стали появляться в конце 1980-х – начале 1990-х годов (Stapert, 2007. Р. 23). Сегодня такими признаками считают: 1) конические трещины на ударной площадке; 2) раскрошенные карнизы и ребра; 3) множественные ступенчатые окончания и др. (Stapert, 2007. Р. 23; Shelley, 1990. Р. 188–189).

В рамках решения проблемы определения ученического расщепления камня существуют три методических подхода: 1) морфологический, на основании выделения выше-названных признаков; 2) массовый ремонтаж каменных сколов и сопоставление технологических особенностей и продуктивности расщепления в рамках реконструированных складней; 3) «метод отклонений»: анализ степени соответствия нуклеусов и двусторонних орудий – предметов, демонстрирующих наибольшее количество негативов сколов – реконструированной для памятника технологической норме расщепления.

Высказывается и критический взгляд на возможность определения ученического расщепления. Экспериментальные работы показывают, что некоторые ошибки в расщеплении совершаются и опытными мастерами, но в меньшем количестве (Shelley, 1990. Р. 189), отдельными авторами они также связываются с сырьем низкого качества (De Loecker, 2006. Р. 28). Не изучено и влияние особенностей биологического строения более ранних видов Homo на технику расщепления. Множественные ступенчатые заломы на материалах олдованских стоянок могут рассматриваться как следствие попыток снятия повреждений с уплощенной поверхности нуклеуса. Подчеркивается, что эти и другие ситуации в ходе создания изделий могли приводить к появлению признаков ошибок в расщеплении, которые, таким образом, были необходимой частью производственной последовательности, и это актуально и для более поздних эпох (Hovers, 2009. Р. 144, 148). К выводу о независимости появления ступенчатых заломов от уровня умения и намеренности в их создании приходят исследователи и на основании экспериментальных данных (Eren et al., 2011. Р. 236). Следует согласиться, что при анализе продуктов расщепления нельзя полностью исключить другие, помимо ученичества, причины их конечной морфологии. Но знание о типичных ошибках расщепления и их фиксация полезны для лучшего понимания технологии изготовления. Например, высказано мнение, что такой тип, как пики, может быть не намеренно подготовленной формой, а заготовкой для бифаса, ошибки при создании которой приводили к фрагментации (Stapert, 2007. Р. 26).

Памятник Хотылево I находится на природных выходах мелового кремня, что обусловило специфику коллекции (в основном, в ней представлены продукты первичного расщепления). В качестве орудий могли использоваться первичные отщепы, сколы леваллуа в широком смысле (Нехорошев, 1999. С. 27), двусторонне обработанные изделия. Единственное, что их объединяет – протяженная лезвийная кромка, создание которой, видимо, и было целью расщепления.

Исследование 11 нуклевидных форм культуросодержащего горизонта 4 участка Хотылево I-6-2 коллекции 2015 г. показало, что большинство из них обладает схожими чертами: 1) подготовлены на плиточных формах плоскостным скалыванием; 2) применен метода леваллуа в широком смысле – расщепление производилось с одной стороны, тыльная сторона и торец нуклеуса могли использоваться для создания ударных площадок; 3) присутствует конвергентная огранка поверхности расщепления; 4) ударные площадки подготовлены одним или несколькими крупными сколами; 5) подправка зоны расщепления встречается редко; 6) расщепление производилось до сильного уплощения поверхности и/или значительного уменьшения размеров нуклеуса.

В коллекции отмечены и находки, которые демонстрируют признаки ошибок расщепления. Например, нуклеус с тремя раскрошенными карнизами, изделие, на котором отмечено пять конических трещин на расстоянии 1–1,9 см от карниза и 0,5–1 см друг от друга. Такие нуклеусы составляют небольшой процент, хотя по экспериментальным данным обучающиеся должны получать больше продуктов расщепления, чаще остав-

лять нуклеус из-за множества ошибок, что отмечается и в материалах разных коллекций (Stapert, 2007. P. 25).

Предметы из коллекции культуросодержащего горизонта 4 участка Хотылево I-6-2, демонстрирующие признаки, считающиеся характерными для расщепления новичков, могут свидетельствовать о присутствии на стоянке мастеров с различным уровнем умения. Для верификации этого вывода необходимо расширение выборки и применение других существующих в рамках решения проблемы определения ученического расщепления камня подходов.

Нехорошев П.Е., 1999. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский дом. 173 с.

Eren M.I., Bradley A.B., Sampson G.C., 2011. Middle Paleolithic skill level and the individual knapper: an experiment // *American Antiquity*. Vol. 76. No. 2. P. 229–251.

Hovers E., 2009. Learning from mistakes: flaking accidents and knapping skills in the assemblage of A. L. 894 (Hadar, Ethiopia) // *The Cutting Edge: New Approaches to the Archaeology of Human Origins*. Stone Age Institute. Gosport. P. 137–150.

Loecker de D., 2006. Beyond the site. The Saalian archaeological record at Maastricht-Belvédère (the Netherlands). PhD. thesis, University of Leiden. 341 p.

Stapert D., 2007. Neanderthal children and their flints // *Pal Arch's Journal of Archaeology of Northwest Europe*. Vol. 1. P. 16–39.

Shelley P.H., 1990. Variation in lithic assemblages: an experiment // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 17. P. 187–193.

А.В. Кандыба

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
arhkandyba@gmail.com*

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ДАГЕСТАНА¹

Проблема происхождения человека современного типа является фундаментальной, поэтому вопросам изучения каменных индустрий, носителями которых являются предшествующие современным популяциям гоминиды, уделяется пристальное внимание. Одним из регионов, на территории которого расположена большая группа среднепалеолитических объектов, является Дарвагчайский геоархеологический район (Юго-Восточный Дагестан) (Рыбалко, Кандыба, 2018; 2019; Рыбалко, 2014).

В 2020 г. в ходе разведочных работ было обнаружено два новых местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала, получивших название Дарвагчай-карьер 3 и Дарвагчай-карьер 4. Во время обследования отбирались все нуклевидные изделия, предметы со вторичной обработкой, а также сколы (целые и фрагменты), имеющие определяемые ударные площадки.

Памятник Дарвагчай-карьер 3 расположен на правом берегу р. Дарвагчай в 900 м западнее обнаруженного ранее памятника Дарвагчай-карьер 2 (Кандыба, Рыбалко, 2015). Каменные артефакты залегали на неровной распаханной поверхности террасы. Археологическая коллекция, включающая 75 артефактов, состоит из: нуклевидных форм (22); пластин и пластинчатых отщепов (4); отщепов (46); технических сколов (3). Нуклевидные изделия представлены типологически выраженными ядрищами (18) и их обломками (4). Большая часть нуклеусов (12) представляет леваллуазскую систему расщепления. Орудийный набор включает два крупных отщепа с ретушью и леваллуазский скол с отломанным окончанием, который можно охарактеризовать как двойное конвергентное скребло.

Местонахождение Дарвагчай-карьер 4 расположено в 300–400 м южнее памятника Дарвагчай-карьер 2 (Кандыба, Рыбалко, 2015; Рыбалко, 2014). Геоморфологическая позиция здесь идентична местонахождению Дарвагчай-карьер 3. Коллекция памятника Дарвагчай-карьер 4, насчитывающая 25 артефактов, состоит из нуклевидных форм (8); пластин и пластинчатых отщепов (2); отщепов (14); технического скола (1). Шесть из

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-09-00006 а.

восьми нуклеусов относятся к леваллуазскому расщеплению. Орудийный набор включает два отщепы с краевой нерегулярной ретушью.

Для каменного инвентаря из коллекций, собранных на новых местонахождениях, характерно технологическое единство. В качестве сырья для изготовления артефактов в большинстве случаев использовался окремненный известняк и очень редко кремень. Все обнаруженные предметы имеют одинаковую (очень хорошую) сохранность поверхности. Каменные индустрии демонстрируют превосходство леваллуазской технологии в первичном расщеплении, что подтверждается большим количеством леваллуазских нуклеусов, направленных преимущественно на получение отщепов. В пользу среднепалеолитического облика индустрии говорит также присутствие в орудийном наборе скребла, созданного на леваллуазском сколе. Общий облик этих археологических материалов и сравнительный анализ с аналогичными комплексами, обнаруженными ранее на территории Дарвагчайского геоархеологического района, позволяет рассматривать их в рамках финальной стадии среднего палеолита Кавказа (Рыбалко, Кандыба, 2018; 2019).

В качестве ближайших аналогов данной индустрии можно рассматривать культурно-хронологический комплекс 1 памятника Дарвагчай-залив 1 (Рыбалко, Кандыба, 2016; Рыбалко, 2014), а также подъемный комплекс памятника Дарвагчай-карьер 2 (Кандыба, Рыбалко, 2015). Помимо сходных геолого-геоморфологических условий у них обнаруживается полное сходство в каменном инвентаре. Среди нуклевидных изделий преобладают леваллуазские ядрища. Первичное расщепление в первую очередь ориентировано на производство отщепов. Единичные пластинчатые заготовки характерны для всех комплексов. Орудийный инструментарий отличается присутствием леваллуазских сколов и скребел.

В результате исследований, проведенных в 2015 г., в ходе шурфовки в непо потревоженной части памятника Дарвагчай-карьер 2 был обнаружен сходный археологический материал (Кандыба, Рыбалко, 2015). На этом основании можно предположить, что основная часть находок археологических объектов Дарвагчай-карьер 3 и Дарвагчай-карьер 4 находится в переотложенном состоянии в результате сельскохозяйственной деятельности. Но имеющиеся сейчас данные позволяют в полном объеме провести культурно-хронологическую характеристику каменной индустрии новых объектов и отнести ее к финальной поро среднего палеолита.

- Кандыба А.В., Рыбалко А.Г., 2015. Новые данные о среднем палеолите Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-карьер 2) // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История, политология. № 4/1 (88). Т. 1. С. 138–143.
- Рыбалко А.Г., 2014. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив 1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. С. 73–76.
- Рыбалко А.Г., Кандыба А.В., 2016. Каменная индустрия финала среднего палеолита с местонахождения Дарвагчай-залив 1 (Юго-Восточный Дагестан): новые данные // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. С. 156–158.
- Рыбалко А.Г., Кандыба А.В., 2018. Индустрии финального этапа среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана // Теория и практика археологических исследований. № 3 (23). С. 84–95.
- Рыбалко А.Г., Кандыба А.В., 2019. Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 26. № 2. С. 5–10.

Н.Н. Ковалева

*Новосибирский государственный университет
n.kovaleva@g.nsu.ru*

КЕРАМИКА ВАЛЬДИВИЯ: ОБЗОР ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИКОНОГРАФИИ

Культура вальдивия (территория Эквадора) демонстрирует один из самых ранних керамических комплексов в Новом Свете, относящихся к формативному периоду (5500–2500 л.н.) (Табарев, 2016. С. 115). «Внезапное», с точки зрения археологического матери-
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.22-24>

ала, появление развитого гончарного дела с отработанной технологией и развитой орнаментикой поставили вопрос о ее происхождении.

Э. Эстрада, обнаруживший на побережье Эквадора в 1956 г. стоянку Вальдивия, отмечая сходство в декоре и форме сосудов между японской керамикой периода среднего дзёмона и керамикой ранней вальдивии, которые датируются периодом между 2000 и 3000 гг. до н. э., сделал вывод о привнесении в Эквадор гончарного дела с Японских островов (Estrada et al., 1962. P. 371). К схожим иконографическим чертам Б. Меггерс и К. Эванс отнесли отжимной пальцами венчик, веревочный орнамент, и, особенно, венчик в форме зубцов башни, – всего 17 мотивов (Meggers et al., 1965. P. 158). Обращаясь к данным океанологии, исследователи обосновывают возможность путешествия через Тихий океан наличием двух встречных течений: Экваториального и Японского, благодаря которым дрейфующее японское судно могло пристать к эквадорскому побережью (Estrada, et al., 1962. P. 371).

Б. Меггерс и К. Эванс, используя метод сериации и сравнительный анализ иконографии культуры вальдивия, предложили для нее хронологию, состоящую из четырех фаз: фаза А – 5–4,3 тыс. л.н.; фаза В – 4,3–4 тыс. л.н.; фаза С – 4–3,4 тыс. л.н.; фаза D – 3,4–3 тыс. л.н. (Meggers et al., 1965. P. 150). Новый археологический материал, собранный на стоянках полуострова Санта-Элена, в том числе на стоянке Пунта Консепсьон, позволил Б. Хилл пересмотреть классификацию Б. Меггерс и предложить свою. Ее восьмифазная последовательность «удревнила» керамику вальдивии: начальная фаза А, предложенная Б. Меггерс, соответствует более поздней фазе II, по Б. Хилл, а фаза I предшествует периоду А (Hill, 1972/1974. P. 3, 25). Б. Хилл на основе анализа иконографии пишет об эволюции форм сосудов и орнаментов, в частности, от примитивного узора на мисках и горшках с горлышком в фазе I к сложному орнаменту на мисках фазы II (Hill, 1972/1974. P. 6). По ее мнению, факт обнаружения более ранней керамики фазы I далеко к югу от стоянки Вальдивия на полуострове Санта-Элена и в континентальной части страны на Лома-Альта указывает на то, что вальдивия I не может рассматриваться как региональный или прибрежный комплекс. Отсутствие сходства сосудов фазы I с керамикой среднего дзёмона также опровергает версию ее японского происхождения (Hill, 1972/1974. P. 25).

П. Стал рассматривает идею о связи вальдивийских орнаментов с измененным состоянием сознания, для чего привлекает данные нейропсихологии. Он полагает, что орнаменты на ранней керамике вальдивия (I–II) представляют репрезентацию изображений, которые воспринимаются во время общения со скрытыми мирами посредством галлюциногенных веществ (Stahl, 1985. P. 117). Эти изображения повторяются в эйдетических образах и переносятся на поверхность сосудов. Данные нейропсихологии свидетельствуют, что при приеме галлюциногенов наблюдаются некие устойчивые образы, в том числе геометрические (Klüver, 1966. P. 66). Между «константами форм» галлюциногенных образов и повторяющимися геометрическими мотивами на керамике вальдивия имеются многочисленные сходства: треугольники, ромбы, песочные часы, спирали, концентрические круги, решетки, тире, зигзаги, волнистые линии и U-образные фигуры. В обоих случаях мотивы последовательно повторяются с высокой степенью симметрии и могут комбинироваться и складываться в мозаики. Многие элементы находятся внутри четко разграниченных параллельных и взаимосвязанных полос (Stahl, 1985. P. 117–118).

В 1972 г. эквадорским археологом Х.Г. Маркосом на комплексе Реаль-Альто (провинция Санта-Элена) была обнаружена вальдивийская керамика. В 2014, 2015, 2017 гг. работы на этом памятнике проводились российско-японско-эквадорской экспедицией (Табарев, 2018). Помимо ранневальдивийской керамики исследователи обнаружили несколько фрагментов сосудов, отнесенных к комплексу «Сан-Педро», исследованием которого ранее занимались Х. Бишоп и Х. Витери (Bischof, Viteri. 2006. P. 9). Он оказался древнее ранневальдивийского, что является аргументом в пользу существования на территории Эквадора нескольких ранних керамических традиций. Иконографический анализ материалов этих двух комплексов может помочь в установлении возможной взаимосвязи между ними.

Сравнительный подход к иконографии в контексте хронологии позволяет существенно продвинуться в вопросе о происхождении культур и их взаимовлиянии. Рассмотрение иконографии в связи с измененным состоянием сознания дает представление о сложности и неоднозначности фрагментарно сохранившейся культуры вальдивия.

- Табарев А.В., 2016. Формативный период в археологии Эквадора: анатомия термина и вопросы практического применения // Теория и практика археологических исследований. № 1. С. 111–126.
- Табарев А.В., 2018. Первая российская археологическая экспедиция в Южной Америке: предварительные результаты раскопок в Эквадоре в 2014–2015, 2017 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 4. С. 5–11.
- Bischof H., Viteri J.G., 2006. Entre Vegas y Valdivia: la fase San Pedro en el suroeste del Ecuador // Bulletin de l'Institut Français d'Etudes Andines. Vol. 35. № 3. P. 261–276.
- Estrada E., Meggers B., Evans C., 1962. Possible Transpacific Contact on the Coast of Ecuador // Science. Vol. 135. P. 371–372.
- Hill B.D., 1972/1974. A New Chronology of the Valdivia Ceramic Complex from the Coastal Zone of Guayas Province, Ecuador // Nawpa Pacha. 10/12. P. 1–32.
- Klüver H., 1966. Mescal and Mechanisms of Hallucination. Chicago: University of Chicago Press. 108 p.
- Meggers B., Evans C., Estrada E., 1965. Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases. Washington: Smithsonian Institution. 475 p. (Smithsonian Contributions to Anthropology. Vol. 1).
- Stahl P.W., 1985. The Hallucinogenic Basis of Early Valdivia Phase Ceramic Bowl Iconography // Journal of Psychoactive Drugs. V. 17. № 2. P. 105–123.

А.С. Косенкова

*Самарский государственный социально-педагогический университет
nastyakosenkova89@gmail.com*

КОМПЛЕКСЫ НЕОРНАМЕНТИРОВАННОЙ И НАКОЛЬЧАТОЙ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО ИЛИ МЕХАНИЧЕСКОЕ СМЕШЕНИЕ?

Для раннего неолита на территории Марийского Поволжья характерны два типа керамики: неорнаментированная и накольчатая. На исследованных широких площадях памятниках региона обе группы керамики залегают в аналогичных стратиграфических и планиграфических условиях. В том числе в полузакрытых комплексах – жилищах стоянок Дубовская III и VIII, Отарская VI, Сутырская V – совместно обнаружены развалы сосудов обоих типов. На разных этапах изучения раннего неолита лесного Среднего Поволжья исследователями ставился вопрос относительно их культурного и хронологического единства и допускалась возможность механического смешения обозначенных типологических групп керамики в культурном слое стоянок.

По результатам анализа материалов поселений Дубовское III и VIII, Отарское VI и Сутырское V были определены следующие характеристики данных комплексов (Ники-тин, 2011).

Среди учтенных 123 сосудов без орнамента форма реконструируется лишь у 40, из них 20 % – горшковидные, 65 % – баночные, также в небольшом количестве встречаются чаши (15 %). Неорнаментированная керамика тонкостенна (0,3–0,6 см). Треть посуды имеет округлые стенки, в остальных случаях – прямые. Форма шейки венчика в большинстве случаев прямая (65 %), остальные сосуды имеют прикрытую или открытую форму горла, единичны профилированные. Оформление среза венчика в основном прямое (45 %), а также округлое (20 %), скошенное (26 %) и приостренное (7 %), под срезом у 65 % сосудов располагается ряд характерных сквозных отверстий. Среди выявленных днищ 70 % – плоские, 18 % – плосковогнутые, несколько сосудов имеют округлое дно. В качестве исходного пластичного сырья использовались илистые глины,

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.24-26>

в большинстве случаев в формовочной массе встречается шамот небольшого размера (Никитин, 2011; Васильева, Выборнов, 2015).

Также нами были учтены типологические и морфологические характеристики 431 сосуда с накольчатый орнаментом. Определить форму возможно лишь у 15 %, среди них горшки и банки представлены примерно в равном количестве. Для накольчатой керамики характерны прямые (56 %) или округлые (43 %) тонкие стенки (0,2–0,6 см). Среди выявленных днищ преобладают плоские, плосковогнутых лишь 26 %. Среди определяемых фрагментов половина имеет прямую форму венчика, в равном соотношении (около 20 %) представлена прикрытая и отогнутая форма. Венчики примерно четверти сосудов имеют прямой срез, в меньшей степени характерен округлый (23 %), скошенный (31 %) и приостренный (6 %), при этом в 75 % случаев под срезом венчика располагаются сквозные отверстия. Более половины сосудов украшено крупными и мелкими треугольными наколами, которые образовывали горизонтальные, вертикальные и диагональные ряды, узор «елочка», зигзаг или «косая борозда». Реже использовались овальные (9 %), округлые (6 %) и квадратные (2 %) наколы, насечки (6 %), прочерченные линии (3 %). Разреженная и отступающая манера нанесения орнамента представлена в равном количестве случаев. Для изготовления посуды использовались илестые глины, в которые добавлялся крупный шамот (Никитин, 2011; Васильева, Выборнов, 2015).

Необходимо констатировать, что для рассмотренных групп керамики характерны следующие общие черты: толщина стенок варьируется от 0,2 до 0,6 см; форма сосудов горшковидная или баночная, при незначительном преобладании первой; плоские днища господствуют над плосковогнутыми и выявлены более чем в 70 % случаев; сопоставимо соотношение прямых и округлых стенок сосудов; более половины венчиков имеют прямое оформление горловины, также представлены прикрытые и открытые формы; в обеих группах доминируют прямые срезы венчиков, при наличии округлых, скошенных и приостренных, при этом у 65–75 % сосудов под срезом представлен поясок сквозных отверстий; в качестве исходного пластического сырья используются илестые глины с примесью шамота. Таким образом, в морфологическом, типологическом и технологическом планах обозначенные типы посуды весьма близки.

Согласно результатам радиоуглеродных исследований, время существования неорнаментированной керамики определяется от начала VI тыс. до н. э. По материалам с поселения Дубовское III получена дата 7000 ± 150 BP, но для данной группы сосудов имеются и более поздние датировки, например, 6130 ± 100 BP (Дубовское III), 5764 ± 110 BP и 5628 ± 110 BP (Отарское VI). Хронологические рамки бытования посуды, орнаментированной наколами, определяются от 6467 ± 110 BP и 6340 ± 120 BP (Дубовское III) до 5540 ± 90 BP (Сутырское V) (Андреев и др., 2020; Выборнов, Никитин, 2016. С. 127–128). Основываясь на данных абсолютной хронологии, можно заключить, что рассмотренные материалы в период с середины VI тыс. до н.э. по середину V тыс. до н.э. сосуществуют на территории Марийского Поволжья и одновременно используются одним и тем же населением.

Таким образом, на наш взгляд, версия о культурном единстве неорнаментированной и накольчатой раннеолитической керамики Марийского Поволжья представляется достаточно обоснованной и находит подтверждение как в морфологии, типологии и технологии посуды, так и в абсолютной хронологии.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кудашов А.С., Кулькова М.А., 2020. Хронология неолита Марийского Поволжья // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию Г.И. Зайцевой / Ред. Н.Д. Бурова, А.А. Выборнов, М.А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ/ООО «Прото-принт». С. 9–10.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2015. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Вып. 31. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 68–98.

Выборнов А.А., Никитин В.В., 2016. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 123–128.

Никитин В.В., 2011. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 470 с.

А.Р. Лада*, **, Е.В. Пугачева***

**Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

***Санкт-Петербургский государственный университет*

****Европейский университет, Санкт-Петербург*

an7onlada@gmail.com, epugacheva@eu.spb.ru

МЕТОД ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ МОРФОМЕТРИИ И ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУР ЧЕРЕШКОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ¹

Изучение индустрий рубежа плейстоцена и голоцена традиционно было сопряжено с рядом трудностей. Материалы этого времени часто являются результатом поверхностных сборов, происходят из смешанных или переотложенных в результате движения ледника культурных слоев. В связи с этим достаточно рано были предприняты первые попытки статистического анализа этих материалов (Римантене, 1978; Fischer, 1985). Появление в археологии каменного века в последнее десятилетие новых методов статистического анализа формы изделий спровоцировало новую волну интереса к материалам финального палеолита – мезолита (Serwatka, Riede, 2016).

Применение геометрической морфометрии для анализа черешковых наконечников позволило коллективу авторов (Ivanovaite et al., 2020) провести переоценку материалов рубежа плейстоцена – голоцена Центральной и Восточной Европы. Изучив значительную часть опубликованных черешковых наконечников, авторы пришли к выводу, что между формой наконечников разных выделенных для этого времени культур не существует принципиальных различий. На этом основании под сомнение была поставлена вся принятая для рубежа плейстоцена и голоцена Восточной Европы культурная таксономия (Ivanovaite et al., 2020. Р. 177–178).

Несмотря на качественную новизну и важность исследования, оно имело ряд методологических неточностей, которые могли сказаться на результате. В первую очередь, отбор артефактов для анализа осуществлялся без должного внимания к контексту и территории их происхождения. Кроме того, для анализа формы артефактов использовался эллиптический метод Фурье, который лучше описывает всю вариабельность формы внутри определенной группы, но исключает внутригрупповое деление (Haines, Crampton, 2000).

Основная задача нашего исследования заключалась в том, чтобы, изменив принцип формирования выборки и анализа формы артефактов, проверить, насколько эффективен может быть метод геометрической морфометрии при выделении разных типов наконечников и соответственно культур в финальном палеолите – мезолите Восточной Европы. При формировании выборки были отобраны изделия с Валдайской возвышенности и ее окрестностей (рис. 1: а). Выбор территории был обусловлен наличием в регионе стратифицированных памятников рубежа плейстоцена-голоцена с имеющимися геохронологическими данными.

Выборка состояла из 77 черешковых наконечников с 6 стоянок финального палеолита – мезолита Восточной Европы, 1 опорного памятника культуры бромме – лингби и памятника средней поры верхнего палеолита – Зарайской стоянки (табл. 1). Послед-

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 20-09-00233 «Хронология и культурная дифференциация палеолита Костенковской группы как основа культурно-исторических и палеодемографических реконструкций» и РНФ № 20-78-10151 «Палеолит Костенок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии», а также в рамках темы государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

Табл. 1. Анализируемые материалы

Стоянка	Культурная принадлежность	Геологический возраст	Кол-во изделий	Источник
Бромме	Бромме-лингби	Аллеред	22	Fischer, Nielsen, 1987; Serwatka, Riede, 2016
Подол III/1-2	Подольская культура	Аллеред-поздний дриас	1	Sinitsyna, 2002
Баранова гора	Подольская культура	Средний дриас	1	Sinitsyna, 2018
Усть-Тудовка	Подольская культура	Поздний дриас?	2	Жилин, 2019
Теплый ручей II	Бромме – лингби,	Поздний дриас	4	Жилин, 2019
Вышегора I	Гренская культура	Средний дриас-поздний дриас	5	Sinitsyna, 2018
Умрышенка 3	Иневская культура		19	Трусов, 2011
Зарайская стоянка	Костенковско-авдеевская культура	LGM	13	Амирханов, 2000; Лев, 2009

ние были включены в анализ в качестве контрольной выборки. Исследование формы наконечников было проведено при помощи анализа главных компонент и канонического дискриминантного анализа. Анализ проводился по рисункам из публикаций, получение координат меток объектов было произведено в программе tpsDIG (Rohlf, 2006), а анализ формы артефактов – в программной среде PAST (Hammer et al., 2001). На первом этапе по контуру каждого наконечника было выставлено 40 точек-лэндмарков II типа (рис. 1: б). Вторым этапом работы был анализ главных компонент, который показал нагрузки на две главные компоненты – ГК1 (93,8 % изменчивости) и ГК2 (5 % изменчивости). ГК1 (горизонтальная ось, рис. 1: в) демонстрирует вариацию формы от удлинённых и симметричных изделий к укороченным и асимметричным. ГК2 (вертикальная ось) отвечает главным образом за отношение размера черешка наконечника к размеру самого наконечника. В результате канонического дискриминантного анализа было выделено три группы изделий – находки из Зарайска, Бромме и изделия с памятников подольской культуры и стоянок Вышегора I, Умрышенка 3 (рис. 1: б). Выделение в самостоятельную группу наконечников с Зарайской стоянки главным образом является показателем корректного применения метода. Наибольшая вариация формы прослежена у наконечников со стоянки Бромме, которая настолько велика, что эти изделия попадают в другие группы. Наиболее стандартной формой обладают наконечники Вышегоры, Умрышенки и подольской культуры. Несмотря на то, что формально они относятся к трем разным культурам (гренской, иневской и подольской), их объединение выглядит обоснованным, так как близость указанных культур неоднократно отмечалась в литературе (Лисицын, 2014).

Отделение «типичного» бромме от восточноевропейских общностей свидетельствует о том, что статистически значимые различия между наконечниками различных культур все же существуют, и метод геометрической морфометрии способен их зафиксировать. В то же время невозможность дальнейшей дифференциации внутри группы наконечников из подольской культуры, Умрышенки 3 и Вышегоры I убедительно показывает естественные ограничения метода геометрической морфометрии при анализе артефактов. В связи с этим в очередной раз хочется отметить, что анализ одной категории изделий, хоть и такой важной, как наконечники, не может являться достаточным основанием как для выделения археологических культур, так и для критики уже сформировавшихся таксонов.

Амирханов Х.А., 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 248 с.
Жилин М.Г., 2019. Особенности пластинчатой техники в Верхнем Поволжье в финальном палеолите – мезолите // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11 // Ред. А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. Липецк. С. 231–249.

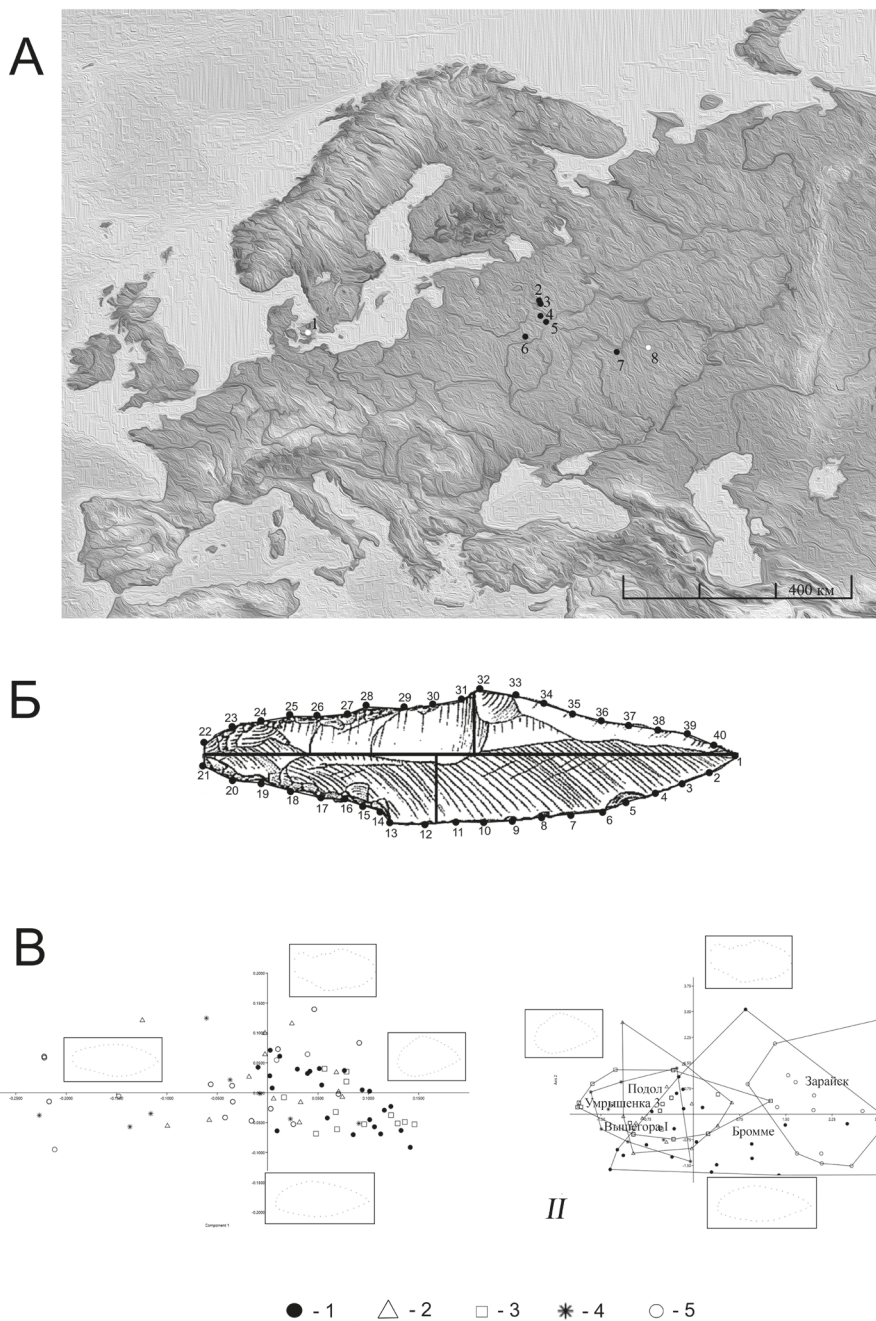

Рис. 1. Карта памятников, конфигурация лэндмарков, данные анализа главных компонент и канонического дискриминантного анализа.

А – карта памятников: 1 – Бромме; 2 – Баранова гора; 3 – Подол III/1, Подол III/2; 4 – Теплый Ручей II; 5 – Усть-Тудовка; 6 – Вышегора 1; 7 – Умрышенка 3; 8 – Зарайск; Б – конфигурация лэндмарков на анализируемых артефактах; В – результаты анализа главных компонент (I) и канонического дискриминантного анализа (II): 1 – Бромме; 2 – Подольская культура; 3 – Умрышенка 3; 4 – Вышегора 1; 5 – Зарайск.

- Лев С.Ю., 2009. Каменный инвентарь Зарайской стоянки (типологический аспект) // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф. С. 37–185.
- Лисицын С.Н., 2014. Технокомплексы рубежа плейстоцена и голоцена в лесной зоне Восточной Европы // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник. Вып. 3 / Отв. ред. С.А. Васильев, Г.А. Хлопачев. С. 85–109.
- Римантене Р.К., 1978. Типология палеолитических и мезолитических наконечников стрел Прибалтики // Орудия каменного века / Отв. ред. Д.Я. Телегин, Ю.Г. Колосов, В.И. Неприна. Киев. С. 20–31.
- Трусов А.В., 2011. Палеолит бассейна Оки. М.: Репроцентр-М. 312 с.
- Fischer A., 1985. Late Paleolithic Finds // Archaeological Formation Processes: The Representativity of Archaeological Remains from Danish Prehistory / Ed. K. Kriscansen. Copenhagen. P. 81–88.
- Fischer A., Nielsen F., 1987. Senistidens bopladser ved Bromme – en nybearbejdning af Westerbys og Mathiassens fund // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed Og Historiet. P. 5–42.
- Haines A.J., Crampton J.S., 2000. Improvements to the method of Fourier shape analysis as applied in morphometric studies // Palaeontology. Vol. 43. №. 4. P. 765–783.
- Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D., 2001. PAST: Paleontological Statistics software package for education and data analysis // Palaeontologia Electronica. Vol. 4. No. 1. P. 1–9 (program) [URL: http://palaeoelectronica.org/2001_1/past/issue1_01.html]
- Ivanovaitė L., Serwatka K., Hoggard C.S., Sauer F., Riede F., 2020. All these Fantastic Cultures? Research History and Regionalization in the Late Paleolithic Tanged Point Cultures of Eastern Europe // European journal of Archaeology. Vol. 23. P. 162–185.
- Rohlf F.J., 2006. Tps Utility Programm. Version 1.38. Stony Brook.
- Serwatka K., Riede F., 2016. 2D Geometric Morphometric Analysis Casts Doubt on the Validity of Large Tanged Points as Cultural Markers in the European Final Palaeolithic // Journal of Archaeological Science Reports. Vol. 9. P. 150–159.
- Sinitsyna G., 2002. Lyngby points in Eastern Europe // Archaeologia and Baltica. Vol. 5. P. 83–93.
- Sinitsyna G.V., 2019. Colonization of the Valdai Highland in the Final Paleolithic // Proceedings of the Amersfoort, Schleswig and Burgos UISPP Commission Meetings. Kiel. P. 363–378.

Н.В. Манько

*Донецкий национальный университет
nikita_manko98@mail.ru*

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ПОГРЕБЕННЫХ В МАРИУПОЛЬСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

На сегодняшний день на территории Днепро-Донского междуречья известен ряд некрополей нео-энеолитического времени, среди которых одним из крупнейших остается Мариупольский могильник, исследованный Н.Е. Макаренко в 1930 г. При его изучении, как и при изучении прочих памятников подобного типа, одним из главенствующих остается вопрос о социальной стратификации погребенных. Основным источником в данном случае выступают различные элементы погребального обряда с общими и частными чертами, в первую очередь, погребальный инвентарь в виде изделий из камня и кости, обнаруженных в 81 из 131 погребения некрополя.

Сам Н.Е. Макаренко относил кремневые орудия к категории бытовых изделий, а костяные предметы и изделия из мягких пород камня считал элементом погребального обряда либо украшениями (Макаренко, 1933. С. 53–54). Вместе с тем, анализируя кремневый инвентарь, он смог интерпретировать комплексы № 84, 89 как погребения мастеров-косторезов, а две крестовидные булавы из порфирита из захоронений № 8, 31 отнес к инсигниям власти местных племенных вождей. Какой-либо иной связи между погребальным обрядом и социальным положением умерших выявлено не было.

Исследователь разделял погребения на две хронологические группы: основную (119 захоронений) и позднюю – комплексы с иным погребальным обрядом. Эту идею в дальнейшем развил и трансформировал А.Д. Столяр, разделив могильник на три крупных скопления с множеством хронологических ярусов, взяв за основу расположение и

уровень залегания могил, а также учитывая различия в погребальном инвентаре (Столяр, 1955). К вопросу о социальной стратификации он практически не обращался, утверждая лишь, что памятник представлял собой родовое (родоплеменное) кладбище неолитического общества с матрилинейными чертами, выражавшимися в численном преобладании женских костяков на некоторых участках, а также идентичном женском и мужском погребальном инвентаре (Столяр, 1955. С. 31–32).

Культурно-хронологическое определение памятника было пересмотрено Н.С. Котовой, выделившей шесть отдельных хронологических погребальных групп в зависимости от уровня залегания комплексов и отказавшейся от идеи реконструкции могильника как сплошной траншеи (Котова, 1990). Само общество носителей нижнедонской культуры, к которой был отнесен Мариупольский могильник, исследовательницей видится как родовая община, где главной иерархической единицей был линидж, существовало понятие лидерства, а также выделялся институт жречества (Котова, 1994. С. 70–73).

В это же время Д.Я. Телегиным публикуется комплексное исследование, посвященное могильникам Днепро-Донского междуречья, обозначенным им как «могильники мариупольского типа» (Телегин, 1991). В нем дается обстоятельная характеристика погребального инвентаря всех основных памятников, включая Мариупольский, однако нет каких-либо реконструкций неолитического общества.

Анализ кремневого инвентаря проводился А.В. Колесником, выделившим несколько типов ранцевых наборов в погребениях (Колесник, 2016). Им не поднимались вопросы социальной стратификации как таковой, но было установлено, что для мужских и женских погребений характерен одинаковый набор кремневых орудий, что может быть интерпретировано как проявление личной собственности (Колесник, 2016. С. 69).

В целом мы видим, что при изучении Мариупольского могильника тема социальной стратификации погребенных чаще фигурировала в обобщающем виде. Исключение составляют лишь интерпретированные Н.Е. Макаренко погребения мастеров-косторезов, а также выявленная Н.С. Котовой связь между поло-возрастным делением погребенных и различиями в инвентаре и одежде (Котова, 1994. С. 73–74).

Очевидно, что возможности изучения социальной стратификации общества, оставившего Мариупольский могильник, далеко не исчерпаны. Приблизиться к дальнейшему обсуждению этих проблем можно, поставив вопросы, упорядочивающие оценки социального статуса погребенных и служащие для автора ориентирами в дальнейших исследованиях.

1. Безынвентарные погребения – это отражение социального неравенства или свидетельство существования в разные периоды функционирования памятника различных общественно-религиозных норм? В Мариупольском могильнике только 50 погребений (38 %) не содержат инвентарь. Это останки умерших, не входящих в элиту общества, или проявление особого упрощенного обряда в элитарном могильнике, своего рода мавзолее?

2. Наличие в некоторых погребениях предметов, не вписывающихся в основной сопроводительный инвентарь – признак высокого статуса или проявление идентичности через личную собственность? Помимо основного набора костяных украшений в некоторых захоронениях известны также предметы из редких пород камня, нехарактерного для данного региона (две порфириновые булавы и подвеска, семь пластинок из белого известняка), а также медные предметы (браслеты и бусины) и две костяные фигурки быка.

3. Ранцевые наборы кремневых орудий – индивидуальные хозяйственные наборы или «профессиональные», принадлежавшие специализированным мастерам? Помимо двух вышеупомянутых погребений в некрополе также встречаются захоронения с кремневыми топорами, наборами наконечников стрел и одним зубчатым штампом для керамики.

4. Наличие во многих погребениях подвесок из плоских толстых перламутровых (шайбовидных, по Д.Я. Телегину) бусин порождает вопрос об их семантике. Выступают ли они как особая форма ритуального инвентаря или же являются меновым эквивалентом?

5. Сопутствующий погребальный инвентарь (кроме одежды) отражает имущественное положение и профессиональные навыки умершего или был специально отобран для ритуала в качестве особых культовых маркеров?

Колесник А.В., 2016. Кремневый комплекс Мариупольского могильника // Самарский научный вестник. № 2 (15). С. 67–74.

Котова Н.С., 1990. Похоронный обряд Мариупольского могильника // Археологія. № 3. С. 48–56.

Котова Н.С., 1994. Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье). Луцк: Вежа. 167 с.

Макаренко М., 1933. Мариупільський могильник. Київ: ВУАК. 131 с.

Столяр А.Д., 1955. Мариупольский могильник как исторический источник (опыт историко-культурного анализа памятника) // СА. XXIII. С. 14–37.

Телегин Д.Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. К.: Наукова думка. 96 с.

Д.В. Марченко

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
dasha-smychagina@yandex.ru*

ПРИМЕНЕНИЕ АЛГОРИТМА К-СРЕДНИХ ДЛЯ АНАЛИЗА ПЛАНИГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ СТОЯНКИ МАСКА)¹

Стоянка Маска – место охотничьей засады эскимосов нунамиут, наблюдательного пункта для контроля охотничьих угодий вокруг деревни. «Культурные остатки» на стоянке были археологически зафиксированы Л. Бинфордом (1978) и сопоставлены с этнографическими наблюдениями. База данных с координатами «находок» впоследствии использовалась для отработки статистических методов в планиграфических исследованиях (Whallon, 1984; Djindjian, 1988; Kintigh, 1990). «Находки» включали пять категорий: крупные кости и осколки – от извлечения костного мозга; древесная стружка – от занятий ремеслом по изготовлению масок; гильзы, выпадавшие на месте стрельбы; «артефакты» (консервные банки, обрезки веревки, изношенные перчатки). Л. Бинфорд выделяет на стоянке основные зоны активности, где в разных пропорциях осуществлялась деятельность (табл. 1). В данной работе проводится кластерный анализ этих материалов из открытой базы данных с координатами находок (<http://people.tamu.edu/~dcarlson/quant/data/Mask.html>). Результаты сравниваются с наблюдениями Л. Бинфорда и выводами других исследователей с целью проверки интерпретационных возможностей кластерного анализа в планиграфических исследованиях.

Кластеризация проводилась алгоритмом k-средних в программной среде R (R Core Team, 2020). В работе К. Кинтай (Kintigh, 1990. Р. 185) приводится анализ распределения находок данным алгоритмом, и оптимальные деления – на 3 и 8 кластеров – выбираются, исходя из расчета суммы квадратов ошибок (SSE). Нами по данной методике были рассчитаны значения SSE, а также индексы качества кластеризации (табл. 2). Согласно большинству индексов, 3х-кластерное деление является лучшим, далее идут 2х, 8ми и 15ти-кластерные деления.

Когда кластеров (далее – K) три, они соответствуют приочажным зонам (табл. 1). От $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ находок в каждом K составляют обломки кости. Артефакты и большие кости есть во всех K , но во втором, самом многочисленном, доля этих категорий наименьшая, но высока доля древесной стружки и гильз. В K 3 этих категорий нет, его состав самый однородный. K 2 показывает выраженную специфику находок; состав K 1 наиболее смешанный, что говорит о сочетании следов различной деятельности у очагов C–D. При восьми K выделяются K (1, 2, 5, 7, 8), образованные находками непосредственно у основ-

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения *Homo sapiens* в Азии».

Табл. 1. Соответствие зон деятельности и кластеров. Зоны и деятельность в них даны по: Binford, 1978. P. 349. Tab. 7

Участки		Деятельность (% от общего времени наблюдения)						Кластерные разделения (номера кластеров)			
Зона	Очаги	Высма- ривание добычи	Еда и разговоры	Стрельба по мишеням	Игра в карты	Ремесла	Сон	2	3	8	15
W	нет	12	0	42	16	30	0	1	2	3, 6	2, 13, 14
X	B-E	0	34	0	32	7	27	1	3	1	4, 15
Y	C-D	0	32	3	47	18	0	2	1	4, 7, 8	7, 8, 10, 11
Z	A	0	96	0	0	4	0	1	2	2, 5	1, 5, 12
-	нет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3, 6, 9

Табл. 2. Определение оптимального количества кластеров

Кол-во кластеров	Значение SSE	Кол-во индексов, определяющих деление как лучшее
1	36374205	0
2	20878198	2
3	10931321	16
4	8063188	1
5	6095562	0
6	5023892	0
7	4298508	0
8	3813955	2
9	3209193	0
10	2936665	0
11	2712268	0
12	2412848	0
13	2361960	1
14	2057020	0
15	1976382	2

ных очагов, 70–90 % из которых – осколки кости. Остальные *K* отдалены от очагов, и на них приходится все находки древесной стружки и почти 90 % гильз. При 15 *K* образуется дробное деление, где часть соседних *K* (1, 5, 12; 7, 11) имеет близкий состав, характерный для приочажных зон – 80–95 % осколков кости и 3–15 % артефактов. В других *K* высока доля стружки (8, 13) или гильз (2, 10, 14), что указывает на ремесленную деятельность или стрельбу. Кроме того, наиболее удаленные находки выделились в отдельные *K* (3, 6, 9), в которых от 50 до 100 % составляют артефакты и высок удельный вес крупных костей.

Таким образом, деление на три *K* выявляет три «центра притяжения» деятельности, показывая, с какими из них соотносятся специфические действия (стрельба и ремесло наиболее связаны с *K* 2, в меньшей степени – с *K* 1). Восемь *K* определяют специфику приочажных зон. Пятнадцать *K* выделяют периферийные концентрации артефактов и крупных костей. По наблюдениям Л. Бинфорда, на стоянке Маски в ходе потребления костного мозга у очага осколки кости выпадали на дневную поверхность непосредственно там, где люди сидели у основных очагов (А, В, С), образуя зону выпадения. Более крупные кости отбрасывались в сторону, оказываясь на определенном расстоянии

от очагов (в зоне выбрасывания). Большинство артефактов удалялось из основной зоны деятельности (Binford, 1978).

Подведем итоги. Оптимальные кластерные деления, определенные с помощью индексов, соответствуют результатам В. Кинтай (Kintigh, 1990). Кластеры или их группы (табл. 1) образуют зоны с преобладающими категориями находок (приочажные зоны, зоны ремесла, изолированные артефакты на периферии), что согласуется с этнографическими данными Л. Бинфорда и выводами других исследований (Whallon, 1984; Djindjian, 1988). Однако из-за особенностей метода для соответствия K реальным поведенческим эпизодам нужно, чтобы следы деятельности имели центр притяжения (здесь – очаг), либо были отделены в пространстве друг от друга (в данном случае очаги разделены крупными глыбами). Также некоторые виды деятельности (здесь – игра в карты) не оставляют следов, и их невозможно определить по составу находок. Несмотря на это, кластерный анализ может выступать полезным инструментом изучения пространственно-приуроченной деятельности на археологических стоянках.

Binford L.R., 1978. Dimensional analysis of behavior and site structure: learning from an Eskimo hunting stand // *American Antiquity*. Vol. 43. P. 30–61.

Djindjian F., 1988. Improvements in Intra-Site Spatial Analysis Techniques // *Computer and Quantitative Methods in Archaeology 1988* / Ed. S.P.Q. Rahtz. Oxford: B.A.R. P. 94–106.

Kintigh K.W., 1990. Intrasite Spatial Analysis: A Commentary on Major Methods // *Studies in Modern Archaeology 3. Mathematics and Information Science in Archaeology: A Flexible Framework* / Ed. A. Voorrips. P. 165–200.

R Core Team, 2020. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. URL <https://www.R-project.org/>

Whallon R., 1984. Unconstrained clustering for the analysis of spatial distributions in archaeology // *Intrasite Spatial Analysis in Archaeology* / Ed. H.J. Hietala. Cambridge: Cambridge University Press. P. 242–277.

В.А. Михиенко, Н.Е. Белоусова, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
mikhienko@archaeology.nsc.ru, consacer@yandex.ru, kmb777@yandex.ru

БИФАСИАЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ¹

Многослойный археологический объект Денисова пещера играет важнейшую роль в изучении проблем становления и развития культуры верхнего палеолита на Алтае. Верхнепалеолитические бифасиальные изделия памятника представляют собой достаточно яркую категорию орудийного набора в индустриях начала верхнего палеолита и развитого верхнего палеолита. Согласно данным биостратиграфии и абсолютной хронологии, возраст этих изделий может определяться широким временным интервалом первой половины МИС 3 – начала МИС 2 (Природная среда..., 2003. С. 68–112, 137–155).

Актуальная историография предлагает достаточно разобщенные и неполные сведения о бифасиальных орудиях Денисовой пещеры (Деревянко и др., 2017; 2018; Природная среда..., 2003; Шуньков и др., 2019). В то же время подобные сведения очень востребованы для исследования хозяйственной и охотничьей деятельности обитателей Алтая, а также культурных различий верхнепалеолитических сообществ региона (Деревянко, Шуньков, 2002; Белоусова и др. 2019). В рамках настоящей работы впервые осуществляется анализ опубликованных и архивных данных по верхнепалеолитическим бифасам Денисовой пещеры, производится верификация сведений о сохранности, контекстах и технико-типологическом облике этих орудий на основе ревизии коллекций памятника (1989, 1992, 1994, 1995, 1997, 2000, 2004, 2016–2019 гг.).

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда РНФ в рамках проекта № 20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

Табл. 1. Бифасиальные изделия верхнего палеолита (Денисова пещера)

№ п/п	Год	Слой	Длина, мм	Ширина, мм	Толщина, мм	Тип фрагментации	Форма
Предвходовая площадка							
1	1989	6	35.8	24.5	13.1	медиально-дистальный	овальный
Центральный зал							
2	1992.1993	11.1	49.3	34.2	12.3	базальный	листовидный
3	1994	11.1	51.2	30.8	12.8	острийная часть	листовидный
4	1995	11.4	33.6	30.3	6.6	медиальный	листовидный
5	1995	11.4	48.0	32.9	13.8	медиальный	листовидный
6	1995/1997/2016	11.4/11.4/11.4	96.6	35.4	11.9	целый	листовидный
Южная галерея							
7	2004	9	27.0	15.3	5.8	острийная часть	листовидный
8	2017	9	65.2	32.5	13.8	медиально-дистальный	листовидный
9	2017	11	36.6	25.0	8.5	острийная часть	листовидный
10	2018	11	48.5	34.1	12.1	медиально-дистальный	овальный
11	2019	11	61.3	28.6	9.4	базально-медиальный	листовидный
12	2019/2019	11/11	37,6/36,1	24,0/26,5	7,1/8,7	базальный/острийная часть	листовидный

В результате исследования установлено, что коллекция бифасов верхнего палеолита Денисовой пещеры насчитывает 12 изделий (табл. 1), два из которых восстановлены¹ из фрагментов. Артефакты были выявлены на участках раскопов центрального зала (лит. сл. 11.1 и 11.4), южной галереи (лит. сл. 9 и 11) и предвходовой площадки (лит. сл. 6).

В коллекциях сл. 11.1–11.4 центрального зала зафиксировано пять листовидных бифасов – один базальный фрагмент, два медиальных, острийная часть и одно целое восстановленное изделие (с обломанным кончиком острия). Для всех орудий характерна симметричная форма, двояковыпуклое или плосковыпуклое поперечное сечение. Целый листовидный бифас составлен из трех фрагментов, обнаруженных в сл. 11.4 на участке двух смежных квадратов (1995, 1997 и 2016 гг.). В зоне предвходовой площадки пещеры в отложениях сл. 6 зафиксирован медиально-дистальный фрагмент бифаса; авторами раскопок он был отнесен к категории овальных (Природная среда..., 2003. Рис. 95: 17), однако, судя по сохранившейся части, мог иметь и листовидную форму. В коллекции слоев 9 и 11 южной галереи Денисовой пещеры выявлено шесть бифасиальных изделий (Деревянко и др., 2017; 2018; Шуньков и др., 2019). Один бифас из слоя 11, с отсутствующей базальной частью, был отнесен к категории овальных (Деревянко и др., 2018. Рис. 2: 11). Другие орудия – два фрагмента острийных частей, один медиально-дистальный, один базально-медиальный и одна практически целая форма (базальная и острийная часть) – тяготеют к группе листовидных. Последнее изделие представлено двумя не апплицирующимися частями, обнаруженными в слое 11; они залегали на участке соседних квадратов южной галереи.

В результате ревизии археологических коллекций установлено, что технологический контекст бифасов на памятнике представлен не только законченными формами, но и сколами уточнения. Семь снятий было выявлено в коллекциях сл. 7 предвходовой пло-

¹ Артефакты восстановлены н.с., к.и.н. Белоусовой Н.Е.

шадки (1989 г.) и сл. 9 центрального зала (1995 г.). Артефакты несут плоские негативы предыдущих встречных и центростремительных снятий, имеют относительно уплощенный ударный бугорок и легкий изгиб. Для них характерна скошенная остаточная ударная площадка: точечная или линейная. Удельный вес сколов утончения и других отходов производства бифасов в коллекциях верхнего палеолита предстоит уточнить в рамках целенаправленных изысканий.

Обобщая полученные данные, можно отметить, что все рассматриваемые бифасиальные формы были оставлены человеком в фрагментированном состоянии. Характер распространения планиграфических связей говорит о локализации связанных фрагментов в границах единых литологических подразделений. В коллекции присутствуют два типа орудий, при этом преобладают изделия листовидной формы, редки – овалы. Помимо бифасов, на памятнике выявлены технические сколы их оформления, что позволяет говорить о реализации финальной стадии подготовки или переоформления этих орудий непосредственно на стоянке. Тщательная обработка орудий не позволяет без проведения более детальных исследований аргументированно рассуждать о том, какой тип заготовки служил для них основной. Результаты проведенной ревизии археологических коллекций Денисовой пещеры, верификации опубликованных и архивных данных будут положены в основу общих комплексных исследований верхнепалеолитических бифасиальных технологий на Алтае.

- Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А., 2019. Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-Бом: технология, функция, контекст // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. С. 36–43.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., 2002. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (9). С. 16–42.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А., 2018. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIV. С. 82–86.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В., 2017. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. С. 103–107.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая, 2003 / Отв. ред. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 448 с.
- Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Чеха А.М., Чеха А.Н., 2019. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. С. 299–305.

А.И. Панкина*, Н.В. Цой**

**Новосибирский государственный университет*

rankina1995b@mail.ru

***Ассоциация экспериментальной археологии «Археос», Хабаровск*

Azylum@inbox.ru

СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРНИТОМОРФНОЙ СКУЛЬПТУРЫ МАЛЬТИНО-БУРЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДО ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ¹

Исследователь древнейшего искусства имеет возможность использовать широкий спектр методов извлечения новой информации: от узкоспециализированных археологи-

¹ Работа выполнена при поддержке проекта «Программа содействия занятости выпускников 2020 года на научно-исследовательские позиции в образовательных организациях высшего образования и научных организациях».

ческих (технологический, трасологический анализы) и естественнонаучных (палеобиологическая классификация) до общеисторических (историко-сравнительный анализ). Важнейшим этапом такой работы является синтез полученных данных, позволяющий установить связь между археологическим предметом и использовавшим его человеком. В рамках изучения коллекции орнитоморфной пластики (21 экз.) мальтино-буретской культуры (верхнепалеолитические стоянки Мальта и Буреть, Прибайкалье) синтез между «миром людей» и «миром вещей» видится в обращении к функциональному анализу изделий.

За последние пять лет коллекция была подвергнута комплексному исследованию, полученные результаты можно представить следующими положениями. 1. Выделены два вида изображений: уплощенные изделия с идентичными морфологическими признаками (18 экз.) и индивидуальные изображения, относящиеся к типу круглой скульптуры (3 экз.). 2. Выделенным видам скульптур соответствуют разные заготовки и алгоритмы изготовления: первые выполнены на уплощенных отщепах бивня, отверстия в хвостовой части формировались на заключительном этапе изготовления при помощи провертки. Второй тип скульптур имел заготовку типа бруска. Элементы крепления этих изделий могут характеризоваться как массивные петли в хвостовой части фигуры, заложенные мастером еще на стадии обработки заготовки, с последующим вырезанием отверстия при помощи резца (Лбова, Панкина, 2018. С. 18; Lbova, Volkov, 2015. Р. 20). В литературе, посвященной мальтино-буретской культуре, изделия из данной коллекции в целом определяются как подвески (Герасимов, 1931; Шмидт, 2006. С. 58–59). Однако выявленные различия способов крепления (отверстия, петли) позволяют сформулировать тезис о многофункциональности рассматриваемых предметов.

Результаты трасологического анализа не дают однозначного ответа на вопрос о способе использования скульптур. Сохранность их поверхности варьируется от хорошей до неудовлетворительной, у шести изделий отмечается разрушение поверхности дендритами. Для предметов первой группы отмечается как наличие заполировки в районе отверстия у одних экземпляров (что может свидетельствовать о подвешивании), так и полное отсутствие таких следов у других. Что касается круглой скульптуры, у двух изделий отмечается общая заполировка по нижней части и на выпуклых элементах, перекрывающая следы орудий формообразования. Вероятнее всего, она связана с длительным контактом предмета и мягкого органического материала. У третьего экземпляра, в силу плохой сохранности, следы вероятного использования не могут быть обнаружены.

Посредством палеобиологической классификации изделия первой группы были определены как фигуры представителей различных видов водоплавающих (лебеди, гуси, гагары), изображенные в позе полета. Для второй группы характерно наличие индивидуальных поз: плывущий лебедь с изогнутой шеей; птица, интерпретируемая как выпь в момент охоты; фигурка птицы, вид которой определить не удалось, переданная в позе взлетающей/сажающейся на водную поверхность.

Для анализа расположения изделий в пространстве (выявление позы при вероятных способах использования) были изготовлены две экспериментальные копии скульптур: уплощенная (МАЭ РАН, инв. № 5406-401) и круглая (ГЭ, инв. №370-768). При подвешивании уплощенной скульптуры она ориентируется по линии «верх–низ», головой вниз, при попадании на ладонь обращается либо головой вверх, к смотрящему (соответствует версии индивидуального характера скульптур) (Волкова, 2012. С. 34), либо размещается по горизонтальной линии, что соответствует позе полета водоплавающих. Круглая скульптура при подвешивании в силу рельефности форм не располагается по линии «верх–низ», при попадании на плоскую горизонтальную поверхность (ладонь) из-за наличия выпуклой петли заваливается на бок. При нанизывании на палку уплощенная скульптура повторяет позу полета, круглая принимает читаемую позу взлетающей с водной поверхности птицы.

Подвешивание к одежде и нанизывание на шест/палку орнитоморфных изображений находит большое количество аналогий в этнографическом материале. В данном

случае речь идет об устоявшихся традициях пришивания плоского изображения птицы к одежде шамана (Шаманский костюм, 2004, С. 13–44) и нанизывании преимущественно объемных орнитоморфных фигур на шест/палку/верхушку дерева/шаманский посох/ жердь чума у ряда народов севера Сибири (ханты, манси, ненцы, кеты, эвенки, селькупы) (Иванов, 1970. С. 23, 59, 92, 116, 123, 177; Анисимов, 1952. С. 208).

Таким образом, трасологический анализ позволил выявить у части изделий следы длительного контакта с мягким органическим материалом. Однако стоит учитывать тот факт, что орнитоморфные изделия как неутилитарные и, вероятно, ритуальные предметы использовались не постоянно, а в определенных случаях, и в течение долгого времени могли храниться в специально отведенных местах. Палеобиологическая классификация позволила установить наличие у скульптур, в частности, второго вида, специфичных поз, которые становятся очевидны только при определенном использовании, что подтверждается экспериментом.

О важности расположения фигурки в читаемой позе свидетельствуют указанные выше этнографические примеры, это соотносится с представлением о наличии в традиционных обществах строго регламентированного порядка в вещном мире, когда не только ритуальные, но и бытовые предметы имели свои четко очерченные функции, место в пространстве и семантическую нагрузку, исключавшие случайное использование и беспорядочность в расположении (Традиционное мировоззрение, 1988, С. 157, 166). Таким образом, предметы орнитоморфной пластики мальтино-буретской культуры могли не только служить подвесками, но и применяться в ритуальных действиях, когда изображения птиц, например, нанизывались на палку и располагались в определенном месте.

Анисимов А.Ф., 1952. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Сибирский этнографический сборник. Т. 18. С. 199–238.

Волкова Ю.С., 2012. Этнографические исследования и изучение верхнепалеолитической мелкой пластики // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (51). С. 31–36.

Герасимов М.М., 1931. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. Иркутск: Власть труда. 34 с.

Иванов С.В., 1970. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л.: Наука. 295 с.

Лбова Л.В., Панкина А.И., 2018. Мальтинская орнитоморфная пластика как культурный код палеолитического населения Сибири // Искусство Евразии. № 4 (11). С. 12–26.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир, 1988 / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск: Наука. 225 с.

Шаманский костюм, 2004 / О.А. Чернявская, А.А. Дурасов, С.Н. Мурзин. Иркутск: Артиздат. 80 с.

Шмидт И.В., 2006. Изобразительное творчество в палеолите Северной Азии: методики интерпретаций (историографический аспект). Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 344 с.

Lbova L., Volkov P., 2016. Processing Technology for the Objects of Mobile Art in the Upper Paleolithic of Siberia (the Malta Site) // Quaternary International. Vol. 403. P. 16–22.

Т.Е. Ростяженко

*Новосибирский государственный университет
miss.oldman2017@yandex.ru*

ИЗДЕЛИЕ ИЗ НЕФРИТА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ НОВАЯ ШИШКОВКА (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ) В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «ПРЕСТИЖНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»¹

Согласно концепции Б. Хейдена, престижные технологии – это социальный и технологический комплекс в архаичных обществах, целью которого является демонстрация

¹ Работа выполнена при поддержке проекта «Программа содействия занятости выпускников 2020 года на научно-исследовательские позиции в образовательных организациях высшего образования и научных организациях».

богатства, успеха, престижа и власти (Owens, Hayden, 1997; Hayden, 1994; 1998 и пр.). В отличие от практических, престижные технологии нацелены на решение проблемы социального характера через использование излишков труда и ресурсов. Поэтому логика и стратегия создания престижных артефактов принципиально отличаются от логики и стратегии создания нормативно практических, утилитарных изделий (Hayden, 1998). Брайан Хайден определяет критерии, материальные и технологические рамки для предметов престижного характера. Материал для их изготовления, как правило, имеет высокую ценность и труднодоступен, для него показательны такие внешние признаки, как блеск или зеркальность. Технологическая специфика престижных вещей заключается в изобретении новых технологических решений или в сложности производства (Hayden, 1998). При разграничении на «престижные» и «практические» технологии необходимо: определить процесс производства, расстояние до источника сырья; оценить демонстративную ценность предмета по внешним характеристикам материала и его доступность; привлечь по возможности данные этнографии, аналогии предметов в современных культурах/обществах.

Богатое погребение на территории г. Улан-Удэ в районе Новой Шишковки было найдено в 1958 г. По технологическим характеристикам инвентаря оно было датировано неолитическим временем (Хамзина, 1959; Ивашина, 1979). Из найденных в нем вещей особый интерес представляет наконечник копья (по определению А.П. Окладникова, кинжал), форма которого необычна для нефритовых вещей неолитического времени (Хамзина, 1959). Предмет имеет вытянутую листовидную форму с выделенным коротким зауженным насадом и округлой, не до конца зашлифованной базой. Его длина – 184,85 мм, ширина – 38,88 мм, толщина – 12,22 мм. Изготовлен из нефрита темно-зеленого цвета и имеет характерный блеск. Тщательно отшлифован. На гранях отмечены зоны с сохранившимися следами абразивной обработки. Для придания нефриту столь необычной формы, вероятно, было затрачено много времени и трудовых ресурсов. Экспериментальные работы показывают, что чем лучше зашлифован предмет, тем больше времени и усилий уходит на дальнейшее изменение его формы в процессе шлифовки (Зоткина, 2018).

Вопрос о генезисе определенных видов нефритов в Забайкалье остается актуальным по сей день (Бурцева и др., 2015; Tsydenova et al., 2015). В Южном складчатом обрамлении Сибирского кратона расположена наиболее крупная в России нефритоносная провинция. Здесь выявлены апогипербазитовый (Восточно-Саянская площадь) и апокарбонатный (Витимская площадь) формационные типы. Происхождение нефритов удастся привязать лишь к нефритоносным провинциям, а не к конкретным месторождениям (данные о которых являются закрытыми). Таким образом, погребение в районе Новой Шишковки находится сравнительно далеко (минимум в 400, максимум в 800 км) от нефритоносных провинций.

Артефакты из нефрита часто встречаются в погребениях китойского времени на территории Прибайкалья и Западного Забайкалья, однако типичными являются топоры, тесла и ножи (могильник Фофоново, погребения Онкули, Тамахтай и др.). По устной информации А.П. Окладникова (Хамзина, 1959), наконечники подобной формы также известны в китойских и более поздних могильниках Прибайкалья, но изготовлены они из рога и кости (например, наконечник копья из могильника Бухусан; предметы из могильников Серово, Кежемка, Верхнесередково и др.).

Проведенное исследование показало, что предмет из неолитического погребения Новая Шишковка относится к категории вещей, для изготовления которых обычно не использовался нефрит. На его производство было затрачено много времени и усилий, а относительная удаленность от нефритоносных провинций говорит о дополнительных затратах труда на добычу материала. Таким образом, материал, трудозатратность техники изготовления и необычная форма позволяют отнести рассматриваемый наконечник как минимум к двум индикаторам престижных технологий в археологических контекстах (Лбова, Табарев, 2009): орудия, изготовленные с особым мастерством из ценного и

импортного сырья, и предметы, найденные в богатых погребениях. На этом основании можно предполагать принадлежность нефритового наконечника копья к категории предметов престижного характера.

- Бурцева М.В., Рипп Г.С., Посохов В.Ф., Мурзинцева А.Е., 2015. Нефриты Восточной Сибири: геохимические особенности и проблемы генезиса // Геология и геофизика. № 3. С. 516–527.
- Зоткина Л.В., 2018. Приемы обработки нефрита: результаты экспериментально-трассологического исследования забайкальского сырья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 17. № 3: Археология и Этнография. С. 22–31.
- Ивашина Л.Г., 1979. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука. 157 с.
- Лбова Л.В., Табаров А.В., 2009. Культура, искусство, ритуал. Происхождение и ранние этапы. Новосибирск: НГУ. 142 с.
- Хамзина Е.А., 1959. Неолитическое погребение с Новой Шишковки // Археологический сборник. Улан-Удэ: БКНИИ. Вып. 1. С. 127–130.
- Hayden B., 1994. Competition, labor, and complex hunter-gatherers // Key Issues in Hunter-Gatherer Research. Oxford: Berg Publishers. P. 223–239.
- Hayden B., 1998. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 5. № 1. P. 1–55.
- Owens D., Hayden B., 1997. Prehistoric Rites of Passage: A Comparative Study of Transegalitarian Hunter-Gatherers // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 16. P. 121–161.
- Tsydenova N., Morozov M., Rampilova M., Vasil'ev Y., Matveeva O., Konovalov P., 2015. Chemical and spectroscopic study of nephrite artifacts from Transbaikalia, Russia: Geological sources and possible transportation routes // Quaternary International. Vol. 355. P. 114–125.

А.А. Румянцев

*ООО «Красноярская Геоархеология»
andrewgonchy@gmail.com*

СКРЕБКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СОЛНЕЧНЫЙ: ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

В настоящее время в археологии каменного века кроме морфо-типологических определений артефактов важно понимать их действительную функцию. В работе отражен опыт выделения функциональных групп внутри отдельной типологической категории на примере 42 скребков из верхнепалеолитической стоянки Солнечный (г. Красноярск) (Веженко и др., 2020. С. 124). Исследование проводилась на основании положений методики функционального анализа (Семёнов, 1957; Коробкова, Щелинский, 1996). Наблюдения и фотофиксация велись с помощью микроскопа Биолам-М (увеличение $\times 50$ – $\times 500$). В ходе исследования подготовлена и дополняется эталонная коллекция, которая будет использоваться в дальнейшем.

Сложность анализа обусловлена сырьевой спецификой каменных индустрий в бассейне Среднего Енисея — использованием в качестве заготовок как халцедона, так и осадочных горных пород разного состава, степени окремнённости и зернистости. Сырьё было дифференцировано по принципу идентичности развивающихся следов при выполнении одних и тех же действий. Итогом стало условное деление на кварцитовые песчаники, аргиллиты, микрокварциты и халцедоны. Исследование крупнозернистых пород оказалось наиболее трудным — следы даже от длительной работы фиксировались на нем исключительно плохо ввиду сильного выкрашивания кромки орудия при работе. Установлено, что следы, развивающиеся на различных видах халцедонов, идентичны и во многих случаях коррелируют со следами, фиксируемыми на кремне. На рисунке 1 представлены отличия исходной поверхности сколов и следов одинаковой работы на разных типах сырья.

Следующий этап — сопоставление следов на экспериментальных образцах с археологическим материалом. В той или иной степени различимы следы работы на 35 скреб-

Табл. 1. Количественное распределение скребков с различными функциями по сырью, из которого они изготовлены

Тип следов / сырье	Халцедон	Микрокварцит	Аргиллит	Песчаник
Скобление шкуры (свежей)	8	3	1	1
Скобление дерева	2	2	1	—
Строгание дерева	2	1	—	—
Скобление кости, рога	3	3	1	1
Не определены	3	2	3	3

ках, при этом на 22 они наблюдаются по всей длине рабочих зон, на 7 фиксируются локально (ввиду приострения орудия в ходе использования или механических повреждений кромки), на 6 слабо различимы. Девять образцов оказались непригодны для функционального анализа ввиду сильной окатанности (что характерно для материала, фиксируемого близко к современной дневной поверхности) или механических повреждений рабочей кромки. Из орудий, на которых прослежены следы работы, 16 выполнены на халцедоне, 9 на микрокварците, 6 на аргиллите, 4 на крупнозернистом кварцитовом песчанике. Не интерпретированы 9 экземпляров. Это следы, аналогии которым пока не удалось получить на эталонных образцах, и слабовыраженные, при определении функции которых могла бы быть допущена ошибка.

В зависимости от типа следов все артефакты были разделены на следующие группы (табл. 1).

Орудия для обработки шкуры (10 экз.). Самая простая для определения категория следов на всех типах сырья, которая прослеживается даже при небольшом увеличении. Из орудий, отобранных для анализа, 9 имеют хорошо сохранившиеся на скребковом

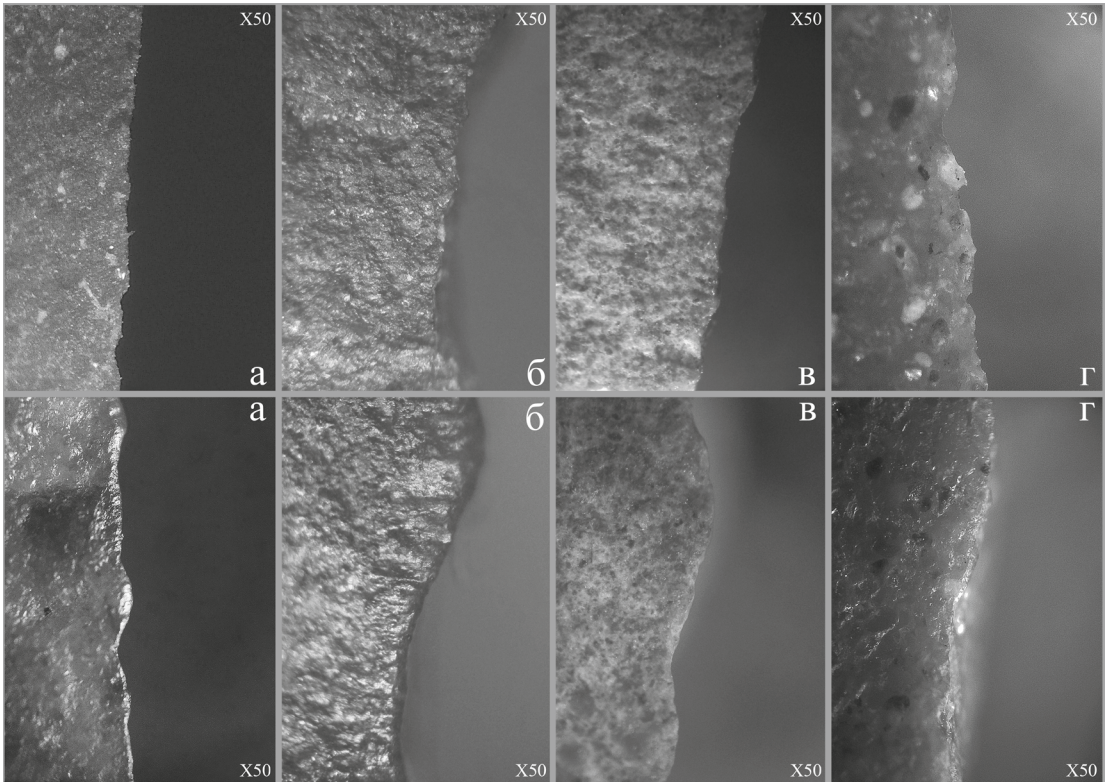

Рис. 1. Исходная поверхность сколов и следы скобления свежей шкуры (эталонные орудия, удержание в руке, 3 часа) на халцедоне (а), микрокварците (б), аргиллите (в), песчанике (г). Увеличение ×50.

лезвии следы скобления сырой шкуры (из них на 5 – в максимальной степени развития); 3 имеют дополнительный рабочий участок на боковом крае. На 6 скребках в аккомодационной части зафиксирована слабая заполировка, которая также наблюдалась на экспериментальных образцах, удерживаемых рукой во время работы. В коллекции выделяется орудие, следы на котором коррелируют с полученными при резке мяса, однако, исходя из локализации заполировки и кинематики работы, можно предположить, что это следы от первичного мездрения, когда скребок почти не соприкасается с самой шкурой, а лишь снимает с нее остатки мяса и жира перед сушкой и выделкой.

Орудия для обработки кости, рога (6 экз.). Следы этой категории хорошо определены только на халцедоне и микрокварците. В остальных случаях изделия поддаются интерпретации только при максимальной степени развития следов. Все орудия этой группы использовались для скобления кости или рога. В аккомодационной части трех скребков прослежена пришлифовка, характерная для следов фиксации орудия в рукояти из твердого органического материала.

Орудия для обработки дерева (5 экз.). Следы от обработки древесины хорошо определены на всех типах сырья, за исключением песчаника (в этом случае важно, чтобы крупные кристаллы кварца в большом количестве располагались на рабочей кромке, т.к. на них различимы линейные следы). Среди отобранных для анализа орудий три несут следы скобления древесины (например, доводки поверхности после грубой обработки). Два определены как струги по дереву — это скребки с полукрутой-приострающей ретушью на лезвии, которые представляют интерес тем, что использовались в целях, кардинально отличающихся от привычных для скребковых орудий.

Комбинированные функции (5 экз.). Среди изучаемой группы орудий удалось выделить несколько, на лезвиях которых одновременно развиты следы скобления разных материалов. На двух орудиях для разных задач использовалась одна рабочая кромка. Например, заполировка от скобления шкуры наблюдается по краям скребкового лезвия, а центральная часть несет следы скобления кости (в этом случае можно говорить о том, что после выделки лезвие приострили и начали обработку кости). На трех изделиях следы разного происхождения фиксируются на разных рабочих кромках: для одного орудия – следы скобления свежей шкуры на кромке и неопределенные следы на боковых поверхностях; для одного – следы скобления шкуры на одной боковой кромке и пришлифовка от твердого органического материала на второй (возможно, это следы фиксации в рукояти, но экспериментально на песчанике это подтвердить пока не удалось); для одного – слабые следы скобления свежей шкуры на скребковом лезвии и следы скобления древесины на выемках боковой кромки.

В результате можно констатировать, что не все скребки использовались для скобления, в ряде случаев они могли применяться для иных функций. Однако, вполне вероятно, что скобление могло выполняться другими орудиями, выделить которые типологически невозможно. Поэтому подобные исследования предпочтительно проводить в комплексе, для всех артефактов из слоя, чтобы получить представление о полном спектре хозяйственно-бытовых операций, производимых древним населением на стоянке. Работа носит предварительный характер и предполагает продолжение исследований.

Веженко А.В., Лысенко Д.Н., Румянцев А.А., Гурулев Д.А., Харевич В.М., Клементьев А.М., Голубцов В.А., 2020. Стоянка Солнечный — новый памятник раннего голоцена на Среднем Енисее // Геология палеолита северной Азии: к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина / Отв. ред. С.А. Васильев. С. 121–125.

Семёнов С.А., 1957. Первобытная техника. М.; Л.: АН СССР. 240 с.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е., 1996. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН. 80 с.

ГОРОД ПОСРЕДИ ДЕРЕВНИ: МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА В ПЕРУ (III–II ТЫС. ДО Н.Э.)

Время III–II тыс. до н.э. в Перу связано с поздним докерамическим (Late Preceramic Period) или поздним архаическим (Late Archaic Period) периодом (3200/3000–2000/1700 до н.э.) (Lau, 2016. Fig. 3.1).

Проблема появления монументальной архитектуры в древнем Перу поднималась в отечественных исследованиях Ю.Е. Березкиным (Березкин, 2008. С. 51). В целом, поздний докерамический период пока остается малоизученным, поэтому появление крупных монументальных комплексов выглядит «неожиданным и внезапным» (Березкин, 2013. С. 16). Вероятно, лучшим примером для исследования возникновения монументальной архитектуры в Перу будут памятники культуры Норте-Чико (Norte Chico). Культура существовала примерно с 3000 по 1800 гг. до н.э. (Haas, Creamer, 2006. P. 747) и располагалась в одноименном районе в долине р. Супе в 150–200 км от Лимы.

Первые признаки оседлости в Центральных Андах появляются в конце VI тыс. до н.э. (средний докерамический период). Деревни населяли охотники, собиратели и рыболовы, жившие в круглых домах со средней площадью 10,9 кв. м (Chu Barrera, 2011. P. 39). Отмечается тенденция перехода от подобного типа жилищ, построенных из органических материалов, к четырехугольным, возведенным из глины и камня. Это соответствует модели происхождения деревни К. Фланнери (Flannery, 2002). К таким выводам пришел А.Х. Чу Баррера в ходе раскопок периферийного поселения Бандурриа (Bandurria), которое можно классифицировать как рыбацкую деревню. Монументальная архитектура появляется здесь лишь в начале II тыс. до н.э.

Комплекс Караль (Caral), который Р. Шейди определяет как «столицу» Норте-Чико, обладает более впечатляющим количеством памятников с монументальной архитектурой. Он функционировал практически тысячелетие (Shady, 2006a. P. 38–39, 57), его расцвет пришелся на промежуток между 2100 и 1600 гг. до н.э. (Shady, Levya, 2003. P. 109).

Караль занимает площадь 66 га и разделен исследователями на 38 секторов. Его центральная зона включает в себя 32 общественных здания и различные жилые архитектурные ансамбли, а в периферийной зоне размещаются несколько групп жилых домов (Shady, 2006a. Fig. 2.2., 2.3.). Как и первые поселения в конце VI тыс. до н.э., Караль постоянно перестраивался: существовала традиция строительства новых платформ на месте старых или частичного замещения старых платформ. Происходило периодическое обновление и увеличение пирамидальных зданий (Shady, 2006b. P. 77–78). Соответственно, справедливо говорить о сохранении традиции модификации старых или строительства новых зданий на основе или на месте старых. Столичная зона Каралья, как пишет Р. Шейди, объединяла восемь близлежащих поселений, не обладающих обширными сельскохозяйственными угодьями (Shady, 2006b. P. 60), которые можно интерпретировать как городскую агломерацию.

Появление монументальной архитектуры в долине р. Супе связано также с существованием социальной стратификации в обществе, основанной на ритуальных практиках и ограниченном доступе к предметам престижной экономики. Такие предметы получали путем обмена с сопредельными территориями: в Карале найдены бусины, сделанные из хризоколлы, белого кварца, горного хрусталя, жаберных крышек рыб и створок раковин съедобного моллюска (*Spondylus*), местом проживания которого является устье р. Гуайяс на территории современного Эквадора (расстояние до Каралья 1300 км) (Shady, 2006a. P. 47; 2006b. P. 66).

Такие комплексы, как Асперо (Aspero) – крупные рыбацкие поселения – были местом консолидации торговли, где комбинировались присваивающее и производящее хозяйства. Они зависели от Карала, в первую очередь из-за недостатка производимого хлопка, столь нужного для изготовления рыбацких сетей (Shady, 2006a. P. 49).

Возведение монументальных сооружений требует консолидированного технического руководства или религиозных специалистов, которые к тому времени представляли собой «устойчивую корпорацию, передававшую традиции из поколения в поколение» (Березкин, 2013. С. 20). Это доказывает, что монументальная архитектура является «неотъемлемой частью культуры высших классов», что она коррелирует с растущей социальной стратификацией (Trigger, 1990. P. 120).

Монументальная архитектура в долине р. Супе, вероятно, появлялась поэтапно. Сочетание активного рыболовства с производством хлопка и динамичным развитием торгово-обменных контактов приводит к эволюции малых рыбацких и ирригационных деревень в крупные поселения, т.е., происходит процесс урбанизации. Этому способствуют традиции модификации зданий и дифференцированного строительства, которые исходят из преемственности архитектурных форм.

- Березкин Ю.Е., 2008. Мифы и пирамиды: об азиатском наследии в культурах Америки // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус. С. 49–68.
- Березкин Ю.Е., 2013. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука. 256 с.
- Chu Barrera A.J., 2011. Household Organization and Social Inequality at Bandurria, a Late Preceramic Village in Huaura, Peru. Ph.D. thesis. Pittsburg: University of Pittsburg. 552 p.
- Flannery K.V., 2002. The Origins of the Village Revisited: From Nuclear to Extended Households // American Antiquity. Vol. 67 (3). P. 417–433.
- Haas J., Creamer W., 2006. The Crucible of Andean Civilization // Current Anthropology. Vol. 47. P. 745–775.
- Lau G.F., 2016. An Archaeology of Ancash: stones, ruins and communities in Andean Peru. N. Y.: Routledge. 274 p.
- Shady R., 2006a. America's First City? The Case of Late Archaic Caral // Andean Archaeology III: North and South / Eds. W.H. Isbell, H. Silverman. N. Y.: Springer. P. 28–66.
- Shady R., 2006b. La Civilización Caral: Sistema Social y Manejo del Territorio y sus Recursos. Su Trascendencia en el Proceso Cultural Andino // Boletín de Arqueología. PUCP. Vol. 10. P. 5–90.
- Shady R., Levya C., 2003. La ciudad sagrada de Caral-Supe: Los orígenes de la civilización andina y la formación del Estado prístino en el antiguo Perú. Lima: Instituto Nacional de Cultura. 342 p.
- Trigger B., 1990. Monumental Architecture: A thermodynamic explanation of symbolic behavior // World Archaeology. Vol. 22. P. 119–132.

А.В. Сомов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
somov.anatoly@gmail.com*

К ВОПРОСУ О «НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОМ» ПЕРИОДЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

В последнее время одним из приоритетных направлений в изучении каменного века лесостепного Поволжья является определение характера взаимодействия неолитических и энеолитических групп населения, а также установление хронологических рамок их сосуществования.

Вопрос, связанный с соотношением неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья, впервые был поставлен в связи с изучением могильника у

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 19-78-10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)».

с. Съезжее. Специалисты акцентировали внимание на присутствии в материалах данного памятника двух ведущих типологических групп керамики (Васильев, Матвеева, 1979. С. 154–158; Васильев, 1981. С. 8). К первому типу были отнесены безворотничковые сосуды, находящие аналогии в неолитических комплексах рассматриваемого региона, ко второму – воротничковая керамика мариупольского типа. Выявленная посуда обоих типов (в том числе развалы сосудов) концентрировалась на жертвенных площадках, которые располагались на уровне древней поверхности над погребениями. Данное обстоятельство, а также общий обряд, прослеженный в погребениях (положение вытянуто на спине, ориентировка в основном на восток с небольшим отклонением на север, присутствие охры и т.д.), по мнению исследователей, свидетельствуют о гомогенности могильника и, соответственно, синхронности (одновременном бытовании) выделенных типологических групп керамики (Васильев, Матвеева, 1979. С. 165–166).

Данное предположение нашло подтверждение и в ходе проведенного И.Н. Васильевой технологического анализа посуды Съезженского могильника. Установлено, что первая группа керамики (с воротничками) – пришлая, она связана с мариупольскими древностями. Материалы второй группы (неолитоидной) по одним признакам обнаруживают аналогии в первой, но в тоже время сближаются с технологическими традициями более раннего неолитического периода (Васильева, 1999. С. 201).

В дальнейшем была сформирована концепция, согласно которой основой для сложения самарской энеолитической культуры являлось неолитическое население лесостепного Поволжья с накольчато-гребенчатой посудой. Ввиду чего не исключалось, что отдельные неолитические группы могли доживать и сосуществовать с энеолитическими коллективами (Васильев, Выборнов, 1988. С. 43–45). Исследователи отмечали и значительное сходство керамики средневолжской неолитической культуры с гребенчатой орнаментацией с комплексами токсского типа (Васильев, 1990. С. 67), генезис которого также связывался с безворотничковыми сосудами Съезженского могильника (Моргунова, 1995. С. 64).

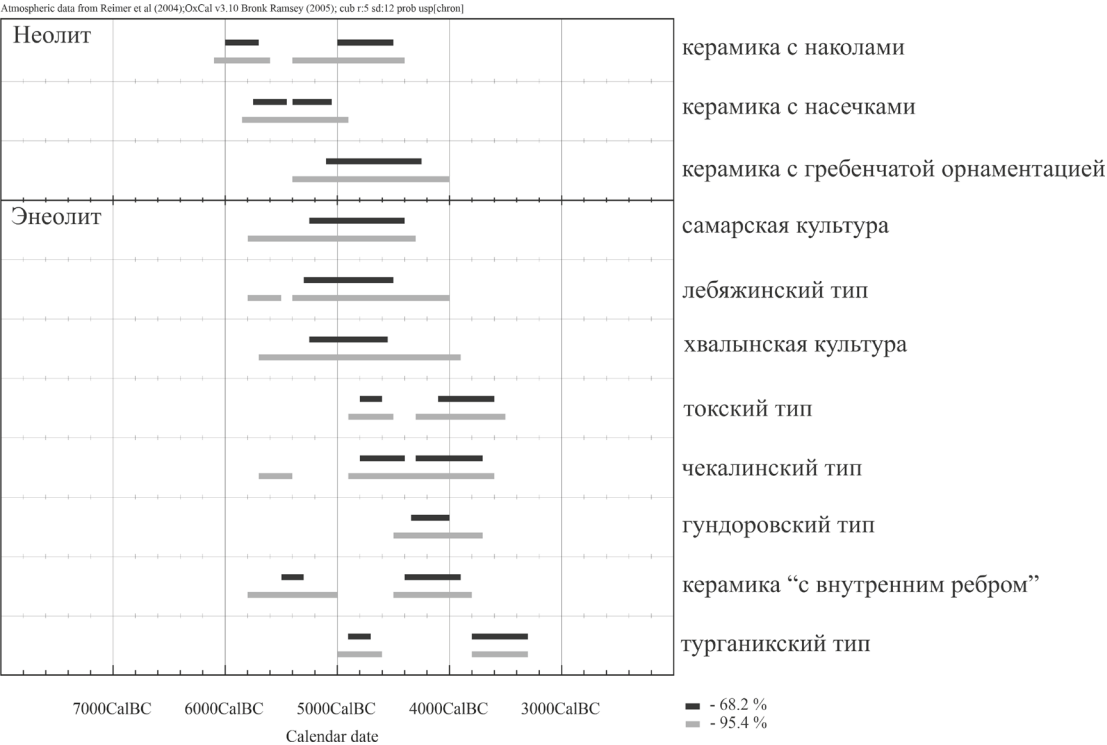

Рис. 1. Диапазоны калиброванных радиоуглеродных дат неолитических/энеолитических комплексов лесостепного Поволжья.

Стоит отметить, что ряд черт, присущих неолитической посуде (простая форма среза венчика, пояски ямок под венчиком, плотная орнаментация, выполненная гребенчатым штампом и др.), встречается не только в токсских комплексах южной части лесостепной зоны, но и в более северных районах лесостепного Поволжья, а именно в материалах чекалинской энеолитической группы.

Не противоречат выдвинутым предположениям данные о планиграфическом и стратиграфическом контексте неолитических и энеолитических комплексов на памятниках сокового бассейна. Так, на стоянке Лебяжинка I, неолитические материалы которой исследователями связываются с финалом средневолжской культуры (Выборнов, 2008. С. 88), хвалынская керамика на отдельных участках залегала ниже гребенчатой посуды. Исследователи данного памятника отмечали, что некоторые хвалынские сосуды имеют ряд неолитических черт (орнаментация зубчатым штампом в «шагающей» технике), которые не только указывают на сосуществовании неолитических и энеолитических коллективов на данной территории, но и свидетельствуют об их межкультурных связях (Барынкин, Козин, 1994. С. 147–148).

Для решения проблемы выделения нео-энеолитического периода на территории лесостепного Поволжья следует привлечь данные радиоуглеродного анализа. На сегодняшний день для неолитических/энеолитических памятников региона получены 130 дат (Сомов, Шалапинин, 2018), что, несомненно, является довольно внушительной источниковой базой.

При сопоставлении хронологических рамок бытования средневолжских и энеолитических комплексов лесостепной зоны Среднего Поволжья наблюдается их частичная синхронность (рис. 1). Сравнение диапазонов радиоуглеродных дат позволяет выявить период их сосуществования, который начинается со времени появления материалов эпохи раннего металла на данной территории в начале V тыс. до н.э. и заканчивается в третьей четверти V тыс. до н.э., когда неолитическая традиция орнаментации гребенчатым штампом прекращает свое существование. В то же время стоит отметить, что характер взаимодействия неолитических и энеолитических коллективов нуждается в дополнительном изучении.

Барынкин П.П., Козин Е.В., 1994. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара. С. 136–164.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Куйбышев. 129 с.

Васильев И.Б., 1990. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск. С. 52–69.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья. Куйбышев. 112 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. № 4. С. 147–166.

Васильева И.Н., 1999. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург. С. 191–216.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ. 490 с.

Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья. Оренбург. 64 с.

Сомов А.В., Шалапинин А.А., 2019. Соотношение неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Поволжья по данным радиоуглеродного датирования // Самарский Научный Вестник. № 2 (27). Самара: СГСПУ. С. 229–239.

Д.И. Стулова

Институт археологии РАН, Москва,

dstulova@list.ru

ОПЫТ АНАЛИЗА ПОЛЕВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И ЕЕ ОЦИФРОВКИ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ПАМЯТНИКА (НА ПРИМЕРЕ СТОЯНКИ СУНГИРЬ)

В музеях хранится значительное число коллекций из раскопок памятников верхнего палеолита, исследованных с применением методики фиксации археологического мате-

риала по условным горизонтам (пластам) и поквдратным сбором артефактов. Многие памятники были раскопаны таким образом практически полностью: выбрана вся толща культурных отложений по всей (или почти всей) площади распространения находок.

Это не позволяет проверить или уточнить информацию, касающуюся пространственного распределения артефактов и структур культурного слоя (или слоев). Однако за счет значительной площади исследования подобные материалы могут представлять большой интерес для планиграфического анализа и выявления зон с различной хозяйственной деятельностью.

Одним из таких памятников является верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь, раскопанная на площади более 4500 кв. м. Она расположена у восточной окраины г. Владимира, на высоком берегу р. Клязьма, на правом берегу ее левого притока – ручья Сунгирь (56°09'08" с.ш., 40°28'18" в.д.) (Бадер, 1978. С. 4). Раскопки памятника велись по условным горизонтам, без указания номера находки из описи на полевом плане. Площадь стоянки условно подразделялась на три части. Раскоп № 1, наиболее поврежденный строительными работами (забоями экскаватора), расположен посередине. С С–В и Ю–З к нему примыкают раскоп № 2 (и прирезанный к нему с Ю–З раскоп № 4), раскоп № 3. Половина площади, вскрытой раскопом № 1, была разрушена, однако сохранившаяся часть выявила слабонасыщенный слой периферийной части памятника (Бадер, 1978. С. 32). Это послужило причиной для выделения двух областей концентрации материала (двух комплексов). Таким образом, основные участки, подлежащие пространственной реконструкции, – это площади раскопов № 2, 3 и 4 (Бадер, 1966; 1967; 1973; 1976; 1977 и др.).

Цель работы – реконструкция планиграфической и стратиграфической структур памятника путем создания цифровой модели раскопанной площади. Создание этой модели включало следующие этапы:

1. Составление базы данных (далее БД) для находок по описи. Все данные из полевых описей были перенесены в таблицу MS Excel, в которой помимо существующих колонок (№ находки, № раскопа, квадрат, горизонт, типологическая атрибуция) были добавлены следующие:

- глубина залегания в миллиметрах от условного «0», согласно положению находки в определенном условном горизонте, задавалась случайным образом в диапазоне мощности горизонта;

- координаты в плане по осям X и Y. Согласно информации в описи, каждая находка была перенесена в соответствующий квадрат, внутри которого ей случайным образом присваивались координаты. Таким образом, в БД содержатся координаты находок из полевых описей с точностью до 1 м, что позволяет выгружать данные в любую систему автоматизированного проектирования / геоинформационную систему или проект, работающих с БД. Внесено 67 000 находок.

2. Составление БД координат различных объектов культурного слоя из полевых чертежей: уголь, охра, кости, крупные кости, жженные кости, белемниты, раковины, бусы, пятна, скопления, мерзлотные трещины, границы проложенных экскаватором траншей и т.д. Для этого были использованы полевые чертежи на миллиметровой бумаге. Для каждого раскопа и каждого горизонта составлялся отдельный сводный план. Далее они загружались в программу AutoCad, где каждому условному знаку на плане присваивалась точка с соответствующим именем, задавая плоскостные координаты X и Y; высотная координата Z задавалась случайным образом в пределах условного горизонта. Созданное таким образом облако включает 72000 точек.

3. Уточнение границ экскаваторных траншей, разрушивших часть памятника. Состыковка полевых планов раскопа № 1 дала возможность уточнить эти границы, а также определить места частичного сохранения культурного слоя на дне забоев.

4. Оцифровка углубленных объектов. На территории стоянки выявлены следы 42 углубленных объектов – 40 хозяйственных и 2 могильных ям. Был составлен отдельный лист с формой, размером, уровнем спуска и погружения в подстилающую супесь

каждой ямы. Из-за сложности выявления уровня спуска некоторых очажных ям есть вероятность, что верхний контур ямы на плане мог быть зафиксирован ниже. Поэтому был проведен визуальный анализ по планам-«миллиметровкам» угольных или гумусных скоплений над ямами, позволивший уточнить глубину их залегания.

5. Определение координат границ литологических слоев по стратиграфическим разрезам. Для реконструкции стратиграфии использовались лишь те профили, на которых присутствовало обозначение первого условного горизонта (уровень появления находок, по О.Н. Бадеру). Для расчета глубины залегания погребенной почвы ее высотные отметки в каждом разрезе были суммированы, а затем рассчитано их среднее арифметическое значение. Таким образом для отдельных участков получены усредненные глубины залегания погребенной почвы, рассчитанные от условного «0» (верхняя граница первого условного горизонта).

Итогом переноса данных с полевых планов, разрезов и описей стала цифровая модель раскопанной площади, которая визуальнo отображает все объекты по трем осям координат. Она состоит из облака точек, вид которых кодирует принадлежность находки к тому или иному типу; полилиний, повторяющих форму объектов (кости, скопления, пятна и т.д.); цифровых моделей рельефа¹, примененных для отображения углубленных объектов – ям, могил и мерзлотных трещин. Несмотря на то, что положение точек имеет погрешность, созданная БД пригодна для дальнейшего геостатистического анализа, включая составление схем плотности находок и кластерный анализ (составление графиков К-средних, анализа «ближайшего соседа» и др.), которые в случае гомогенности слоя позволят очертить зоны различной хозяйственной деятельности.

Бадер О.Н., 1966. Отчет о раскопках верхнепалеолитической стоянки Сунгирь в 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 3367.

Бадер О.Н., 1967. Отчет о раскопках палеолитической стоянки Сунгирь в 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 3560.

Бадер О.Н., 1973. Отчет о раскопках палеолитической стоянки Сунгирь в 1973 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 9591.

Бадер О.Н., 1976. Отчет о раскопках верхнепалеолитической стоянки Сунгирь в 1976 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 7360.

Бадер О.Н., 1977. Отчет о раскопках верхнепалеолитической стоянки Сунгирь в 1977 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 7023.

Бадер О.Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука. 272 с.

Д.С. Толстых

*Институт археологии РАН, Москва
Государственный археологический
музей-заповедник «Костенки», Воронеж
tolstyh1796@mail.ru*

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБИТАТЕЛЕЙ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 11 ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОСТЕЙ МАМОНТА

Основным источником для реконструкции хозяйственной деятельности верхнепалеолитического населения является анализ каменных и костяных индустрий и предметов искусства. Тем не менее, существуют иные свидетельства антропогенной деятельности обитателей стоянок, позволяющие пролить свет на некоторые особенности бытования. В настоящей работе предпринята попытка интерпретации данных, полученных по результатам трасологического анализа остеологического материала.

¹ Модель, использующаяся для построения объемных объектов, позволяющая высчитать их вместимость.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.47-50>

Исследуемый верхний (Ia) культурный слой стоянки Костенки 11 представляет собой верхнепалеолитическое поселение, состоящее из трех костно-земляных комплексов, датируемое 21–20 тыс. л.н. (некалиброванных) (Pryor et al., 2020. Р. 8). Остеологическая коллекция включает костные остатки *Mammuthus primigenius* и других представителей мамонтовой фауны (Дудин, Толстых, 2018. С. 34). Следы антропогенного характера были зафиксированы лишь на костях мамонта, что сужает источниковую базу.

Цель исследования – выявить основные направления хозяйственной деятельности обитателей поселения на основе данных, полученных по результатам трасологического анализа костей мамонта, не связанных с предметами костяной индустрии.

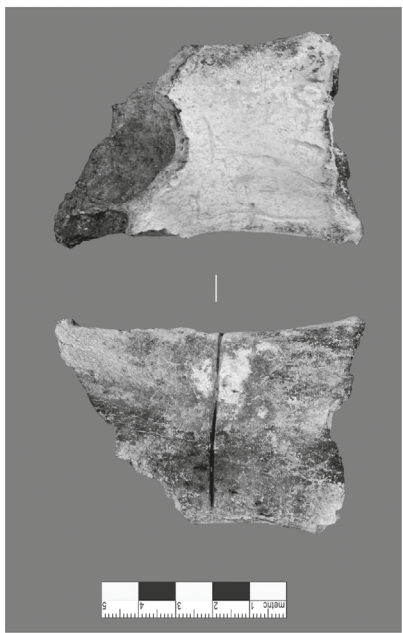
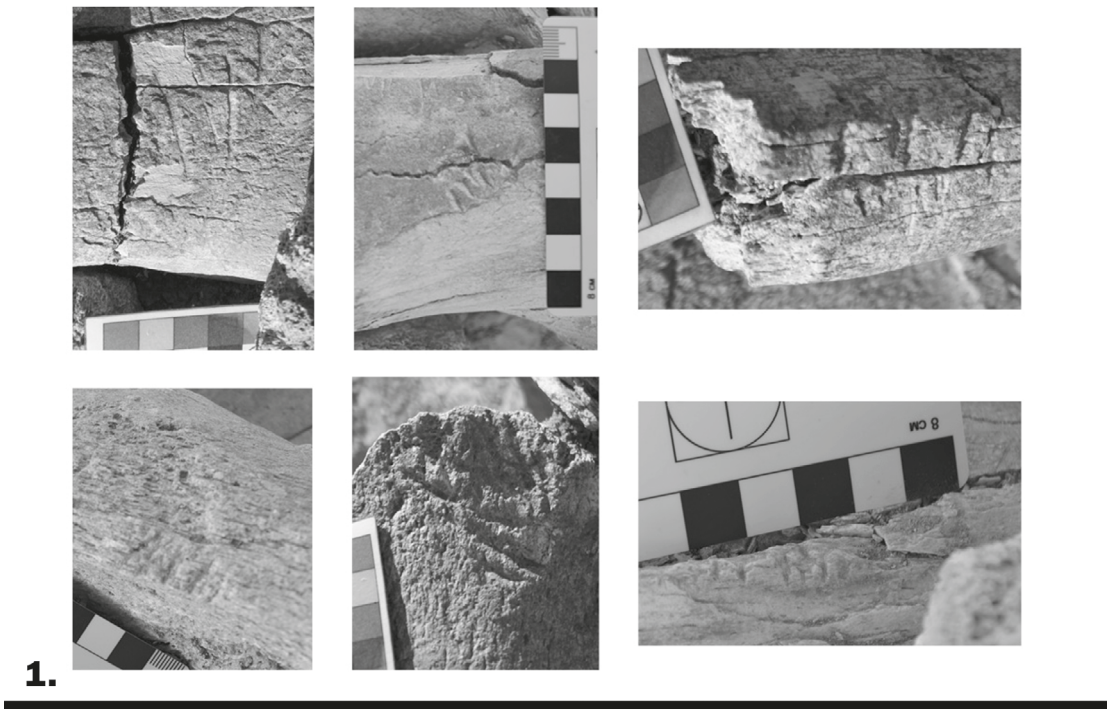

Рис. 1. Свидетельства антропогенной деятельности на костном материале.
1, 2 – следы порезов и насечек; 3 – костный уголь.

Разделка туш. Одним из важнейших вопросов при изучении аносовско-мезинских комплексов является способ добычи костей мамонта для их сооружения. При сооружении первого (музейного) комплекса использовалось 763 кости, принадлежавшие 60 особям (Палеолит..., 1982. С. 125). Второй комплекс (северо-восточный) изучен лишь на треть, что не позволяет говорить о количестве остеологического материала, но, предположительно, его размеры и количественный состав идентичны первому (Палеолит..., 1982. С. 125). Третий комплекс представляет собой выкладку из 2982 костей мамонта от 65 особей (Дудин, Толстых, 2018. С. 34). Таким образом, лишь на одном поселении обнаружены разрозненные скелеты более 120 особей этого животного. Такое количество останков мамонта ставит под сомнение возможность представлять охоту основным источником добычи костей.

Важным источником информации являются порезы на костном материале, свидетельствующие о разделке туш животного. Трасологический анализ остеологической коллекции первого комплекса не выявил данный тип следов из-за многократной пропитки костей клеевым составом. Порезы в эпифизарных частях трубчатых костей и на ветвях челюстей для добычи подъязычной кости фиксируются на третьем комплексе в 12 случаях (рис. 1: 1). Их процент (0,4 %) настолько низок, что мы не можем делать вывод о том, что основным источником костного сырья на стоянке являлась охота на мамонта или сбор падали с последующей разделкой туш. Тем не менее, данный вид деятельности имел место.

Употребление мяса мамонта в пищу. При описании центральной части музейного комплекса встречается следующее упоминание: «Кухонные остатки в виде раздробленных костей животных...» (Палеолит..., 1982. С. 121, 123). Наличие осколков определенного типа является свидетельством дробления кости для изъятия костного мозга (Villa, Mahieu, 1991. Р. 33–34). Однако костные осколки не представлены в фондах ГАМЗ «Костенки» и законсервированном костно-земляном комплексе, что не позволяет вернуться к их идентификации. На третьем комплексе стоянки присутствуют косвенные свидетельства того, что обитатели употребляли в пищу мясо мамонта: находки в зоне очага обожженных костей с преднамеренными порезами (рис. 1: 2).

Использование костей мамонта в качестве топлива. В музейном комплексе было обнаружено более 6 кг костного угля, который залегал в его центральной части (Палеолит..., 1982. С. 123) (рис. 1: 3). Аналогичная ситуация отмечается и в третьем комплексе. В обитаемой зоне содержится прослойка кальцинированных костей мощностью от 2 до 25 см. Культурный слой содержит фрагменты кости и бивня размером до 20 см со следами воздействия высоких температур, которые концентрируются в центре костно-земляной конструкции, а также в зоне эвакуации костного угля на южной периферии комплекса. Эксплуатация костей для обогрева сооружений не вызывает сомнений у исследователей (Pryor et al., 2020. Р. 13).

Таким образом, кость мамонта, происходящая из слоя Ia Костенок 11, использовалась не только в качестве строительного материала, служила важнейшим подспорьем древнему населению при изготовлении орудий труда и предметов искусства (Ахметгалеева, Дудин, 2017), но и была сырьем для отопления сооружений в условиях перигляционной тундростепи. Трасологический анализ выявил свидетельства разделки туш, а также остатки от употребления в пищу мяса, что не исключает как охоту на мамонта, так и подбор падали.

Ахметгалеева Н.Б., Дудин А.Е., 2017. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костенки 11, Ia культурный слой: технологический анализ и предварительные трасологические наблюдения // Археология Евразийских степей. № 2. С. 31–54.

Дудин А.Е., Толстых Д.С., 2018. Планиграфическая характеристика сырьевой базы костяного инвентаря третьего комплекса Ia культурного слоя стоянки Костенки 11 // Археология восточно-европейской лесостепи. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». С. 33–41.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований, 1982 / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Л.: Наука. 285 с.

Pryor A., Beresford-Jones D., Dudin A., Ikonnikova E., Hoffecker J., Gamble C., 2020. The chronology and function of a new circular mammoth-bone structure at Kostenki 11 // *Antiquity*. Vol. 94. P. 1–19.
Villa P., Mahieu E., 1991. Breakage patterns of human longbones // *Journal of Human Evolution*. Vol. 21. P. 27–48.

А.Ю. Федорова

Институт археологии РАН, Москва

alina.ff9@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В МЕЗОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ¹

Пещера Двойная, расположенная в Губском ущелье (Краснодарский край) (Леонова, 2015. С. 77), является одним из опорных памятников мезолита Северо-Западного Кавказа. Детальный анализ технологии расщепления в индустриях раннего и позднего мезолита пещеры Двойной позволяет решить вопрос о времени появления техники отжима в регионе. Понимание процесса распространения данной технологической инновации, в свою очередь, позволит сделать выводы о социальных и культурных взаимодействиях между группами, населявшими различные регионы Евразии в прошлом (Pelegrin, 2012. P. 496).

Материалом исследования стал каменный инвентарь мезолитических слоев пещеры, насчитывающий свыше 6 тысяч предметов. В основу методики была положена концепция *chaîne opératoire* («производственной цепочки») (см., например: Inizan et al., 1999). Определение техник расщепления базировалось на параметрах пластинчатых сколов и нуклеусов, выделенных Е.Ю. Гирей, П.В. Волковым, Ж. Пелеграном (Волков, Гиря, 1990; Pelegrin, 2000; 2006; 2012).

Цель исследования – установить хронологию появления отжима и его место в рамках технологических традиций. В позднемезолитическом слое пещеры Двойная выявлены истощенные конусовидные нуклеусы высотой 30–45 мм с «каннелированной» поверхностью. Негативы сколов имеют ширину 5–8 мм (финальных – 4–5 мм). Целевой продукт расщепления – относительно широкие микропластинки либо узкие пластинки. В коллекции имеются относительно тонкие пластинчатые сколы шириной до 12 мм включительно, с регулярной огранкой дорсальной поверхности и прямым профилем (рис. 1: а). Вероятно, они служили заготовками для острий на пластинках и микропластинках со срезанным под 45° концом, а также могли использоваться без вторичной обработки.

Сочетание высокой степени регулярности, относительно строгой параллельности ребер и краев, очень прямого профиля и очень небольшой относительной толщины описанных выше сколов является чертой, характеризующей отжимные техники расщепления (Pelegrin, 2006). Метрические показатели этих сколов соотносятся с величинами сколов, полученных в ходе экспериментов Ж. Пелегрana по отжиму с помощью короткого отжимника в положении сидя (Mode 3) (Pelegrin, 2012. P. 470–475) (рис. 1: б). По мнению Ж. Пелегрana, вероятность независимого изобретения такого способа отжима внутри сообщества, не знакомого с более простыми способами, ничтожна мала (Pelegrin, 2012. P. 496). В раннемезолитическом слое пещеры Двойная свидетельства использования техники отжима отсутствуют (Федорова, 2020. С. 37–50). Возникает необходимость поиска путей проникновения данной традиции извне.

Использование техники отжима зафиксировано для различных памятников Северного Кавказа раннеголоценового времени (см., например: Амирханов, 1987; Селецкий и др., 2019). В Закавказье, Анатолии, Северном Ираке, Прикаспии распространение техники отжима происходило в 9–8 тыс. до н.э. (Binder, 2007; Arimura et al., 2010; Varoutsikos, 2015; Jayez, Nasah, 2016).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00388 «Культуры конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного и Центрального Кавказа: динамика изменений технико-типологических характеристик каменных индустрий».

Для позднемезолитического слоя пещеры Двойная реконструированы также другие производственные цепочки, направленные на получение иных целевых продуктов. Первую характеризуют нуклеусы (обычно двуплощадочные, с негативами встречных сколов) с углом между поверхностью расщепления и площадкой/площадками $\leq 50^\circ$. Целевой продукт расщепления — относительно широкие пластины. Обломок относительно крупного призматического одноплощадочного нуклеуса с площадкой около 90°

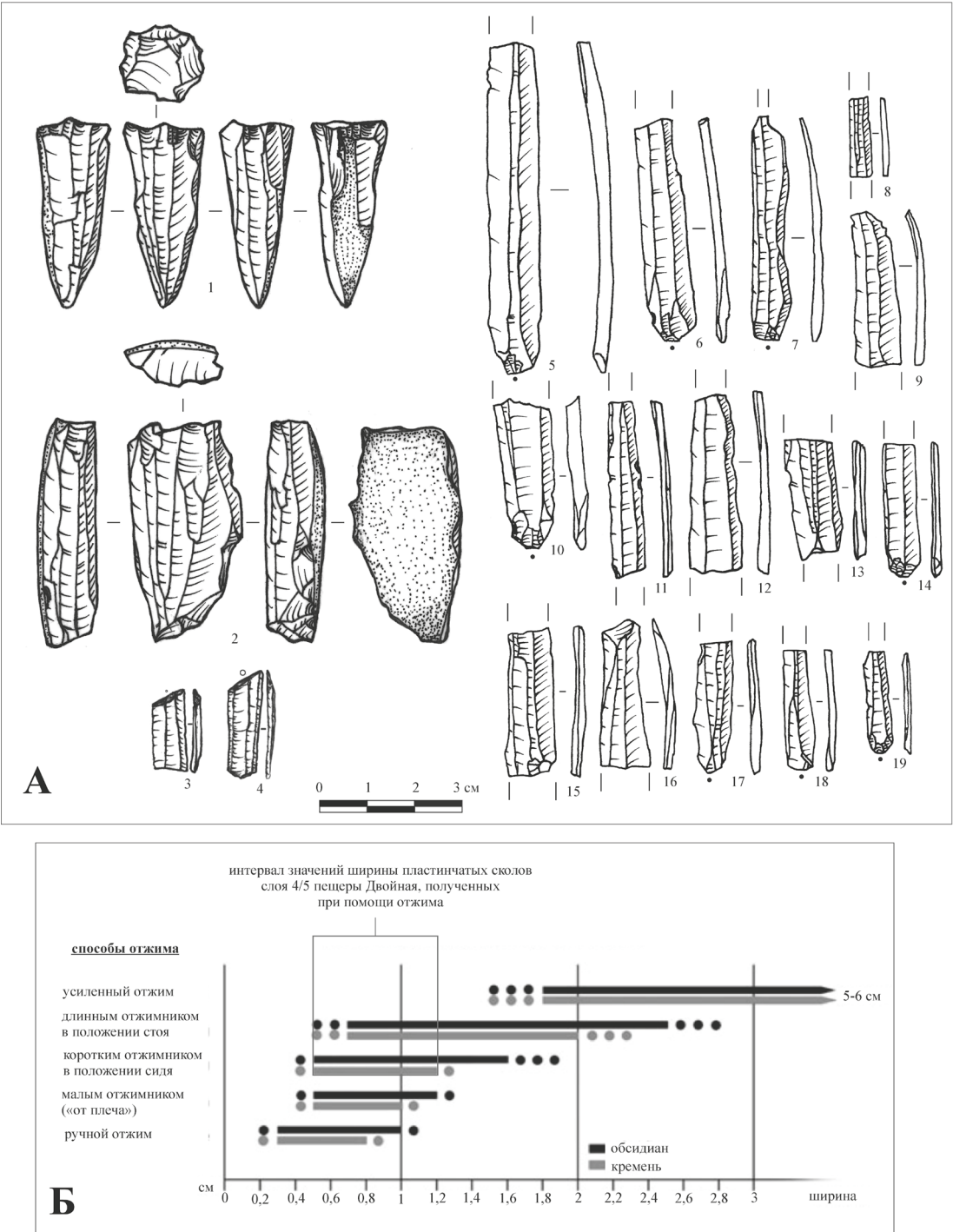

Рис. 1. Пещера Двойная.
А – материалы верхнего мезолитического слоя: 1, 2 – нуклеусы с «каннелированной» поверхностью; 3, 4 – острия из пластинок со срезанным под углом 45° концом; 5–19 – регулярные пластинки и микропластинки; Б – ширина пластинчатых сколов при пяти различных способах отжима (схема на основе предложенной Ж. Пелеграном (Pelegrin, 2012. Р. 479)).

к регулярной (но не «каннелированной») поверхности расщепления, составляющей $\frac{3}{4}$ периметра нуклеуса, указывает на еще одну производственную цепочку для получения пластинчатых сколов. С данными методами расщепления соотносятся, соответственно, техники прямого удара мягким минеральным отбойником и удара через посредник.

Таким образом, на данном этапе исследований удалось установить, что в поздне-мезолитическое время в пещере Двойная происходит смена технологических традиций, связанная либо с миграцией, либо с активными контактами местного населения с населением соседних регионов.

- Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука. 224 с.
- Волков П.В., Гирия Е.Ю., 1990. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск. С. 38–56.
- Леонова Е.В., 2015. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М. С. 77–88.
- Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Федорченко А.Ю., 2019. Технология обработки каменного сырья в эппалеолите Восточного Приэльбрусья (по материалам стоянки Навес Бадыноко) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т.18, № 7: Археология и этнография. С. 112–131.
- Федорова А.Ю., 2020. Технология расщепления камня в мезолитических слоях пещеры Двойная. Рукопись выпускной квалификационной работы (магистерская диссертация). М. 120 с.
- Arimura M., Badalyan R., Gasparyan B., Chataigner C., 2010. Current neolithic research in Armenia // Neo-Lithics. T. 1. №. 10. С. 77–85.
- Binder D., 2007. PPN Pressure Technology: Views from Anatolia // Technical Systems and Near Eastern PPN Communities sous la direction de Laurence Astruc. Antibes: Didier Binder et François Briois Éditions APDCA. P. 235–243.
- Isizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J., 1999. Technology and Terminology of Knapped Stone. Nanterre: CREP. 189 p.
- Jayez M., Nasab Vahdati H., 2016. A separation: Caspian Mesolithic vs Trialetian lithic industry. A research on the excavated site of Komishan, southeast of the Caspian sea, Iran // Paléorient. P. 75–94.
- Pelegrin J., 2000. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement. Actes de la table-ronde de Nemours, mai 1997 / Eds. B. Valentin, P. Bodu, M. Christensen. Nemours: APRAIF. P. 73–86 (Mémoire du Musée de Préhistoire d'Ile-de-France. 7).
- Pelegrin J., 2006. Long blade technology in the Old World // Skilled Production and Social Reproduction: Aspects of Traditional Stone-tool Technologies: Proceedings of Symposium in Uppsala, August 20–24. P. 37–68.
- Pelegrin J., 2012. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // The Emergence of Pressure Blade Making: from Origin to Modern Experimentation / Ed. M. Desrosiers Pierre/ New York. P. 465–500.
- Varoutsikos B.N.O., 2015. The Mesolithic-Neolithic transition in the South Caucasus: Cultural Transmission and Technology Transfer. Harvard University. 388 p.

А.Р. Царицына

*Санкт-Петербургский государственный университет
svartfotkatt@yandex.ru*

ПЛАНИГРАФИЯ НАХОДОК III СЛОЯ КОСТЕНОК 21 ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ РАБОТ 2013–2016 ГГ. (АНАЛИЗ ДАННЫХ СВЯЗЕЙ ПО РЕМОНТАЖУ)

Стоянка Костенки 21 (Гмелинская) была открыта в 1956 г. Н.Д. Прасловым и исследовалась под его руководством до середины 1980-х годов (Праслов, Иванова, 1982. С. 198). В 2013–2016 гг. Костенковской экспедицией ИИМК РАН на ней проводились спасатель-

ные археологические работы (Бессуднов, 2018. С. 63). За годы изучения на памятнике зафиксированы три культурных слоя, среди которых I и II представлены единичными находками. Основной слой (III), залегающий в отложениях гмелинской палеопочвы, был исследован на площади более 530 кв. м. Радиоуглеродный возраст слоя около 22,5 тыс. ^{14}C л.н. (Праслов, Иванова, 1982. С. 198–201, 209).

В результате работ, проводившихся в прошлом веке, на стоянке было выявлено шесть комплексов, четыре из которых интерпретировались в качестве жилых (северная группа), а два – в качестве производственных (южная группа) (Иванова, 1985. С. 13–14; Reynolds et al., 2019. Р. 163). По мнению ряда исследователей (Н.Д. Праслов, М.А. Иванова, Я.К. Козловский, М.В. Аникович и др.), различия между двумя зонами могли быть связаны с дифференциацией площади поселения на участки с разным хозяйственно-бытовым назначением (см. обзор в: Reynolds et al., 2019. Р. 172). Другая точка зрения, высказанная Н. Рейнольдс и ее соавторами, заключается в том, что южный и северный комплексы могли быть разновременными стоянками. Эта идея основана на различиях в типах «руководящих ископаемых» (аносовские острия в северной группе и наконечники с боковой выемкой в южной), разной степени патинизации кремневых изделий, особенностях фаунистического состава (Reynolds et al., 2019. Р. 171–174). Эту позицию разделяет и С.Н. Лисицын (Lisitsyn, 2019. Р. 545).

Исследованные в 2013–2016 гг. А.А. Бессудновым три береговых зачистки с остатками III культурного слоя были интерпретированы им как участки с различной функциональной направленностью: остатки жилого комплекса, «производственный» участок и периферийная (межобъектная) часть поселения (Бессуднов, 2018. С. 66–69). Однако «руководящих ископаемых» в инвентаре не выявлено, поэтому интерпретация вскрытых

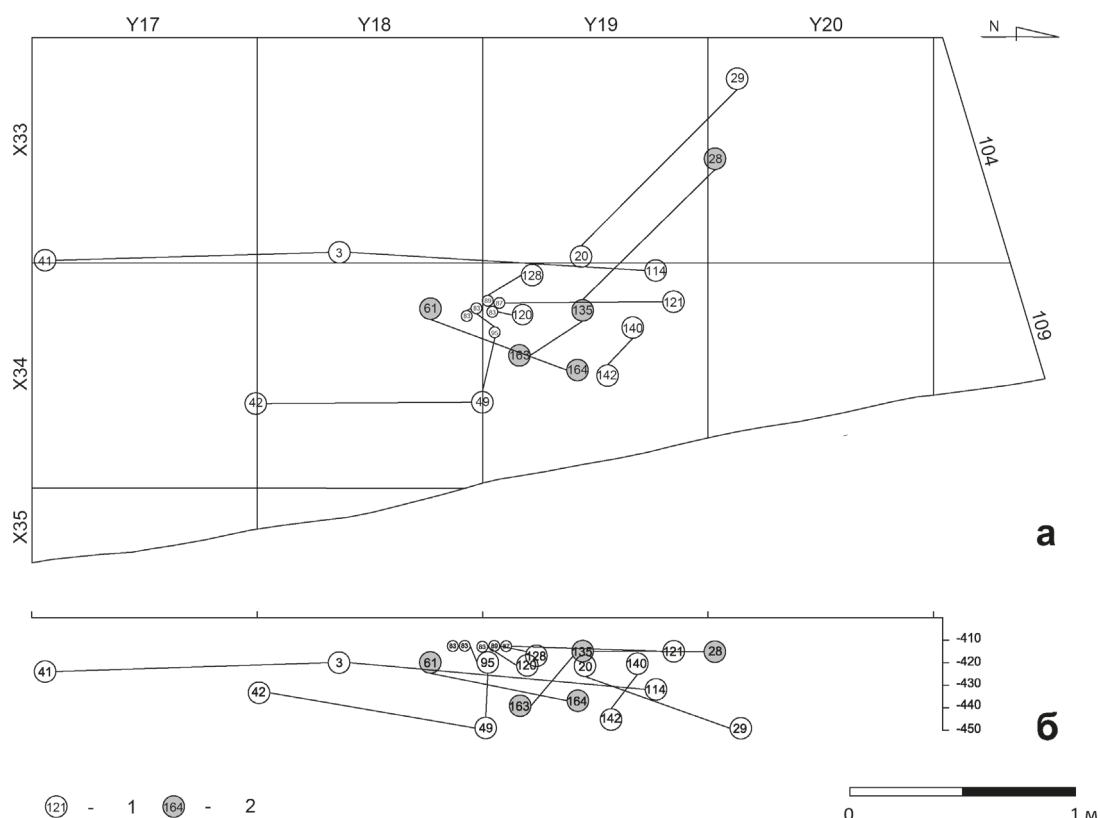

Рис. 1. Костенки 21, слой III. Распределение связей по ремонту на «производственном» участке, зачистка 2014 г., в плане (а) и по вертикали (б).

1 – черный меловой кремнь; 2 – желтый цветной кремнь. Цифирные обозначения соответствуют номерам находок полевой описи.

площадей во многом условная. На «производственном» участке встречаются такие категории каменных изделий, как нуклеусы, резцы, резцовые сколы, многочисленные заготовки и отходы расщепления. В «жилом» комплексе резцы и резцовые сколы единичны, основную долю находок составляют отщепы и пластинки.

В рамках настоящего исследования начата работа по аппликации сколов с «производственного» участка 2014 г., исследованная площадь которого составляет 8,3 кв. м. Всего здесь обнаружено 907 единиц расщепленного кремня, основная концентрация которого занимала площадь 2 кв. м. Углубленные объекты и пятна, а также другие элементы культурного слоя отсутствуют. Связи по ремонту по расщеплению составляют 0,04 %, а по слому 0,003 % (с учетом дебитаж). На «производственном» участке среди апплицируемых сколов преобладают связи резец – резцовый скол. Помимо этого, есть случаи, где удастся реконструировать процессы снятия технических сколов с нуклеусов, подправки площадки, выравнивания фронта скалывания. Построение связей по ремонтам в плане показывает разброс по площади на расстояние до 2,8 м, а по вертикали – до 0,3 м – в рамках одного «производственного» комплекса (рис. 1). Такой разброс по вертикали связан с тем, что часть изделий попала в мерзлотные трещины, прорезавшие культурный слой после завершения функционирования стоянки. Сравнительно небольшой разброс по горизонтали говорит о том, что культурный слой на памятнике является непереотложенным, а склоновое смещение было минимальным.

На участке, интерпретируемом как остатки жилого комплекса (зачистки 2013, 2015 гг.), также удалось собрать ряд аппликаций. Исследованная площадь этого участка составляет 3,7 кв. м, на нем было обнаружено 207 единиц расщепленного кремня. Находки приурочены к зольно-углистым пятнам, между которыми предметы единичны или отсутствуют. Также на этом участке было выявлено небольшое пятно малиновой охры. Связи по ремонту по расщеплению на «жилом» участке составляют 0,02 %, связи по слому – 0,02 % (с учетом дебитаж).

На данном этапе исследования с опорой на связи по ремонту можно предполагать, что заготовки и орудия были принесены в готовом виде, а впоследствии переоформлялись и использовались в качестве вторичных нуклеусов внутри одного комплекса. Возможно, на площади «производственного» комплекса, исследованного в 2014 г., не только изготавливали и переоформляли резцы, но и использовали их, в частности, для обработки кости — по аналогии с южным комплексом, исследованным ранее, к которому была приурочена основная часть находок обработанной кости (Иванова, 1985. С. 13).

Различная степень патинизации кремневых предметов, которая является одним из аргументов в пользу одновременности комплексов (Reynolds et al., 2019. Р. 174), не подтверждается новыми материалами. Серия ремонтов, собранных в рамках данной работы по материалам раскопок 2013–2016 гг., показывает, что в одном комплексе могут апплицироваться фрагменты одного изделия с разной степенью патинизации. Также не удастся проследить никакой закономерности в распределении предметов с одинаковой степенью патинизации в пространстве.

Таким образом, на основании анализа апплицируемых сколов пока не удалось выявить ни одной связи между «жилым» и «производственным» комплексами из зачисток 2013–2016 гг. Вертикальное и горизонтальное распределение связей по ремонту свидетельствует о минимальном склоновом смещении и постдепозиционном нарушении культурного слоя на различных участках.

Бессуднов А.А., 2018. Предварительные результаты спасательных археологических работ на стоянке Костенки 21 (Гмелинская) в 2013–2016 гг. // Записки ИИМК РАН. Вып. 17. С. 62–73.

Иванова М.А., 1985. Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР. 17 с.

Праслов Н.Д., Иванова М.А., 1982. Костенки 21 (Гмелинская стоянка) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Л.: Наука. С. 198–210.

- Lisitsyn S.N., 2019. The Eastern Frontier of the Gravettian in the Kostenki-Borshchevo Palaeolithic Locality, the Don Basin, Russia // Вестник СПбГУ. История. Т. 64. Вып. 2. С. 525–554.
- Reynolds N., Germonpré M., Bessudnov A.A., Sablin M.V., 2019. The Late Gravettian Site of Kostënki 21 Layer III, Russia: a Chronocultural Reassessment Based on a New Interpretation of the Significance of Intra-site Spatial Patterning // Journal of Paleolithic Archaeology. Vol. 2. № . P. 160–210.

Е.С. Яковлева

*Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск
lugsamildanah@yandex.ru*

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НЕОЛИТЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ КОЧЕГАРОВО 1

Территория лесостепного Притобалья географически представляет собой переходную зону Урало-Западносибирского региона и в древности была контактной зоной для носителей разных культурных традиций (Тихонов, 2012). Данный регион, с одной стороны, отграничен от степной и лесной зон параллельным течением притоков Тобола Уя и Исети, от ландшафтов Западносибирской низменности – течением Тобола, от Уральских гор – пологими склонами зауральского пенеплена. С другой – развитая гидрографическая сеть левых притоков Тобола (Исеть с Миассом в лесостепи, Тура и Тавда в таежной зоне) и достаточно крупный правый приток, меридионально текущий из зоны степи – Убаган, связывают описанный район со смежными климатическими и ландшафтными зонами.

На поселении Кочегарово 1 (рис. 1А) получены наиболее многочисленные для данной территории материалы, на основании которых можно рассматривать гипотезу «контактной зоны». Речь идет о поселке, самый ранний культурный пласт которого датирован рубежом раннего и позднего неолита и в совокупности представлен двумя различными керамическими комплексами маханджарской и козловско-кошкинской традиций, в количестве 14 и 33 экземпляров соответственно. Одновременность данных групп керамики ранее установлена абсолютным датированием (Выборнов и др., 2014); при этом факт совместного существования носителей разных традиций в рамках одного коллектива вызывал вопросы и требовал дополнительной аргументации.

Для подтверждения синхронности рассматриваемых материалов проведен пространственный анализ с использованием метода «связей» (Яковлева, 2020. С. 54–58). Он показал, что, несмотря на довольно четкую дифференциацию распределения разных групп керамики по разным сооружениям, в объектах зафиксирована часть «инородных» фрагментов, в том числе на предматериковом уровне.

Технологический анализ (определения И.Н. Васильевой)¹ 23 из 47 сосудов, отнесенных к данному хронологическому этапу (8 маханджарских и 15 «прочерчено-накольчатых»), позволяет говорить об использовании общей технологии отбора исходного сырья – местных илистых глин, а также рецептов составления формовочных масс с добавлением тальковой дресвы и органического раствора, иногда шамота. Рецепты для сосудов не являются однородными и, при детализованном анализе, отражают сложную картину смешения разнотрадиционных традиций. Важно отметить, что в маханджарской керамике не обнаружена примесь шерсти, отличающая эту посуду на территории Тургайского прогиба (Шевнина, 2012. С. 21–22).

В морфологическом отношении вся керамика маханджарской традиции сохраняет свои примечательные очертания с горшечной профилировкой, в том числе с S-образным венчиком, и коническим дном. В трех случаях отмечены такие черты зауральской неолитической посуды, как «ушки» и наплыв с внутренней стороны венчика, точнее, его имитация, выполненная в виде налепного валика в основании шейки (рис. 1Б: 2). Коз-

¹ Автор выражает глубокую признательность И.Н. Васильевой за возможность использовать общие результаты определений до полной их публикации, а также за плодотворное обсуждение материалов.

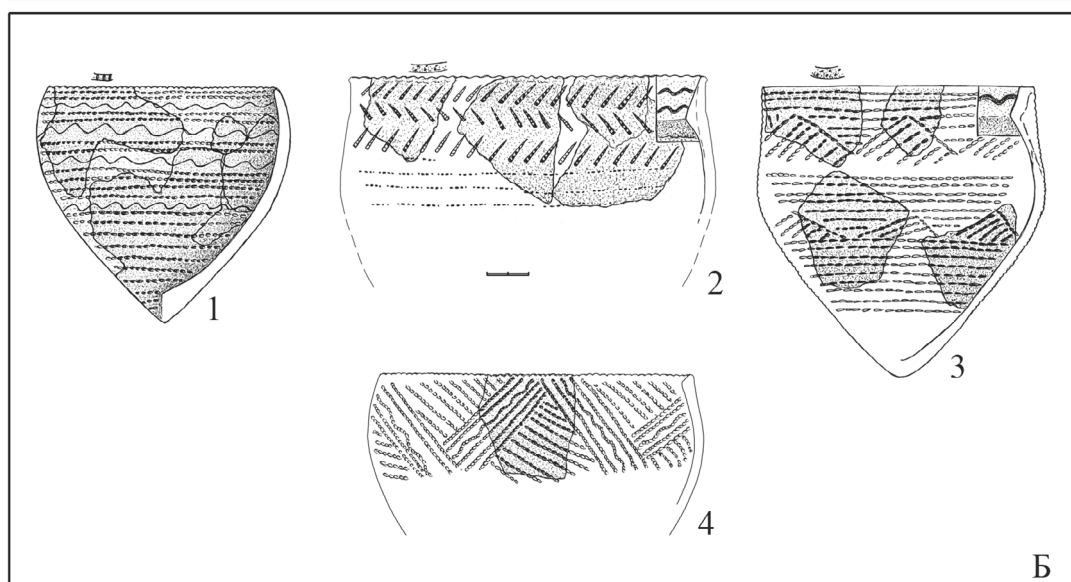

Рис. 1. Поселение Кочегарово 1.

А – расположение памятника на карте лесостепного Притоболья; Б – образцы сосудов смешанного облика.

ловско-кошкинская посуда также сохраняет традиционные баночные и, реже, горшечно-баночные формы с округлым и округло-коническим дном. Однако в двух случаях миниатюрные сосудики имеют нехарактерные заостренные конические донца (рис. 1Б: 1, 3); кроме того, один из сосудов с накольчатым орнаментом имеет ярко выраженную горшечную форму.

В декоре каждая из традиций сохраняет привычный набор мотивов и использует характерные орнаментальные инструменты. Так, маханджарская керамика украшена оттисками гребенчатого штампа, не образующими сложных композиций; на трех сосудах орнамент нанесен глубокими наколами или вдавливанием под углом не крупного штампа. Возможно, использование этой техники свидетельствует в пользу более раннего появления маханджарской традиции. Среди козловско-кошкинской посуды, при сохранении прочерчено-накольчатой техники, отмечены три сосуда с маханджарскими мотивами: например, с зигзагом, нанесенным на заштрихованное поле (рис. 1Б: 4).

Таким образом, многоступенчатая процедура работы с коллекцией, с опорой как на стандартное изучение морфологии и орнаментики, так и на технико-технологические данные, дополненные пространственным анализом залегания артефактов и их прямым радиоуглеродным датированием, позволяет обоснованно говорить о социокультурных взаимодействиях между носителями «степных» и «лесных» традиций неолита в контактной зоне лесостепного Притоболья.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В., 2014. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 1 (57). С. 33–48.

Тихонов С.С., 2012. Выявление и этнографо-археологическое изучение контактных зон аборигенов Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (17). С. 87–91.

Шевнина И.В., 2012. Гончарство маханджарской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (17). С. 21–28.

Яковлева Е.С., 2020. Планиграфия и стратиграфия неолитических поселений лесостепного Притоболья: возможности метода «связей» // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. № 2. С. 53–68.

АРХЕОЛОГИЯ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Ф.Ш. Аминов, Е.К. Блохин, Д.С. Филимонова

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
firuzaminov@gmail.com, jegor.blochinn@gmail.com, dasha-white21@mail.ru*

К ИСТОРИИ ОДНОГО ОРНАМЕНТА: СИЛУЭТНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НАМАЗГА I НА ПОСЕЛЕНИИ ЙЫЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)

В Южном Туркменистане, в подгорной полосе Копетдага исследовано большое количество памятников периодов энеолита и бронзы. Самый известный из них – Намазга-депе, хронологическая шкала которого, созданная Б.А. Куфтиным на основе типологии керамики, до сих пор используется в периодизации памятников Средней Азии этих эпох (Массон, 1956). Наша работа посвящена одному из типов орнамента на керамической посуде раннего энеолита данного региона – силуэтным треугольникам.

Основным источником изучения являются материалы, обнаруженные при исследовании горизонта 7 раскопа 3 поселения Йылгынлы-депе, расположенного в восточном районе подгорной полосы. Первые раскопки памятника были произведены А.Ф. Ганялиным в 1953 г. (Ганялин, 1959. С. 15–29). Подробные результаты этих работ и собранные материалы опубликованы И.Н. Хлопиным (Хлопин, 1963). Постоянные археологические исследования на поселении проводятся с 1985 г. (начальник экспедиции 1985–2006 гг. В.М. Массон, с 2006 г. Н.Ф. Соловьева). За прошедшее время заложены семь раскопов, с 1996 г. работы проводятся только на стратиграфическом раскопе 3. На сегодняшний день исследованы семь горизонтов. Горизонт 7 относится к концу раннего энеолита, периоду Намазга I.

Интересующая нас орнаментация на керамике из указанного горизонта представляет собой горизонтальные ленты из соединенных силуэтных треугольников, ориентированных вершинами вверх. Они всегда расположены снаружи сосуда, в верхней его части. Таких лент может быть от одной до семи (ропись с шестью лентами на данный момент не выявлена) (рис. 1). В некоторых случаях под лентами имеются свисающие дуги, образованные тонкими полукруглыми линиями (рис. 1: 6). Они могут встречаться на любых вариантах лент.

Всего в помещениях горизонта 7 зафиксирован 741 фрагмент расписной керамики. На 246 (33,2 %) представлены разные варианты лент из силуэтных треугольников (из них 27 – со свисающими дугами). 495 фрагментов декорированы другим орнаментом. Таким образом, можно говорить, что силуэтные треугольники были самым распространенным типом декора.

Посуда рассматриваемого горизонта разделяется по функциональному назначению на тарную (хозяйственную), столовую и кухонную. Вся она лепная. Тарная и столовая

керамика имеет орнамент, кухонная не орнаментирована (Аминов и др., 2020. С. 42). Лентами из соединенных силуэтных треугольников декорированы некоторые виды тарных сосудов – корчаги, а также столовая посуда – горшки, чаши и чашечки.

Керамические комплексы эпохи энеолита, в частности, раннего энеолита Южного Туркменистана, подробно изучены в работах И.Н. Хлопина и В.М. Массона (Массон, 1956; Хлопин, 1963). Исследователи отмечают, что орнамент с силуэтными треугольниками (без свисающих дуг) встречается повсеместно – в восточном районе подгорной полосы (Йылгынлы-депе), в центральном районе (Кара-депе, Намазга-депе, Яссы-депе, Серманча-депе), в западном районе (Дашлы-депе, Анау, Ак-депе) и в Геоксюрском оазисе (Дашлыджи-депе). В то же время ленты из силуэтных треугольников со свисающими дугами отмечены только в центральном районе и Геоксюрском оазисе (Хлопин, 1963. Табл. XXV). Таким образом, наши материалы дополняют имеющиеся данные, и к таблице И.Н. Хлопина следует добавить информацию о присутствии данного декора в восточном районе, т.е. в Йылгынлы-депе. В ряде случаев вместо дуг ленты из силуэтных треугольников могли иметь свисающие шевроны с точками на концах или трезубые отростки. Такие композиции встречаются только на керамике Яссы-депе (Массон, 1956. С. 295. Табл. VIII. 2, 3, 5, 7; Хлопин, 1960. Табл. 1).

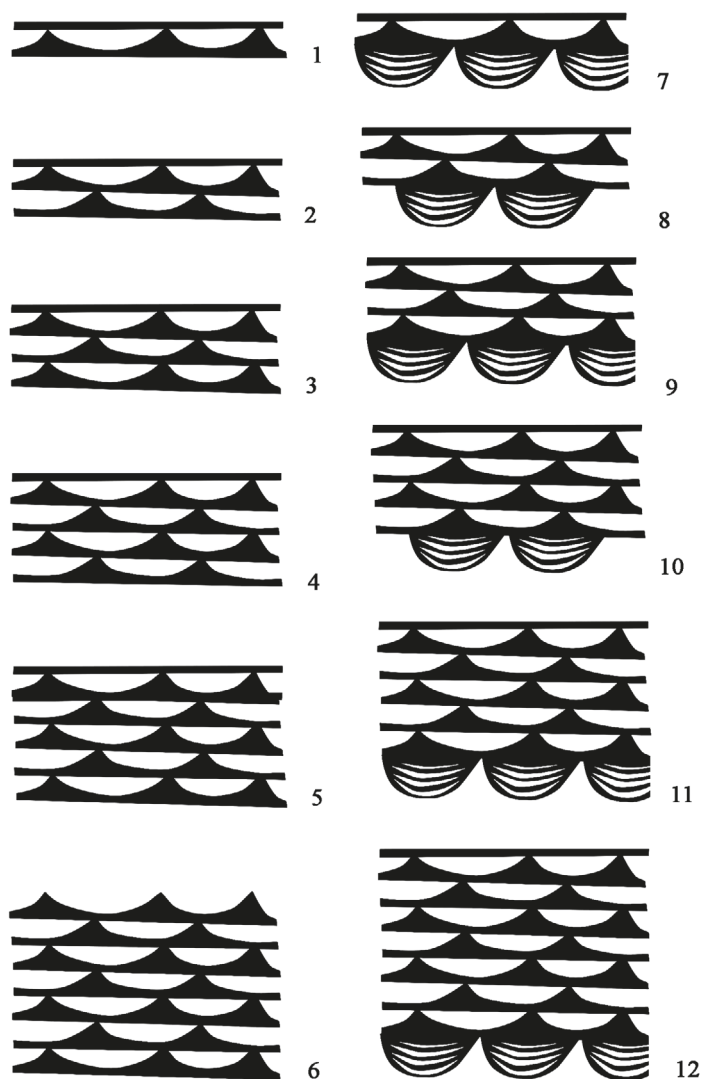

Рис. 1. Силуэтные треугольники – орнамент на керамических сосудах раннего энеолита Южного Туркменистана.

1–6 – ленты из соединенных силуэтных треугольников; 7–12 – ленты из соединенных силуэтных треугольников со свисающими дугами.

В таблице И.Н. Хлопина отмечены шесть типов орнаментации керамики из поселения Йылгынлы-депе рассматриваемого периода. В последние годы выявлены 26 типов, из которых 8, по данным И.Н. Хлопина, встречались только на керамике Дашлыджи-депе (Хлопин, 1963. Табл. XXV). Возможно, это свидетельствует о близких связях восточного района подгорной полосы Копетдага с Геоксюрским оазисом.

Рассмотренный орнамент датируется концом раннего энеолита. Ряд абсолютных дат из надежных закрытых контекстов, полученных в 2017 г. в радиоуглеродной лаборатории Бернского университета для этого комплекса, позволяет отнести его к середине – второй половине IV тыс. до н.э. Продолжение археологических исследований на Йылгынлы-депе, подробное изучение керамического набора поселения, несомненно, дополнит наши знания о материальной культуре населения эпохи раннего энеолита в регионе.

Аминов Ф.Ш., Блохин Е.К., Соловьева Н.Ф., 2020. Керамика периода перехода от раннего к развитому энеолиту в подгорной полосе Копетдага – новые свидетельства из раскопок Йылгынлы-депе // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию А.М. Мандельштама и 90-летию И.Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., СПб.). СПб.: ИИМК РАН. С. 41–44.

Ганялин А.Ф., 1959. Холм Йылгынлы-депе // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. 15. Ашхабад. С. 15–29.

Массон В.М., 1956. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина // Тр. ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: АН ТССР. С. 291–373.

Хлопин И.Н., 1960. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // Тр. ЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад: АН ТССР. С. 134–224.

Хлопин И.Н., 1963. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 1. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.; Л. 55 с. (САИ. Вып. БЗ-8).

Ю.С. Бурматова

Новосибирский государственный педагогический университет

Burmatova6606@yandex.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ

Андроновская (федоровская) культура является одним из наиболее изученных культурно-этнических образований эпохи развитой бронзы Западной Сибири. К настоящему времени только на территории Центральной Барабы исследованы не менее пяти относящихся к ней курганных (Старый Тартас-4, Погорелка-2, Абрамово-4, Вахрушево, Преображенка-3) и трех грунтовых (Сопка-2/6, Тартас-1, Катково-2) могильников.

Исходя из этих материалов, можно разделить погребения на два вида: курганные и грунтовые. Встречаются два варианта курганных могильников: со рвами под насыпью и без них.

Выделяются два типа рвов. Первый представляет собой конструкцию из четырех вытянутых рвов, образующих правильный квадрат с разрывами по углам, ориентированным по сторонам света. Размеры сооружения следующие: длина варьируется от 3,5 до 12,5 м; ширина от 1,5 до 2,8 м; глубина от 8 до 40 см. Внутренние стенки отвесные, внешние – очень пологие. В Центральной Барабе такие сооружения фиксируются в могильниках Погорелка-2, Старый Тартас-4, Преображенка-3. Второй тип планировки характеризуется заменой рвов небольшими вытянутыми ямами. Видимо, этот вариант оформления сакрального пространства появился в результате упрощения и удешевления традиционной погребальной конструкции.

Следует отметить, что в курганных могильниках со рвами основную массу погребений составляют кремации (Погорелка-2 – 100 %, Старый Тартас-4 – 52 %). Сожжение,

как правило, производилось на стороне, за пределами могилы и сакральной территории кургана. Исключением является погребение № 1 кургана № 16 на Старом Тартасе-4: там были обнаружены следы кремации непосредственно в могильной яме.

Курганы без рвов встречаются в могильниках Вахрушево, Абрамово-4 и Преображенка-3. Сакральное пространство этих комплексов ограничено только лавами кургана. Помимо захоронений на их площади встречаются прокалы и жертвенные ямы с костями животных и фрагментами керамики. Погребения расположены в один ряд по центру кургана. Обращает на себя внимание увеличение количества ингумаций в некоторых могильниках этого типа. Например, в Преображенке-3 они составляют 97 %.

Грунтовые некрополи андроновской культуры также бывают двух видов. В первом случае захоронения расположены рядами вдоль края речной террасы, с восточной ориентировкой погребенных. Преобладает обряд трупоположения. Умерший лежит на левом или правом боку, ноги слегка поджаты, руки согнуты в локтях, кисти соединены и находятся напротив лица. Ориентирован головой на В – С–В, но бывают исключения. На памятнике Тартас-1 из 521 погребения 410 (78 %) – ингумации, 83 (16 %) – кремации, 21 (4 %) – кенотафы (Молодин и др., 2018).

На Сопке-2/6 зафиксирована следующая картина: из 9 могил, принадлежащих носителям андроновских традиций, 7 (77 %) содержат сохранившиеся скелеты людей, а 2 (23 %) являются кенотафами (Молодин, Гришин, 2019. С. 154–167).

Второй вариант организации грунтовых захоронений встречен только на памятнике Тартас-1. Он характеризуется расположением могил агломерациями, окруженными круглыми или овальными рвами, с выходами на восток. Такие погребения занимают компактный участок в северной части могильника. В настоящее время здесь исследованы 45 захоронений. Из них кремации составляют 40 %, ингумации – 46 %. Судя по стратиграфическим наблюдениям, данная часть некрополя сформировалась в последнюю очередь и объединяет наиболее позднюю группу андроновских (федоровских) погребений. Скорее всего, это вызвано появлением новой волны населения андроновского типа.

Таким образом, вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на территории Центральной Барабы вызвана хронологическими изменениями и является следствием трансформации ритуала в результате контакта с местным населением. К наиболее раннему типу относятся захоронения под курганными насыпями с квадратными рвами, они имеют аналогии в погребальных традициях андроновского населения Северного Казахстана. Постепенное исчезновение рвов и замена их небольшими ямами вызваны, видимо, упрощением и удешевлением погребальных работ.

Следующим этапом изменения обряда является исчезновение курганов как таковых и появление грунтовых могильников, планировка которых полностью соответствует традициям автохтонной кротовской культуры. Самым поздним изменением погребального ритуала становится реанимация строительства ограждающих сакральное пространство рвов и кремации. Вероятнее всего, это вызвано новой волной миграции андроновского населения. Выявление направления миграционного потока возможно при более подробном изучении керамического комплекса.

Молодин В.И., Гришин А.Е., 2019. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской культур. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 223 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., 2018. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (федоровской) культуры на могильнике Тартас-1. К постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIV. С. 290–292.

А.А. Горошников*, З.В. Горошникова**

**Институт археологии РАН, Москва
goroshnikov89@bk.ru*

***ООО «Кубаньархеология», Краснодар
leben7@mail.ru*

ЗАКРЫТЫЙ КОМПЛЕКС С ЗООМОРФНЫМ ГЛИНЯНЫМ ИЗДЕЛИЕМ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ «ПАНАГИЯ 1» НА ТАМАНИ В 2018 Г.¹

В 2018 г. археологическая экспедиция ООО «Кубаньархеология» проводила исследования участка поселения эпохи поздней бронзы «Панагия 1» (Горошников, 2018. С. 17), расположенного в юго-западной части Таманского полуострова, в урочище Холодная Долина (рис. 1: 1). В юго-восточной части памятника заложен раскоп общей площадью 3,03 га, где зафиксированы остатки двух построек (объект 62), основания которых были сложены из необработанных кусков известняка. В заполнении между камнями найдены фрагменты керамики (рис. 1: 3: а–г) и кости животных.

Между сооружениями обнаружена яма 165, относившаяся, вероятно, ко времени существования объекта 62 и связанная с ним функционально (рис. 1: 2). Она имела округлую в плане форму, глубину до 0,5 м. Под стенками в западной и юго-западной частях ямы были сделаны два углубления – овальной и округлой формы. Заполнение однородное, состоит из рыхлого суглинка серо-коричневого цвета, перемешанного с пеплом, с включением мелких камней, а также крупных фрагментов обожженной глины (обломки сырцовых кирпичей?). На уровне дна в западной части заполнения расчищен обломок известняка.

Археологический материал, обнаруженный в яме, представлен находками костей животных, большинство из которых принадлежат крупному рогатому скоту, створкой раковины моллюска, фрагментами обожженной глины (обломки сырцовых кирпичей?), стенками лепных сосудов. Найдены также профильные фрагменты керамики: два фрагмента шейки с частью венчика лепных горшков (рис. 1: 4: а, б); фрагмент тулова с частью шейки и венчика и ручкой лепного черпака (рис. 1: 4: г); фрагмент венчика с частью ручки лепного черпака (рис. 1: 4: в); фрагмент вогнутого дна лепного сосуда (рис. 1: 4: д). В тесте всех обломков присутствует примесь шамота.

Особый интерес в заполнении ямы представляет находка глиняного изделия, выполненного в виде стилизованной фигурки животного (лошади). Морфологически оно представляет собой глиняный вытянутый стержень (туловище) с обломанными отростками (конечностями) и деталью, уверенно интерпретируемой как шея животного с гривой, в которой проделано сквозное отверстие для подвешивания (рис. 1: 4: е). Фрагменты одной ноги позволяют реконструировать форму конечностей. Они были выполнены в виде конуса, длиной предположительно около 2 см. Размеры изделия: длина 8,4 см, сечение в средней части 2,4 см, диаметр отверстия 0,5 см. Обжиг слабый, кратковременный. В тесте примесь органики.

Аналогии наиболее значимому с точки зрения культурно-хронологической атрибуции фрагменту сосуда известны в материалах Новокиевского поселения в Нижнем Поднепровье – черпаки типа ЧВ 211, по классификации Я.П. Гершковича (Гершкович, 1997. С. 132. Рис. 4: 11). Также они происходят с памятников на территории Молдавии (Sava, 2014. P. 225, 233. Fig. 146: 2, 5; 154: 5).

Глиняная фигурка имеет определенное сходство с находкой из слоя Кировского поселения в Восточном Крыму (Лесков, 1970. С. 29. Рис. 22: 6), а также из слоя поселения Балка Лисовицкого 4 на Таманском полуострове (Кияшко, Сударев, 2018. С. 219. Рис. 3: 15, 16). Особого внимания заслуживают отверстия для подвешивания на статуэтках из Панагии, Кировского и Балки Лисовицкого 4, выделяющие эти предметы из серии мелкой глиняной пластики позднего бронзового века Северного Причерноморья.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00469.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.62-64>

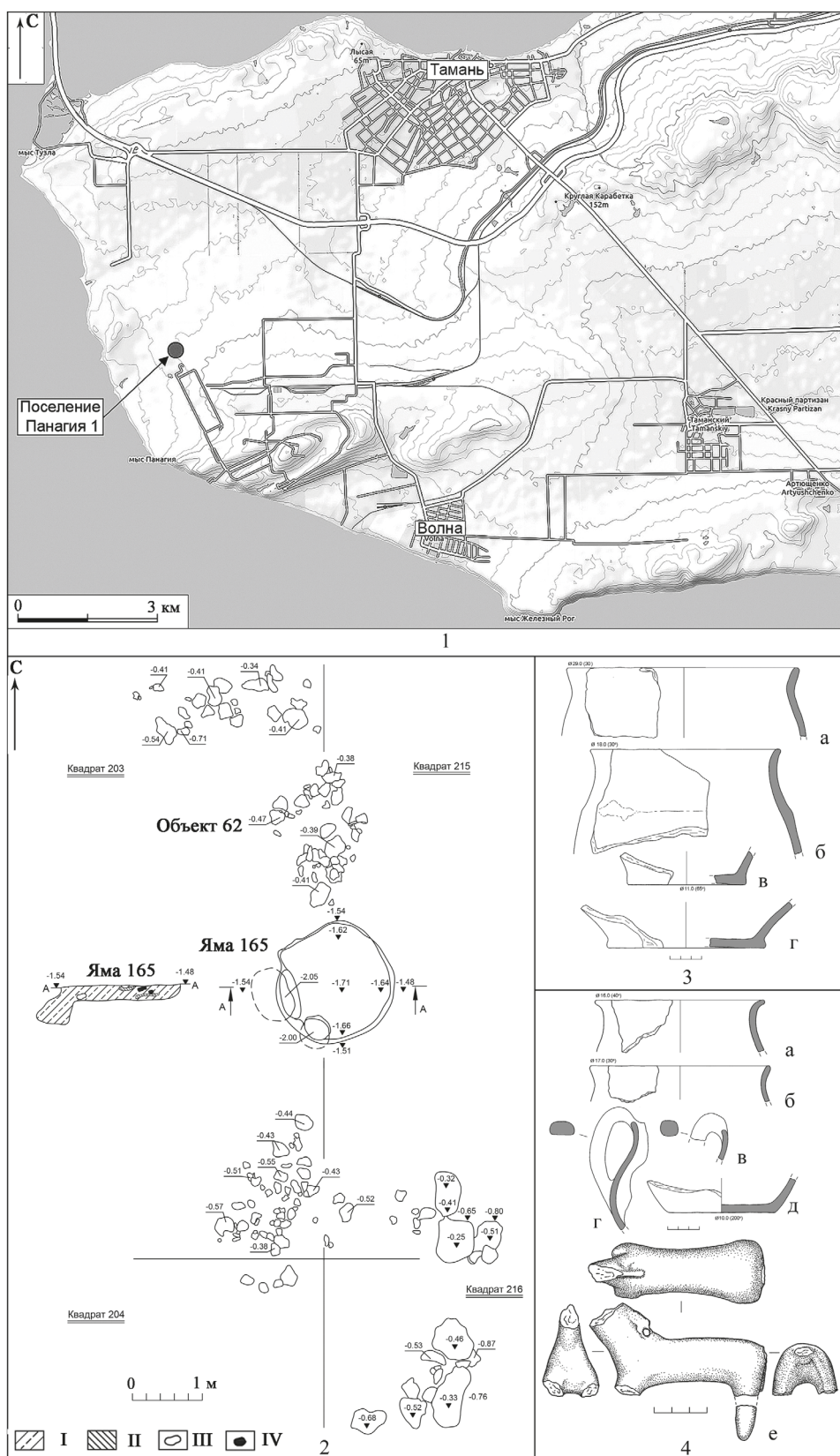

Рис. 1. Поселения «Панагия 1» на Таманском полуострове.

1 – расположение поселения на карте Таманского полуострова; 2 – план объекта 62, план и разрез ямы 165: I – рыхлый серо-коричневый суглинок, мешаный с пеплом; II – рыхлый серый пепел; III – камень; IV – обожженная глина (сырцовые кирпичи?); 3 – объект 62, находки: а, б – венчики лепных сосудов; в, г – донца лепных сосудов; 4 – яма 165, находки: а, б – венчики лепных сосудов; в, г – фрагменты лепных черпаков; д – дно лепного сосуда; е – глиняная поделка (фигурка лошади).

Как отмечает С.М. Агульников, комплексы с зооморфными фигурками известны в сабаатиновской культуре и могут быть обозначены как ритуальные (Агульников, Малюкевич, 2010. С. 160). Они встречены в культурах блока Сабатиновка – Ноуа – Кослоджень. Также ритуальные комплексы с зооморфной пластикой зафиксированы на памятниках позднесрубного времени (например, Усово озеро и Ильичевка на Северском Донце). Однако, как указывают исследователи, по конструкции и характеру связанных с ними культовых предметов они близки к жертвенникам сабаатиновской культуры (Ромашко, 2013. С. 151).

Таким образом, можно предположить, что изученный комплекс (яма 165) имел ритуальное назначение с прослеживаемой земледельческо-скотоводческой тематикой. Его предварительная датировка – позднесабатиновский – раннебелозерский период (XIV–XII вв. до н.э.). В заключение стоит отметить, что на памятнике обнаружены и другие глиняные изделия: «хлебцы», миниатюрные модели колес, зооморфные фигурки. Они могут стать объектом отдельного исследования.

Агульников С.М., Малюкевич А.Е., 2010. Ритуальный комплекс периода поздней бронзы с поселения Молога-II в Нижнем Поднестровье // *Revista Arheologică. Serie nouă. Vol. VI. Nr. 1.* S. 151–163.

Гершкович Я.П., 1997. Происхождение и эволюция сабаатиновского керамического комплекса // *Археологический альманах. № 6. Донецк.* С. 125–144.

Горошников А.А., 2018. Поселение эпохи поздней бронзы Панагия 1 в юго-западной части Таманского полуострова // *Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тезисы докладов круглого стола / Отв. ред. А.Н. Гей.* М.: ИА РАН. С. 17–19.

Кияшко А.В., Сударев Н.И., 2018. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // *XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Материалы Международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь.* С. 212–218.

Лесков А.М., 1970. Кировское поселение // *Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы) / Отв. ред. А.М. Лесков. К.: Наукова думка.* 200 с.

Ромашко В.А., 2013. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). К.: КНТ. 592 с.

Sava E., 2014. Așezări din perioada târzie a epocii bronzului (Noua-Sabatinovka) în spațiul pruto-nistrean. Chișinău. 592 p.

Д.А. Демаков

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
demakov-denis@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НОВОИЛЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ И СРЕДНЕЙ КАМЫ¹

Верхняя и Средняя Кама в нашем исследовании представлены в следующих границах: Верхняя Кама – бассейн Камы от западной границы Пермского края до г. Усолье; Средняя Кама – от г. Усолье до устья р. Сива (Овеснов, 2009. С. 20). К этому региону также относятся бассейны Вишеры, Колвы, Чусовой и Сылвы в пределах Пермского края.

Всего на сегодняшний день на данной территории известно 19 археологических памятников, относящихся к новоильинской археологической культуре (рис. 1). Ее выделил О.Н. Бадер в 60-х годах XX в. Первоначально он назвал ее «флажковой» и отнес

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С26/1192 от 19.12.2019, гранта РФФИ, проект № 20-49-590002 р_а_Пермский край «Комплексные исследования постнеолитических и энеолитических культур на территории Среднего Предуралья».

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.64-66>

к концу неолита, но затем, учитывая новые материалы и то, что узор в виде «флажка» встречается крайне редко, стал называть новоильинской, или гагарской (Бадер, 1961а. С. 191–196; 1961б. С. 269).

Для новоильинской культуры характерны следующие черты. Поселки обычно состояли из одного – трех жилищ, располагаясь на невысоких (1–5 м) первых боровых террасах. Судя по размерам и форме жилищ, они продолжали поздненеолитические традиции. Для керамического комплекса показательны полуяйцевидные сосуды с прямым или

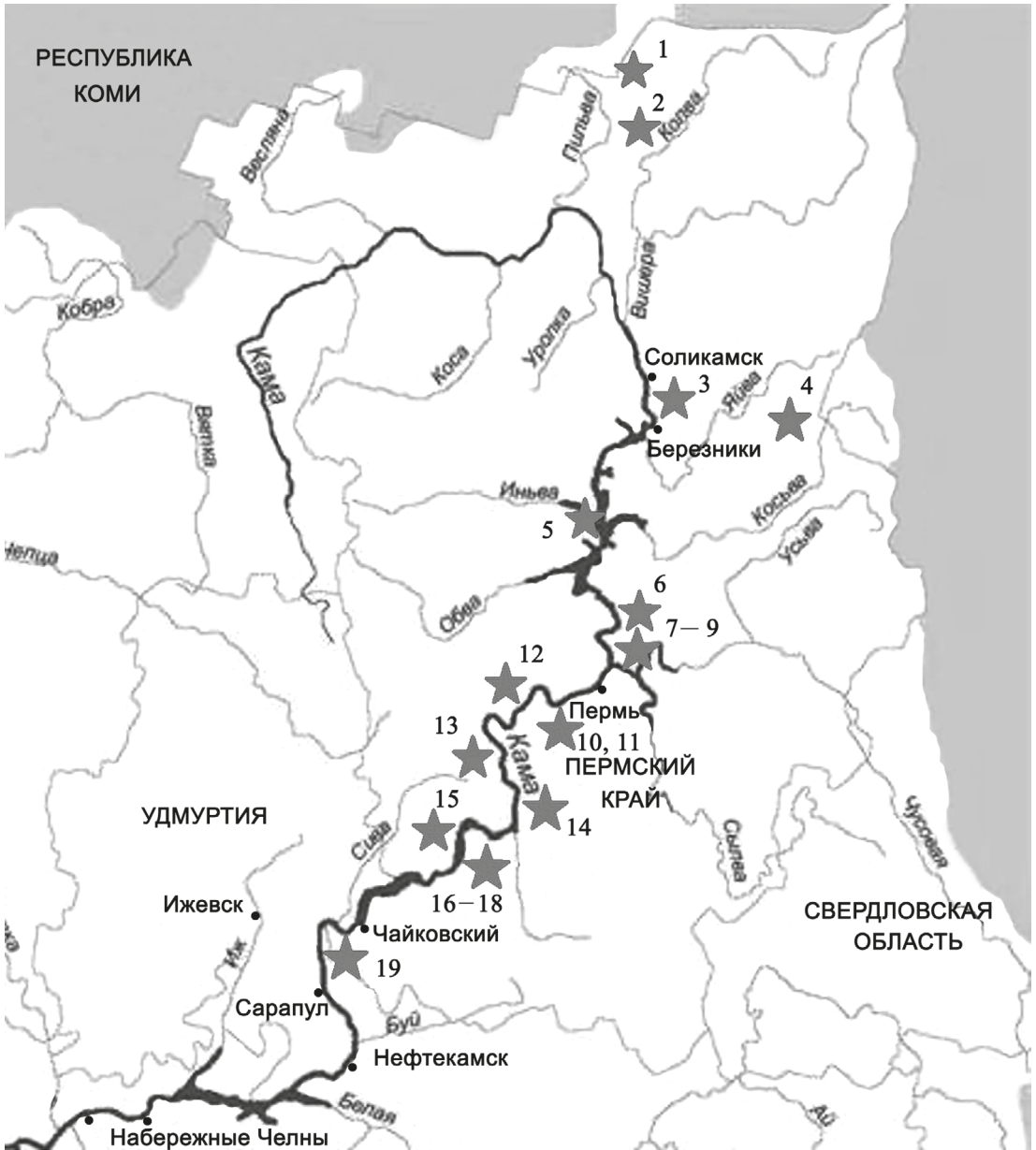

Рис. 1. Памятники новоильинской археологической культуры.

1 – Позднеевское Озеро II, стоянка; 2 – Корепино II, стоянка; 3 – Чашкинское Озеро I, стоянка; 4 – Чаньвинская пещера I (Вогульская), стоянка-святилище; 5 – Базов Бор, стоянка; 6 – Шемети, стоянка; 7 – Бор IV, стоянка; 8 – Боровое озеро II, стоянка; 9 – Боровое озеро III, стоянка; 10 – За-
 юрчим I, поселение; 11 – Звереве, стоянка; 12 – Ново-Ильинское III, поселение; 13 – Усть-Очер I, поселение; 14 – Усть-Паль, стоянка; 15 – Тюремка I, поселение; 16 – Гагарское II, стоянка; 17 – Гагарское III, стоянка; 18 – Бойцовское I, поселение; 19 – Красное Плотбище I, поселение.

широко открытым горлом. Основная форма днищ – округлая и коническая, в редких случаях – плоская. Орудия изготавливались из местных материалов. Характерной чертой является использование плитчатого кремня. В технике раскалывания камня преобладала отщеповая индустрия, но для ножей, острий, наконечников иногда использовались пластины. Набор орудий во многом близок номенклатуре изделий эпохи неолита. Крупными сериями представлены скребки, среди которых многочисленны орудия на отщепах подквадратной, подпрямоугольной и подтрапиевидной формы. Распространены также концевые скребки на пластинах и овально-округлые на отщепах и поперечных сколах с нуклеусов (Лычагина, 2013. С. 80–82).

Внутренняя периодизация новоильинской культуры еще подробно не разработана. Ее нижняя хронологическая граница может быть отнесена к V тыс. до н.э., а верхняя – к концу IV тыс. до н.э. (Выборнов и др., 2019. С. 36).

Памятники новоильинской культуры известны как на севере, так и на юге Прикамья. К сожалению, 9 из 19 затоплены в ходе заполнения Камского и Воткинского водохранилищ. Подавляющее большинство объектов располагается на берегах крупных рек, в основном вдоль русла Камы (12 памятников). На берегах р. Чусовой находились три памятника, на р. Колве – один. Два новоильинских поселения расположены на берегах озер – Чашкинского и Чусовского. Еще один памятник известен на реке второго порядка – Чаньве. По отношению к руслу Камы превалирует левобережное расположение объектов (15 против 4).

В ходе картографирования удалось выделить два района концентрации памятников: 1) в районе с. Частые (четыре – стоянка Гагарское III, поселение Тюремка I, поселение Бойцовское I, стоянка Гагарское II); 2) на р. Чусовой, в приустьевой ее части (три – Бор IV, Боровое Озеро II, Боровое Озеро III). К сожалению, все эти памятники затоплены в ходе заполнения Камского и Воткинского водохранилищ.

Самый северный новоильинский объект (Поздеевское озеро II, стоянка) находится на берегу оз. Чусовского, образовавшегося в позднем плейстоцене в результате Печорско-Камского спиллвея. Стоянку можно связать с путем миграции энеолитического населения из бассейна Камы в бассейн Печоры и наоборот.

Особняком стоит Чаньвенская пещера, расположенная на левом берегу р. Чаньвы. Это пещерный комплекс – сложный археологический объект, существование которого началось еще в палеолите. К более позднему времени относятся материалы новоильинской культуры и находки, связанные с использованием пещеры в качестве святилища в Средние века.

Таким образом, памятники новоильинской культуры имеют явную привязанность к левобережью р. Камы и встречаются на всей территории исследования. Мы предполагаем, что складывание данной общности происходило на местной неолитической основе под влиянием южного компонента, формировавшегося в южной части бассейна Средней Камы. Продвижение населения новоильинской культуры на север происходило именно по левому берегу р. Камы, потому что до р. Чусовой здесь нет крупных притоков, которые сложно преодолеть.

Бадер О.Н., 1961а. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М.: Наука. 198 с.

Бадер О.Н., 1961б. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М. С. 110–271.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А., 2019. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник Пермского университета. История. № 1 (44). С. 34–47.

Лычагина Е.Л., 2013. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь: ПГГПУ. 120 с.

Овеснов С.А., 2009. Местная флора. Флора Пермского края и ее анализ: учебное пособие по спецкурсу. Пермь: ПГУ. 215 с.

ПОСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЯЁЙ (III в. до н.э. – III в. н.э.), ЯПОНСКИЙ АРХИПЕЛАГ¹

В японской археологической науке период или культуру яёй («яёй бунка») традиционно ассоциируют с кардинальными изменениями в культурной, социальной, политической и духовной сферах жизни местного населения. Резкое похолодание климата и падение уровня моря в конце IV – III в. до н.э. подорвали экономику многих материковых культур и привели в движение население северных регионов материковой Азии, которое начало мигрировать на юг. Становление культуры яёй связано с мощным потоком переселенцев с юга Корейского полуострова.

Традиционно яёй датируют III в. до н.э. – III в. н.э. и делят на три этапа. Однако в работах последних лет ее нижняя граница колеблется между X–IX вв. до н.э. с дополнительным выделением начальной фазы. В настоящее время внутри культуры принято выделять четыре фазы: начальная (X–VIII вв. до н.э.), ранняя (VII–IV вв. до н.э.), средняя (VI в. до н.э. – I в. н.э.) и поздняя (I – сер. III в. н.э.) (小林謙一. 2019. Р. 179–184).

В отличие от эпохи дзё:мон (15000–2410 л.н.), распространенной на всей территории Японского архипелага, для культуры яёй на начальной и ранней фазах отмечается экспансия в северные районы о. Кюсю и северо-западную часть региона Тюгоку (о. Хонсю). На рубеже эр яёйское влияние достигает центральной Японии (регионы Кинки и Канто). Для поздней фазы характерно колоссальное расширение культурных границ до региона Тохоку. На севере и юге Японского архипелага (о. Хоккайдо и архипелаг Рюкю) формируются локальные культурные группы.

Яёй – период модернизации всех культурных составляющих эпохи дзё:мон: смена присваивающей экономики производящей (земледелие и скотоводство); появление новых технологий (металлургия) и совершенствование ранее существовавших (домостроительство, гончарство); изменения в погребальном обряде и социальной структуре общества.

Характерной особенностью яёйских деревень является четкое разделение на жилую, хозяйственную и ритуальную зоны, с выделением сельскохозяйственных угодий под заливное рисосеяние. Структура яёйских поселений эволюционирует на протяжении всего существования культуры. Выбор места для поселения был обусловлен доступностью водных ресурсов для создания рисовых полей. На ранней фазе наблюдается влияние дзё:монской традиции домостроительства, основу которой составляли полуземлянки. Второй тип сооружений – конструкции на сваях, представлявшие собой зернохранилища или культовые постройки. Их многочисленность на некоторых поселениях о. Кюсю, однако, говорит в пользу того, что они могли использоваться в качестве жилищ (Steinhaus, Kaner, 2016. Р. 84).

К ранним памятникам культуры яёй относится поселение Итадзукэ г. Фукуока (преф. Фукуока, о. Кюсю) общей площадью 400 кв. м. Оно расположено на террасе в междуречье р. Микаса и р. Морока. Деревня окружена рвом овальной формы, размерами 110 м с севера на юг и 81 м с востока на запад, шириной 1–5 м, глубиной 1,0–2,5 м. Вдоль северной и южной частей рва раскопано более 200 хозяйственных ям глубиной 1–2 м и остатки жилищных котлованов. К востоку и западу от поселения зафиксированы рисовые поля и могильник (Steinhaus, Kaner, 2016. Р. 94–95).

В средней фазе, когда рисовые поля устраивали на более сухих пологих участках, поселения располагаются на гребнях невысоких холмов. Примечательно, что во второй

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 19-36-60001 «Материальная культура эпох Дзё:мон, Яёй и Кофун: особенности описательной терминологии и подготовка японско-русско-английского археологического словаря».

половине данного этапа в отдельных районах региона Тююку и особенно вдоль побережья Внутреннего моря для постройки деревень выбирали склоны и вершины холмов, высота которых превышает 100 м над уровнем моря.

Резкий рост населения на рубеже эр приводит к необходимости постоянного расширения посевных площадей и вооруженным столкновениям с соседями за землю и источники воды. Потребности в безопасности и раннем оповещении во время нападения заставляют отдельные деревни объединяться в крупные городища с мощной системой укреплений. Ярким примером масштабного поселенческого комплекса среднего яёй считается «город-государство» Ёсиногари (V в. до н.э. – III в. н.э.) в г. Кандзаки (преф. Сага) общей площадью 40 га. Комплекс включает две крупные деревни (более 600 домов, 98 реконструировано), могильник (3100 погребальных урн), святилище. Уникальной чертой городища являются остатки конструкций, имевших оборонительные функции. Прежде всего, это система двойных рвов (один внешний и четыре внутренних) общей площадью 2,5 кв. км. Вдоль рвов были установлены деревянные заборы, укрепленные земляными насыпями. По периметру городища располагались смотровые башни (七田忠昭.2017).

В культуре яёй формируются зачатки политогенеза – образуются ранние города-государства, такие, как Ёсиногари. В китайских исторических хрониках древние японцы известны под именем «во» (яп. «ва»), у которых существовал ряд «государств» («го», яп. «куни»). Китайские династийные хроники «Вэй чжи» и «Хоу Хань-шу» повествуют о существовании в конце II – III в. н.э. государства Яматай, управлявшегося правительницей-женщиной и имевшего отношения с китайским царством Вэй (Лаптев, 2010).

Лаптев С.В., 2010. Описания народа «во» в I–III вв. н.э. Тексты и проблема достоверности информации о во в китайских и японских письменных памятниках // ВДИ. Вып. 4. С. 223–247.

Steinhaus W., Kaner S., 2016. An Illustrated Companion to Japanese Archaeology. Oxford: Archaeopress. 341 p.

小林謙一, 2019. 縄文時代の実年代講座.東京: 同成社. 226 p.

七田忠昭, 2017. 邪馬台 国時代のクニの都 吉野ヶ里遺跡.シリーズ「遺跡を学ぶ」.東京: 新泉社. 96 p.

А.Д. Климова

*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет, Челябинск
klimova.ad@mail.ru*

ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Обширные территории Урало-Казахстанского региона, а также Западной Сибири в позднем бронзовом веке заселяли носители алакульской археологической культуры. Особое значение при изучении алакульского населения имеет проблема локального своеобразия его культуры в разных регионах. В рамках Южного Урала специалисты выделяют сегодня алакульский лесостепной, западноалакульский (степной) и кожумбердынский культурные компоненты (Алаева, 2015. С. 13). Основным критерием этого разделения служат внешние особенности глиняных сосудов – их форма и орнаментация.

В настоящей работе предпринята попытка обратиться к другой стороне алакульского гончарства, которая пока еще не получила достаточного внимания со стороны исследователей, – технологии изготовления глиняных сосудов. Источниковую базу составили керамические коллекции поселений Чебаркуль III (25 сосудов), Звягино-4 (55 сосудов) и Малая Березовая-4 (48 сосудов). Помимо этого для сравнения привлечены материалы других памятников – поселения Мочище (29 сосудов) и могильника Кулевчи VI (74 сосуда), результаты изучения которых опубликованы (Григорьев, Салугина, 2020; Виноградов и др., 2020. С. 406–478).

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.68-70>

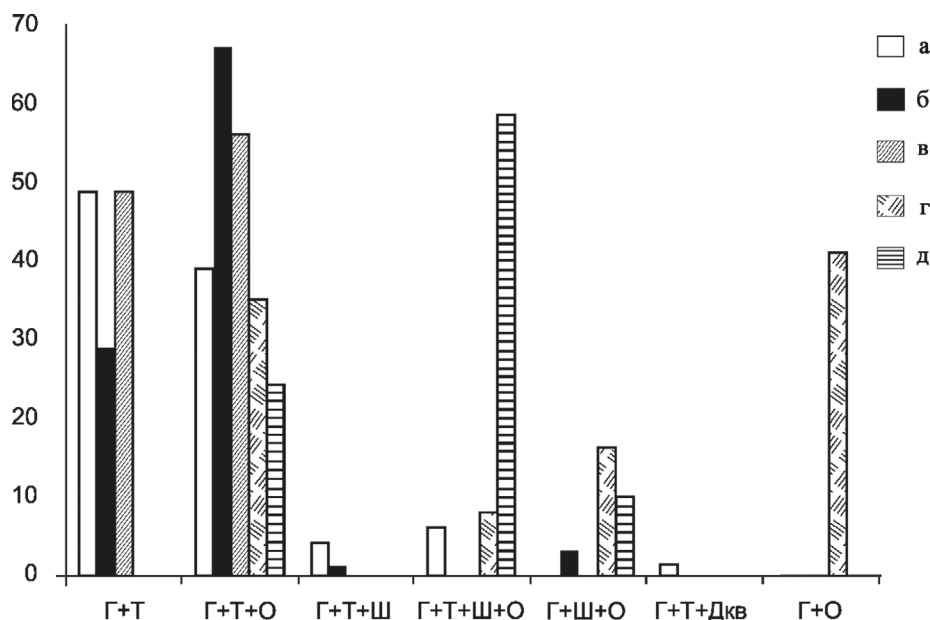

Рис. 1. Рецепты формовочных масс керамики памятников алакульской культуры Южного Зауралья.

Г – глина; Т – тальковая дресва; О – органика; Ш – шамот; Дкв – дресва кварцевая; а – Звягино-4; б – Малая Березовая-4; в – Чебаркуль III; г – Кулевчи VI; д – Мочище.

С целью реконструкции гончарных традиций проведен технико-технологический анализ керамики по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978). Бинокулярному исследованию подвергнуты обломки 128 разных сосудов. По результатам работы, с учетом данных, полученных ранее, удалось определить особенности, присущие гончарной технологии населения алакульской культуры в Южном Зауралье.

1. У гончаров алакульских поселений рассматриваемого региона сформировалось устойчивое представление об исходном пластичном сырье: использовались только ожелезненные глины разной степени запесоченности.

2. Отмечено использование форм-основ при изготовлении сосудов.

3. Зафиксирована донно-емкостная программа конструирования начина.

4. Выявлено использование в качестве «строительных элементов» при изготовлении начина и полого тела лоскутов.

Приведенные данные показывают значительную близость субстратных, т.е. наиболее устойчивых знаний и навыков гончарного производства у носителей алакульской культуры в рамках всего Южного Урала. Это свидетельствует, что коллективы, оставившие алакульские древности на всей рассматриваемой территории, могли иметь общее происхождение и восходить к единой культурной среде.

На более детальном уровне гончарные традиции алакульского населения разных регионов Южного Урала демонстрируют некоторую специфику. По итогам анализа формовочных масс сосудов удалось выделить две группы памятников (рис. 1). К первой относятся поселения Звягино-4, Чебаркуль III и Малая Березовая-4. Вторую группу составляют поселение Мочище и могильник Кулевчи VI.

В первой группе доминируют рецепты формовочной массы «глина + тальк» и «глина + тальк + органика», рецепты с шамотом единичны. Вторая группа более разнообразна. Рецепты, характерные для первой группы, здесь выступают как рецессивные, а доминантными являются «шамотная» традиция и традиция составления формовочных масс без добавления минеральных примесей. На основании этих данных можно заключить, что культурный состав населения, оставившего памятники первой группы, был более однородным.

Стоит отметить, что поселение Малая Березовая-4 расположено на северной периферии срубно-алакульской контактной зоны (Алаева, 2014). Специфика керамического комплекса, а именно присутствие посуды типа 1.3 по И.П. Алаевой, позволяет соотнести его с западноалакульским кругом древностей. Однако по традициям составления формовочных масс поселение Малая Березовая-4 вошло в первую условную группу памятников, относимых к лесостепному алакульскому варианту. Интересен и тот факт, что керамика второй из выделенных нами групп по морфологическим признакам также принадлежит к лесостепному варианту алакульской культуры.

- Алаева И.П., 2014. Поселение Малая Березовая-4 // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка. С. 161–172.
- Алаева И.П., 2015. Территориальные группы памятников позднего бронзового века в степной части Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 64. С. 9–15.
- Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 1978. 272 с.
- Григорьев С.А., Салугина Н.П., 2020. Петровская и алакульская керамика поселения Мочище в Южном Зауралье // РА. № 2. С. 45–59.
- Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А., Алаева И.П., Алентьев Ю.М., Блинов И.А., Галибин В.А., Епи-
махов А.В., Илюшина В.В., Китов Е.П., Косинцев П.А., Рассомахин М.А., 2020. Кулевчи VI –
могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральский го-
сударственный гуманитарно-педагогический университет. 556 с.

О.П. Ларенок

*Ассоциация «Южархеология», Ростов-на-Дону
ksanalare@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ БАБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

Погребальный обряд – важный источник для реконструкции культурных традиций и понимания быта древних народов. Не являются исключением и погребальные ритуалы бабинской культуры.

Инвентарь в бабинских захоронениях зачастую либо совсем отсутствует, либо представлен костяными классическими пряжками (Литвиненко, 2002. С. 79. Рис. 1). Такие пряжки свойственны и мужским, и женским погребениям. Отличительная особенность захоронений разных в половом отношении индивидов заключается в их ориентировке: в подавляющем большинстве случаев мужчины располагаются головой на запад, женщины – на восток, с допустимыми широкими отклонениями (Литвиненко, 2011. С. 112). При этом основная поза стабильна – скорченно, на левом или правом боку. Помимо костяных пряжек в женских погребениях бабинской культуры встречаются лепные сосуды с орнаментом и без него, а также украшения и поделки из разных материалов (кости, бронзы, поделочного камня и т.д.). В данной статье представлены результаты анализа некоторых женских захоронений, исследованных на территории Ростовской области, редких для рассматриваемого региона, но содержащих ряд общих черт.

Основным объектом изучения стало погребение 11 кургана 5 могильника Бургуста I, опубликованное автором в тезисном виде (Ларенок, 2017. С. 74–78). Для общего понимания следует отметить, что его инвентарь представлял собой единый комплекс украшений, составлявших часть парадного наряда. В костюм входил головной убор, расшитый пастовым бисером разных видов (рис. 1: 6, 8) и бронзовыми бляшками небольшого размера (рис. 1: 7). Шею украшала подвеска из сердоликовых бус (рис. 1: 4) и бронзовых трубочек-пронизей (рис. 1: 2). В прическу были вплетены речные раковины с просверленными отверстиями (рис. 1: 5). Запястье охватывал браслет из клыков собаки (рис. 1: 3),

Табл. 1. Инвентарь женских погребений бабинской культуры на территории Нижнего Подонья

Шифр комплекса	Инвентарь погребений					
	Пастовые бусы	Сердоликовые бусы	Клыки собаки	Сверленные речные раковины	Трубочки - пронизи	Изделия из бронзы
КМ Бургуста I, курган 5, погр. 11	цилиндрические, двурожковые	округлые	+	+	бронзовые	2 очко-видные подвески, нашивные диски
КМ Высочино VII, курган 14, погр. 3	цилиндрические, двурожковые	—	+	+	костяные	—
Ребриковка II, курган 1, погр. 7	цилиндрические	ромбовидные, округлые	+	+	—	Капле-видные бусины
Чикмари II, курган 1, погр. 3	двурожковые	—	—	—	—	Очко-видная подвеска, небольшие фрагменты бронзовых изделий

а к поясу крепились две разного размера бронзовые очковидные подвески (рис. 1: 1, 1а). Благодаря окислам металла сохранились части ремешков, соединявших украшения между собой и фиксировавших их на поясе. Аналогичная подвеска найдена в погребении 4 курганного могильника Чикмари II (Ильюков, 2016. С. 271–273).

По общему облику данный наряд схож с женским костюмом, реконструированным Е.В. Куприяновой по материалам погребений Южного Зауралья эпохи бронзы (Куприянова, 2008. С. 94. Рис. 61). Это позволяет предполагать, что в рассматриваемый период существовал некий единый образ платья, а также что женщина, которой принадлежит описанное погребение, обладала высоким статусом.

На территории Нижнего Подонья такого рода сопутствующий инвентарь встречается в захоронениях, как правило, лишь частично, некоторыми деталями. Сравнительный анализ памятников приведен в таблице 1. Наиболее полный аналог комплексу из Бургусты I – погребение 3 кургана 14 курганного могильника Высочино VII, исследованного Е.И. Беспалым в 1981 г. в зоне строительства Приморской оросительной системы (Беспалый, 1982). Его также можно отнести к раннему периоду бабинской культуры. Основная черта, отличающая два рассматриваемых убора, – материал трубочек-пронизей. В Высочино VII они сделаны из кости, в отличие от бронзовых трубочек из Бургусты I. Кроме того, в Высочино VII отсутствуют биспиральные подвески и сердоликовые бусины. Частичное сходство обнаруживается также между вещевым набором из Бургусты I и женскими комплексами украшений из погребения 7 кургана 1 могильника Ребриковка II и погребения 4 кургана 1 могильника Чикмари II (Ильюков, 2016. С. 271–273). В Ребриковке II встречены сердоликовые бусы, аналогичные по форме бусам из Бургусты I, а также ромбовидные, с обточенными углами и гранями (Прокофьев, 2002. С. 114–119). Редкой находкой для бабинских погребений являются каплевидные бронзовые бусины, в основном встречаемые в западной части ареала культуры.

Интересна локализация памятников, содержащих захоронения с рассмотренными вещевыми наборами: Бургуста I, Ребриковка II и Чикмари II находятся в Красносулинском районе Ростовской области, на территории Донецкого края, в непосредственной близости друг от друга. Могильник Высочино VII расположен южнее г. Азов. По боль-

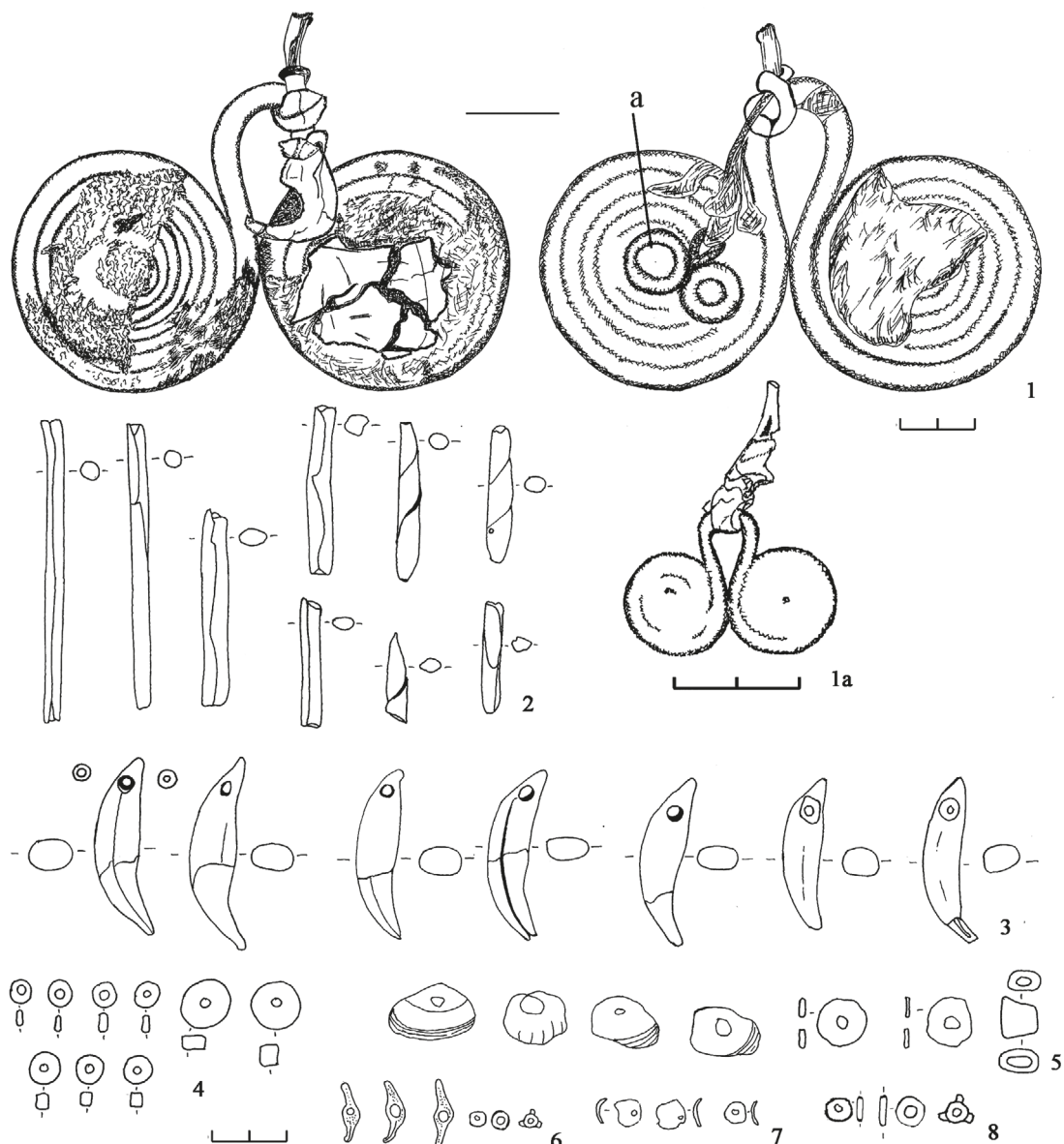

Рис. 1. Инвентарь погребения 11 кургана 5 курганного могильника Бургуста I.

1 – биспиральные подвески с остатками ткани (1а – малая подвеска); 2 – бронзовые трубочки-пронизы; 3 – просверленные клыки собаки; 4 – сердоликовые бусы; 5 – просверленные речные раковины; 6 – пастовые двурожковые бусины; 7 – бронзовые нашивные диски; 8 – пастовые цилиндрические бусины.

шей части такие украшения в женских комплексах встречаются на территории современной Украины, и не раз были рассмотрены С.С. Березанской (Березанская и др., 1986. С. 27. Рис. 9), Р.А. Литвиненко и другими исследователями.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании определенной традиции, обуславливавшей состав женских украшений на раннем этапе развития днепро-донской бабинской культуры, и предположить высокий статус женщин, захороненных с такими украшениями.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. К.: Наукова думка. 168 с.

Беспалый Е.И., 1982. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1981 г. // Архив Азовского историко-археологического музея заповедника. Азов.

Илюков Л.С., 2016. Курган 1 могильника Чикмари II // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Вып. 29. Азов. С. 167–178.

- Куприянова Е.В., 2008. Тень женщины. Женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф. 244 с.
- Ларенок О.П., 2017. Уникальный женский комплекс бронзового века из раскопок курганного могильника «Бургуста-1» // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов. Ростов-на-Дону. С. 74–78.
- Литвиненко Р.А., 2002. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж. С. 76–85.
- Литвиненко Р.А., 2011. Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура // КСИА. Вып. 225. С. 108–123.
- Прокофьев Р.В., 2002. Раскопки курганов у с. Киселево Красносулинского района // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов. С. 114–119.

А.А. Ларочкин

Новосибирский государственный педагогический университет
koshara-mac-dak@yandex.ru

УКРАШЕНИЯ ИЗ РАКОВИН МОЛЛЮСКОВ В ПОГРЕБЕНИЯХ УСТЬ-ТАРТАССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Усть-тартасская культура выделена академиком В.И. Молодиным в 2001 г. Ее территориальные рамки охватывают регионы Барабинской лесостепи и Новосибирского Приобья. Время существования – конец V – начало III тыс. до н. э. (Молодин, 2019. С. 179). Поселения немногочисленны. Основная часть памятников – грунтовые могильники. На сегодняшний день известны около 80 захоронений этой культуры (Молодин, 2001). Погребальный инвентарь имеет ярко выраженный неолитический характер. Одной из архаичных черт помимо костяных и каменных предметов являются украшения из раковин моллюсков.

В усть-тартасской части могильника Сопка-2 раковины встречены в 9 погребениях. Общее количество экземпляров – 42, не считая дробленых. Судя по определениям к. г.-м. н. В.С. Зыкина, для украшений использовались двустворчатые речные моллюски *Anodonta Sp.*, *Idionoma Sp.*, *Corbicula tibetensis Prashad* (6 экз.), а также морские двустворчатые *Glycymeris Sp.* (26 экз.) и лопатоногие (класс *Scaphapoda*) *Dentaliidae* (3 экз.) моллюски (Ларочкин, 2020. С. 111).

В других усть-тартасских могилах на территории Барабы также обнаружены раковины моллюсков. В детском погребении № 31 памятника Преображенка-6 находились осколки раковин и одна целая створка. Кроме того, створки раковин найдены в погребении № 4 могильника Гришкина Заимка (Молодин, 2005. С. 184. Рис. 1: 17–19). Раковины относятся к семейству *Anodonta Sp.* В могиле № 17 памятника Усть-Тартас-2 раковины семейства *Corbicula* располагались на теле умершего мужчины. Еще три экземпляра найдены в погребении № 28 этого же могильника, в районе ног захороненной женщины (Молодин и др., 2017. С. 365).

В Приобье усть-тартасские комплексы обнаружены в некрополе Крохалевка-13. В могиле № 15 рядом с детским скелетом находилось ожерелье из 70 морских раковин с просверленными отверстиями (Троицкая и др., 2012. С. 27, 48. Рис. 13: 16–21). Они относятся к семейству *Glycymeris Sp.*

Носители усть-тартасской культуры использовали в качестве украшений и раковины ископаемых форм моллюсков. Так, раковины *Idionoma Sp.* фиксируются только в миоценовых отложениях Иртыша между пос. Чернолучье и г. Омском (Молодин, 2001. С. 102), датированных 23,030 – 5,333 млн. л.н. (Жамойда, 2019).

Моллюски *Corbicula tibetensis Prashad* – пресноводные. По мнению В.С. Зыкина, они связаны с бассейном Иртыша, хотя этот вид распространен в горах Средней Азии и в бассейне Сырдарьи (Кантор, Сысоев, 2005). Следует отметить, что данный вид моллюсков встречается и на территории Верхнего Приобья, на Алтае. В могильнике Тузовские

Бугры-1 из 19 погребений эпохи неолита – ранней бронзы в 6 представлены раковины *Corbicula* (Кирюшин и др., 2011).

Интерес вызывают раковины морских моллюсков, поскольку они могут выступать как маркер культурных связей населения Обь-Иртышья в эпоху ранней бронзы. Створки *Glycymeris Sp.* найдены в северном Приаралье, в области от р. Иргиз до берегов Аральского моря (Молодин, 2001. С. 102). Лопатоногие моллюски *Dentalium* встречаются в большом количестве в акваториях Баренцева и Охотского морей (Кантор, Сысоев, 2005). Ближайшая область их обитания – Приаралье, там известно три вида (Алексеев, 1963. С. 54–55). Из-за фрагментарности раковин определить их видовую принадлежность более точно затруднительно.

Таким образом, в Барабинской лесостепи в эпоху энеолита – ранней бронзы у местного населения фиксируются связи как с регионами Прииртышья и Барнаульского Приобья, так и с более дальними областями – северным Приаральем. Раковины двустворчатых моллюсков служили элементами ожерелий и нашивками на одежду, тогда как раковины лопатоногих моллюсков использовались в качестве пронизок.

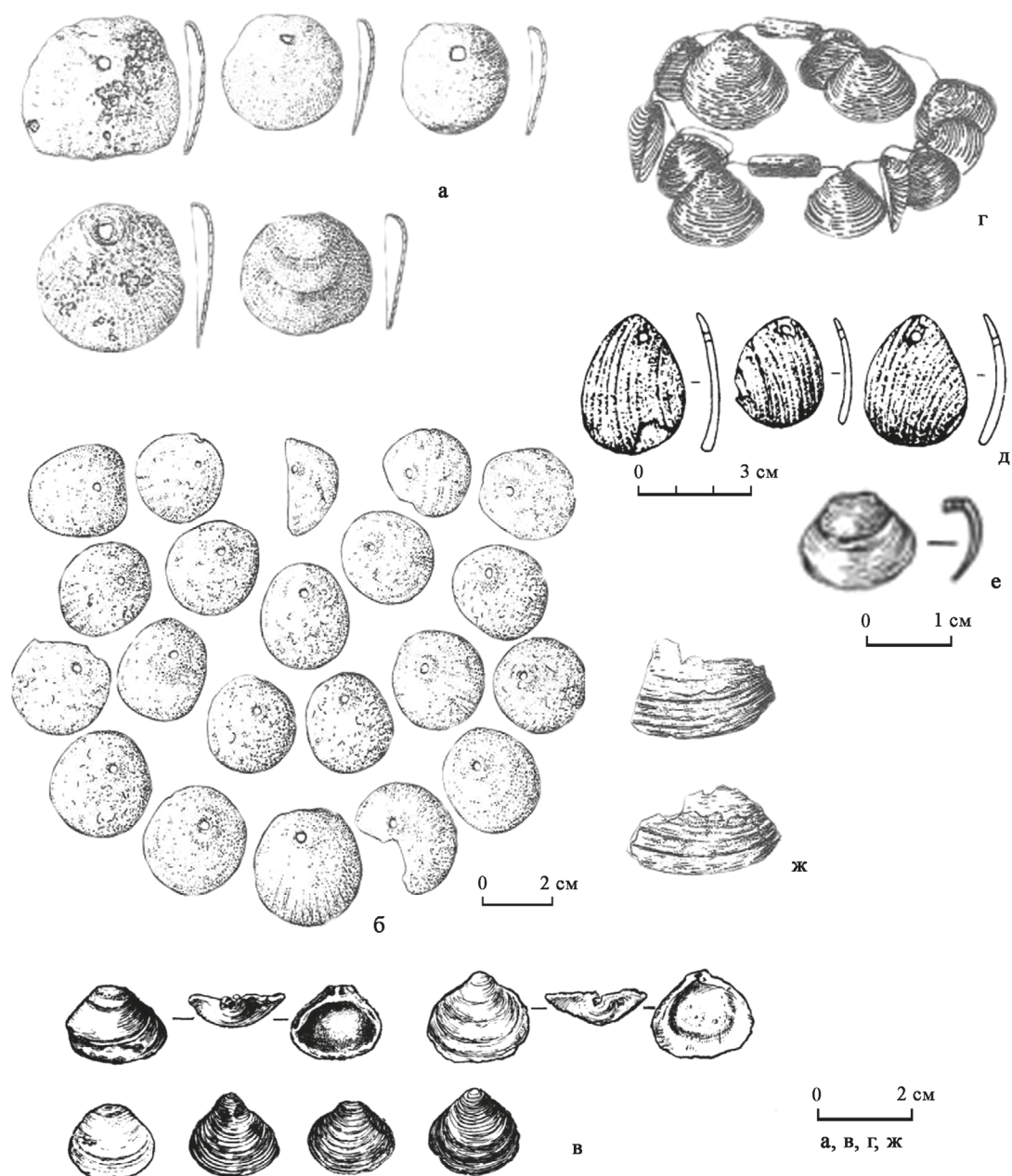

Рис. 1. Раковины моллюсков из погребений усть-тартасской культуры.
а, б, г, ж – Сопка-2/3, 3А; в – Крохалевка-13; д – Гришкина Займка; е – Усть-Тартас-2.

- Алексеев А.К., 1963. Палеогеновая фауна моллюсков северного Приаралья. Ереван: АН Армянской ССР. 231 с.
- Жамойда А.И., 2019. Стратиграфический кодекс России. М.: ВСЕГЕИ. 96 с.
- Кантор Ю.И., Сысоев А.В., 2005. Каталог моллюсков России и сопредельных стран. М.: Товарищество научных издателей КМК. 627 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т., 2011. Раковины моллюсков *Dentalium* и *Corbicula* в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 // Известия Алтайского государственного университета. № 4-1 (72). С. 105–114.
- Ларочкин А.А., 2020. Раковины моллюсков в погребальном обряде населения Барабинской лесостепи эпохи неолита – ранней бронзы (по материалам памятника Сопка-2) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск: ИГУ. С. 111–112.
- Молодин В.И., 2001. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 127 с.
- Молодин В.И., 2005. Устьтартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: ТГУ. С. 180–184.
- Молодин В.И., 2019. Начало эпохи бронзы в лесостепном Обь-Иртыше. Усть-тартасская культура // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V – III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ. С. 175–181.
- Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С., 2017. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. С. 363–367.
- Троицкая Т.Н., Сумин В.А., Адамов А.А., 2012. Древности кудряшовского бора: Крохалевка-13 – комплекс археологических памятников. Новосибирск: ООО «Ярус». 76 с.

Т.А. Марьенкина

Институт археологии РАН, Москва

marjenkina.tanya@yandex.ru

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ВОЛГО-ОКСКОГО БАССЕЙНА (МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОЕ ЩЕРБИНИНО 14)

На памятниках поздняковской культуры исследователями отмечается присутствие небольшого количества кремневого инвентаря. Из 34 раскопанных поселений кремневый материал зафиксирован на 6, из которых 5 расположены на Средней Оке (Марьенкина, в печати). Погребальные комплексы поздняковской культуры, по наблюдениям автора, содержат строго определенный набор изделий, не равный набору поселений.

В результате работ на поселении Новое Щербино 14, расположенном на левом берегу р. Подборица (левый приток р. Ока) в Павловском районе Нижегородской области, был получен поздняковский кремневый материал с Нижней Оки. Коллекция находок насчитывает 27 предметов (Марьенкина, 2021. С. 36). Кремень коричневого и светло-коричневого цвета, выходы которого имеются по берегам Оки, недалеко от памятника. Основную часть коллекции составляют отщепы без следов обработки (19 экз.).

Изделия представлены следующими находками.

1. Наконечник стрелы листовидной формы с вогнутым основанием (1 экз.) (рис. 1а: 1). Аналогичный наконечник обнаружен на поселении в результате работ А.В. Гонозова (Гонозов, 2000. С. 29). Изделия такого типа встречаются в поздняковских материалах редко, они зафиксированы в погребении кургана № 3 Коренецкого могильника (Попова, 1961. С. 31) и в погребении 23 могильника Черная Гора (Цветкова, 1965. С. 40).

2. Скребки с высокой спинкой (2 экз.) (рис. 1а: 2), изготовленные на отщепах с ретушированной поверхностью. Такие изделия весьма характерны для орудийного комплекса

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.75-77>

поздняковской культуры и в литературе часто называются скребками «поздняковского» типа (Бадер, Попова, 1987. С. 131). Многочисленные аналогии им имеются в материалах поздняковских поселений Дмитриевская Слобода 2 (Зеленцова, 2007. С. 134), Лебяжий Бор 6 (Челяпов, Ставицкий, 1998. С. 25), могильников Битюково (Попова, 1963. С. 8) и Борисоглебский (Попова, 1965. С. 3).

3. Скребки округлой формы (3 экз.) (рис. 1а: 3). Несколько находок подобного типа сделаны на поселении Дмитриевская Слобода 2 (Зеленцова, 2007. С. 133).

4. Сверло треугольной формы на отщепе (1 экз.) (рис. 1а: 4). Аналогии прослежены в материалах поселений Наумовка (Черников, 1965. С. 4) и Дмитриевская Слобода 2 (Зеленцова, 2007. С. 133). Эта категория не встречается в материалах поздняковских могильников.

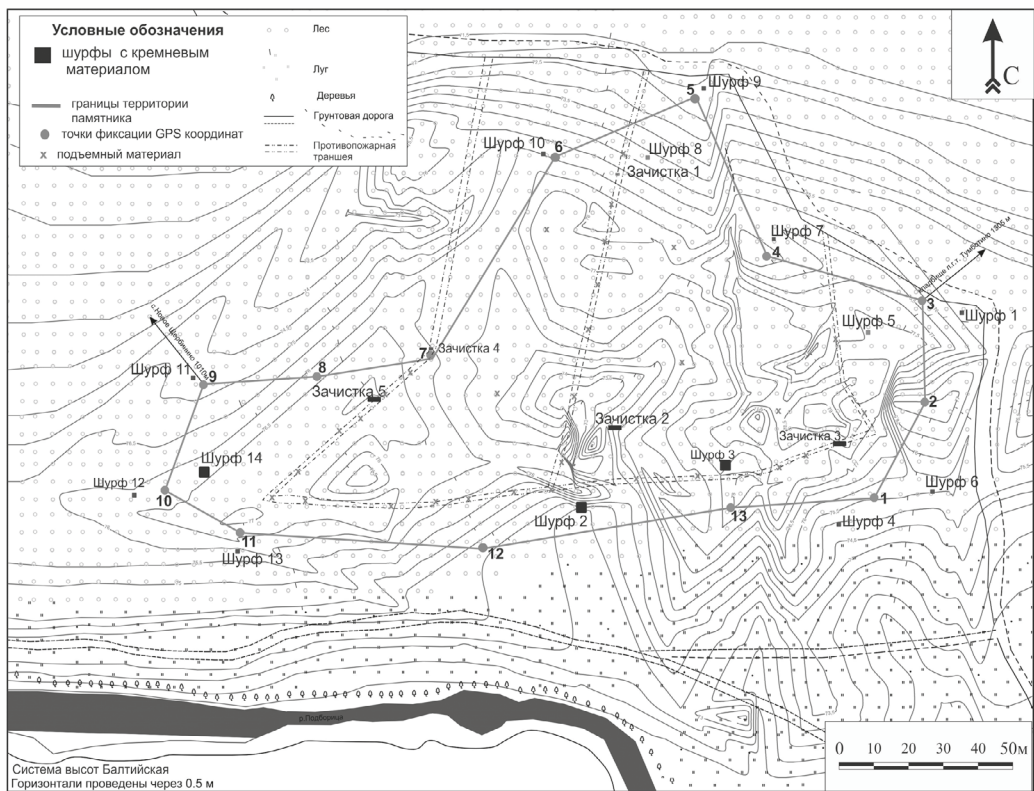
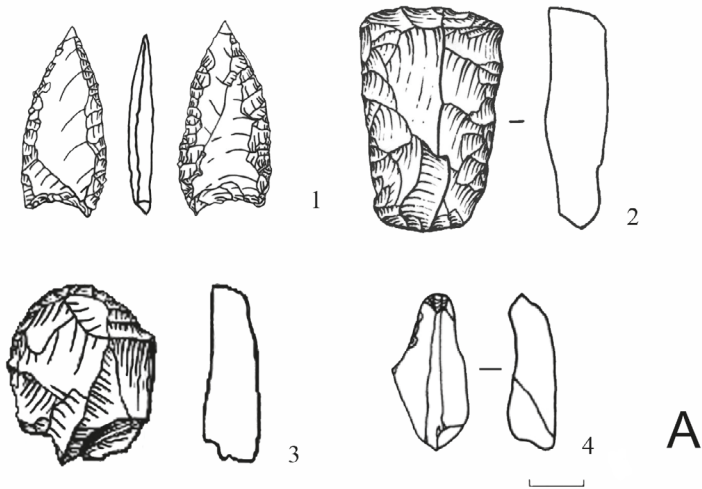

Рис. 1. Поселение Новое Щербино 14.

А – изделия из камня: 1 – наконечник стрелы (зачистка 2) (рисунок А.В. Гоновоза); 2 – скребок (шурф 3); 3 – скребок (зачистка 3); 4 – долотовидное орудие (шурф 2) (рисунки М. Лозицкой).

Б – топографический план поселения с указанием мест обнаружения кремневого материала.

Многими исследователями отмечается однообразный состав набора орудий поздняяковской культуры, изготовленных на отщепах (Челяпов, Ставицкий, 1998. С. 10). Изделия поселения Новое Щербинино 14 не стали исключением. Весь кремневый материал зафиксирован в южной и юго-западной частях памятника (рис. 16). Вероятно, эту территорию можно рассматривать как производственную зону. На поселении Наумовка прослеживается такое же расположение производственного участка (Черников, 1965. С. 4).

Работы на Новом Щербинино 14 показали, что территориальное деление поселений на те, что содержат каменный инвентарь, и без него – предварительное, возникшее из-за небольшого количества исследованных памятников.

- Бадер О.Н., Попова Т.Б., 1987. Поздняяковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. С. 131-135 (Археология СССР).
- Гонозов А.В., 2000. Отчет археологического отряда музея ННГУ о работах в левобережной части долины р. Ока в Павловском районе Нижегородской области в 2000 г. (район деревень Бабасово, Венец, Старое и Новое Щербинино, пос. Тумботино) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22413.
- Зеленцова О.В., 2007. Отчет об охранных археологических раскопках могильника Дмитриевская Слобода и поселения Дмитриевская Слобода II в зоне строительства мостового перехода через р. Оку с обходом г. Муром // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 54333.
- Марьенкина Т.А., 2021. Отчет об археологических разведках на территории Навашинского, Арзамасского и Павловского районов Нижегородской области в 2019 г. // Архив ИА РАН.
- Марьенкина Т.А., в печати. Расселение племен поздняяковской культуры бронзового века в Волго-Окском бассейне // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
- Попова Т.Б., 1961. Отчет о работе археологической экспедиции ГИМ в Шатурском районе Московской области в июле 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2279.
- Попова Т.Б., 1963. Отчет об археологической экспедиции ГИМ в 1963 г. (Муромская экспедиция) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2771.
- Попова Т.Б., 1965. Отчет о работе Муромской археологической экспедиции ГИМ в 1965 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 306.
- Цветкова И.К. Отчет о работе рязанской археологической экспедиции 1965 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3082.
- Черников В.Ф., 1965. Отчет о раскопках поздняяковского поселения Наумовка Арзамасского района Горьковской области // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3080.
- Челяпов В.П., Ставицкий В.В., 1998. Многослойное поселение Лебяжий Бор 6 на Нижней Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань. С. 6–26.

Ш.Н. Наджафов

*Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку
shamil_necefov@mail.ru*

ОБ ИТОГАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПОСЕЛЕНИИ ЯСТЫТЕПЕ

Поселение Ястытепе расположено в Акстафинском районе Азербайджанской Республики, в 1 км к С–З от железнодорожной станции Акстафа на невысоком природном холме. Впервые этот памятник был зафиксирован и внесен в реестр М.М. Гусейновым и Т.А. Бунятовым (Бунятов, Гусейнов, 1957. С. 185). В 1957–1961 гг. И.Г. Нариманов и Ф. Мурадова провели здесь первые археологические исследования, в результате которых выявили фрагменты керамических сосудов, зернотерки, глиняные печати и другие материалы.

В 2010 г. на памятнике, общая площадь которого составляет около 2 га, начались комплексные полевые работы. Толщина культурного слоя, в центральной части холма достигающая 2,4 м, свидетельствует, что здесь происходила активная хозяйственная деятельность. Во время раскопок обнаружены многочисленные строительные остатки, предметы материальной культуры, которые позволяют заключить, что древние обитатели

этого поселения сыграли важную роль в освоении плодородных земель у берегов Акстафачай и Джогазчай (Наджафов, 2013. С. 88). Остатки жилищ и других хозяйственно-бытовых сооружений позволяют воссоздать разные стороны быта жителей Ястытепе.

Все ямы были врезаны в материк, в отдельных случаях перерезали друг друга. Стены ям верхнего горизонта закреплялись обломками сырцовых кирпичей и глиняной обмазкой. Из их заполнения обычно происходит большое количество находок: строительных материалов, керамических изделий, орудий труда и оружия, украшений. Обнаружены также обгорелые кости крупного рогатого скота и различные злаки (Наджафов и др., 2015. С. 196–197).

Основную часть материала составляют фрагменты керамики (рис. 1). Сосуды изготавливались как на гончарном круге, так и от руки. Это большие хозяйственные кюпы, кувшины (рис. 1: 1, 2, 7–9), имеющие в некоторых случаях ручки в виде фигурок животного, горшки, миски (рис. 1: 10), маслобойки, очажные подставки (рис. 1: 3). Встречены также глиняные пинтадеры (штампы) и др.

Большие хозяйственные кюпы представлены двумя типами: бочковидные, широкогорлые с утонченным венчиком и вертикально расположенными ушками чуть ниже венчика; сравнительно узкогорлые, с широким отогнутым наружу венчиком. Обычно на их плечиках имеются наlepные полосы, на которые нанесены косые врезные линии. На

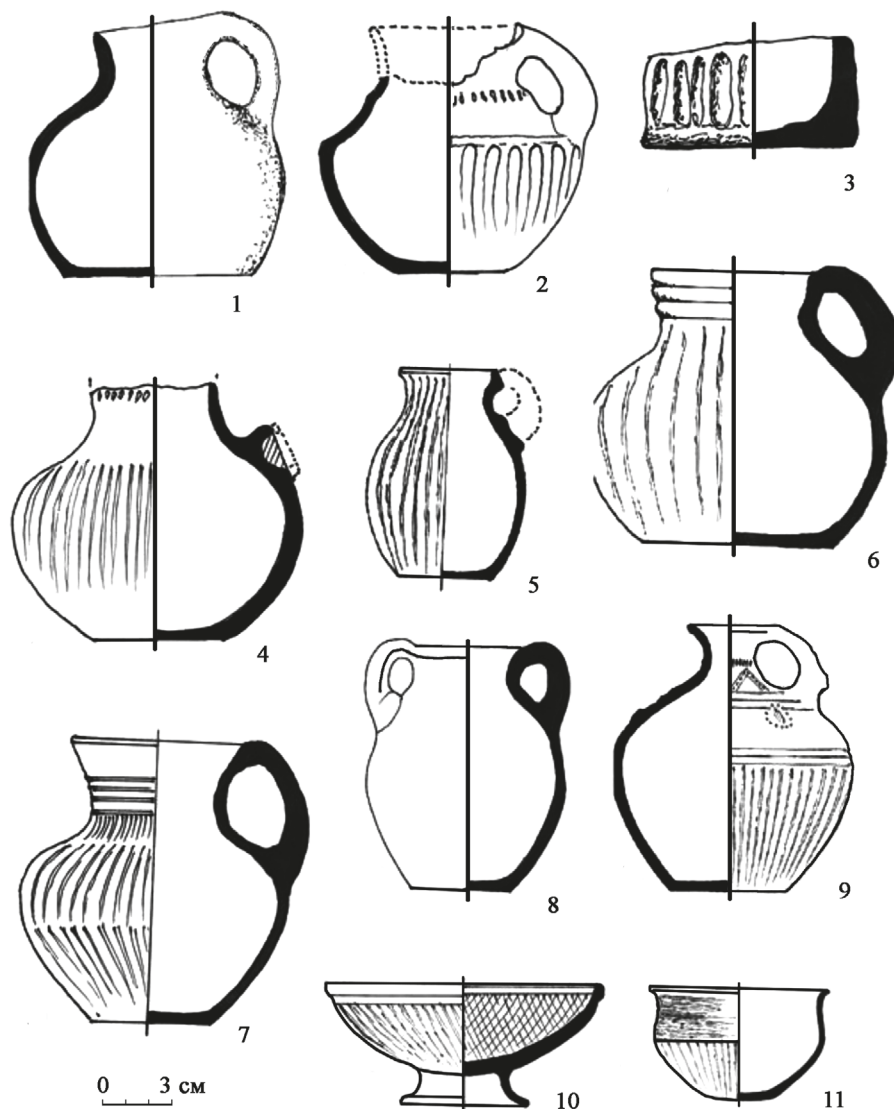

Рис. 1. Керамические изделия из раскопок Ястытепе.

горле некоторых экземпляров отмечена орнаментация в виде волнообразных наlepных валиков. Кюпы покрывались плоскими каменными плитами или круглыми глиняными крышками, имеющими в центре сквозное отверстие с выступающими наружу бортиками.

Среди керамических изделий встречаются глиняные маслoбойки. На их внутренней поверхности имеются налeпы, предназначенные для ускорения процесса сбивания масла. Довольно часто находятся обломки очажных подставок (рис. 1: 3). Они имеют волнообразные формы с большими овальными отверстиями посередине основания (Наджафов, 2019. С. 143).

Характерными орнаментальными мотивами на посуде являются вдавленные, нарезные и выпуклые линии (рис. 1: 2, 6), а также налeпные пуговицы (рис. 1: 4). Встречается декор, нанесенный гребенчатыми предметами; некоторые сосуды украшены и при помощи лощения. Аналогии керамике Ястытепе известны на памятниках Ходжалы-Кедабекской культуры, в бассейнах рек Заямчай, Шамкирчай и Гянджачай, на могильнике Гушчу, на памятниках Сарытепе, Сарвантепе, могильнике Газахбейли (Наджафов, 2011. С. 294–296).

Интересны глиняные штампы (пинтадеры), представленные двумя типами – круглые и четырехугольные. Все они обожжены и имеют в основном серый, реже черный и коричневый цвет. В составе глины фиксируется примесь мелкого песка. Штампы имеют прямую ручку. До обжига на них глубоко врезались изображения геометрического характера. На рабочей части четырехугольных штампов изображена исключительно свастика, а на круглых – S-образные и другие знаки. В некоторых случаях изображение состоит из двух или трех свастик, нанесенных в сложном сочетании.

Каменные предметы в основном представлены зернотерками с приподнятыми концами. Встречаются зернотерки с одним приподнятым концом и ровной поверхностью, овальной в плане. Они изготовлены из серого туфа и базальта, продолговатой формы, с одной стороны плоские, с другой округлые. Каменные песты, ступки и др. находят редко (Наджафов, 2012. С. 89–91).

Анализ всего массива находок позволяет отнести поселение Ястытепе к эпохе поздней бронзы – началу раннего железного века и датировать XII–IX вв. до н.э. Материалы этого и других синхронных памятников дают основания утверждать, что в указанный период часть населения на территории Азербайджана вела оседлый образ жизни. Комплекс остатков материальной культуры в целом позволяет интерпретировать Ястытепе как памятник земледельческо-скотоводческого характера.

Бунятов Т.А., Гусейнов М.М., 1957. Результаты археологических поездок в Акстафинский и Казахский районы в 1955 г. // Труды Музея истории Азербайджана. Т. II. Баку. С. 184–188.

Наджафов Ш.Н., 2011. Археологические раскопки на поселении Сарвантепе (Рустепе) в 2009–2010 гг. // История и ее проблемы. № 2. Баку: Адильоглу. С. 291–300.

Наджафов Ш.Н., 2012. Краткие сведения об археологических раскопках в древнем поселении Ястытепе (2010–2011 гг.) // Этносоциум и межнациональная культура. № 7 (49). С. 84–94.

Наджафов Ш.Н., 2013. Некоторые результаты исследований памятников эпохи бронзы на территории Гянджа-Газахского региона // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург 22–23 апреля 2013 г. / Отв. ред. В.А. Алекшин, сост. А.А. Бессуднов. СПб.: ИИМК РАН. С. 88–89.

Наджафов Ш.Н., 2019. Фактор естественно-географических условий среды обитания населения бассейна среднего течения реки Куры в эпоху бронзы (Этно-археологические исследования по памятникам Гянджа-Газахского региона бронзового периода) // Вестник Бакинского университета. Сер. гуманитарных наук. № 4. Баку: БГУ. С. 138–146.

Наджафов Ш.Н., Ахмедова Г.Р., Гаджиева Г.Н., 2015. Археологические раскопки 2013–2014 гг. на поселении Ястытепе // Археологические исследования в Азербайджане 2013–2014. Баку: Университет Хазар. С. 194–201 (на азерб. яз.).

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ НАЛЬЧИКСКОГО МОГИЛЬНИКА

Украшения составляют часть погребального костюма энеолитического населения Северного Кавказа. Кроме того, они играют огромную роль в определении хронологии и связей различных культур.

Впервые энеолитические украшения на территории Северного Кавказа обнаружены в Кабардино-Балкарии в комплексе Нальчикского могильника, открытого в 1923 г. Могильник раскапывался Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК под руководством А.А. Миллера в 1929–1930 гг. (Круглов и др., 1941. С. 67).

Целью настоящей работы является реконструкция погребального костюма эпохи энеолита. Задачи заключаются в составлении классификации украшений и анализе их пространственного распределения в погребении. Рассмотрены украшения из 8 энеолитических погребений Нальчикского могильника, которые встречаются в 23 локализациях.

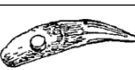
Все привлеченные к изучению изделия разделены на 7 категорий (бисер, бусины, пронизи, подвески, кольца, «пекторали», браслеты) и 16 конечных типов, выделенных по материалу, размерам и форме. Для анализа встречаемости разных украшений составлена таблица, где по горизонтали указаны типы, а по вертикали – пространственные группы, в составе которых украшения зафиксированы на костяке (табл. 1).

В результате проделанной работы можно сделать вывод, что разные категории украшений формируют разные наборы. Так, выделяются наборы бисера из камня; бусин из различных материалов: камня, раковин и меди; подвесок из зубов животных, камня и раковин, дополненные костяными пронизями и кольцами. В составе пространственных групп они не пересекаются. Кроме того, в отдельные наборы можно выделить «пекторали» из клыка кабана (в одном случае в сочетании с подвесками из зубов оленя) и браслеты из камня. Стоит подчеркнуть, что бусины и подвески из зубов животных не встречаются в составе одного набора, однако могут находиться в одном погребении, возможно, потому, что бусины составляли низки, а подвески играли сакральную роль, как амулеты.

Результаты анализа пространственного расположения украшений на костяке представлены на схеме (рис. 1). Установлено, что пять выделенных групп предметов встречаются в различных зонах. Первая группа (бисер) концентрируется вокруг черепа и в области шеи, возможно, будучи связана с головным убором. Вторая группа украшений, состоящая из бусин, располагается в области головы и шеи. Скорее всего, они составляли ожерелье, о чем свидетельствует сохранившаяся низка в погребении № 41 (Круглов и др., 1941. С. 81). Единичные находки бусин встречаются около и на костях левой руки. Третья группа, включающая подвески из зубов животных, пронизи и кольца, находится в основном в области грудной клетки, тазовых костей, позади черепа, между головкой бедренной кости и пяточной костью левой ноги. Скорее всего, изделия этой группы входили в состав нагрудного и поясного наборов, а также служили украшением головного убора. Единичные находки локализуются позади черепа, под костями правой руки, неподалеку от коленного сустава правой ноги, у локтевого сустава левой руки. Четвертая группа, в которую входят «пекторали» из клыков кабана (они дополняются подвесками из клыков оленя), располагается в районе шейно-грудного отдела. Скорее всего, они составляли шейное украшение. Одна «пектораль» найдена у локтя левой руки. Вероятно, она сместилась из области шейно-грудного отдела. Пятая группа украшений включает браслеты, локализуемые чуть выше локтя на обеих руках.

Полученные данные позволяют сделать некоторые предварительные выводы о погребальном костюме энеолитического населения Северного Кавказа. В частности, в состав

Табл. 1. Совстречаемость типов украшений Налъчикского могильника

Украшения, материал																	
№/№	1. Бисер		2. Бусы		3. Пронизы		4. Подвески						5. Кольца		6. Пекторали		7. Брас- леты
	камень	раковины	камень	медь	кость	зубы						камень	раковины	кость	кость	камень	
1.1	1.1	2.1	2.2	2.3	2.4	3.1	4.1	4.2	4.3	4.4	4.5	4.6	4.7	5.1	6.1	7.1	
№/№					малень- кое колечко												
	86 (1)																
	8 (1)			14													
	83 (5)			2													
	83 (6)		18	7													
	41 (1)			32	1												
	86 (2)					1											
	8 (3)							3	1		13			3	9		
	4 (2)							2	3		12				5		
	4 (1)			1				3	10						1		
8 (5)							1		1					1			
8 (4)							1	2									
86 (4)			1			1	16										
83 (2)											31	2					
8 (2)			1							11							
83 (3)											2						
83 (4)											1						
53 (1)							4								1		
36 (1)															1		
83 (1)																1	
46 (1)																1	
86 (3)																2	
Всего	много	16	58	1	1	1	30	16	1	36	36	2	3	16	2	4	

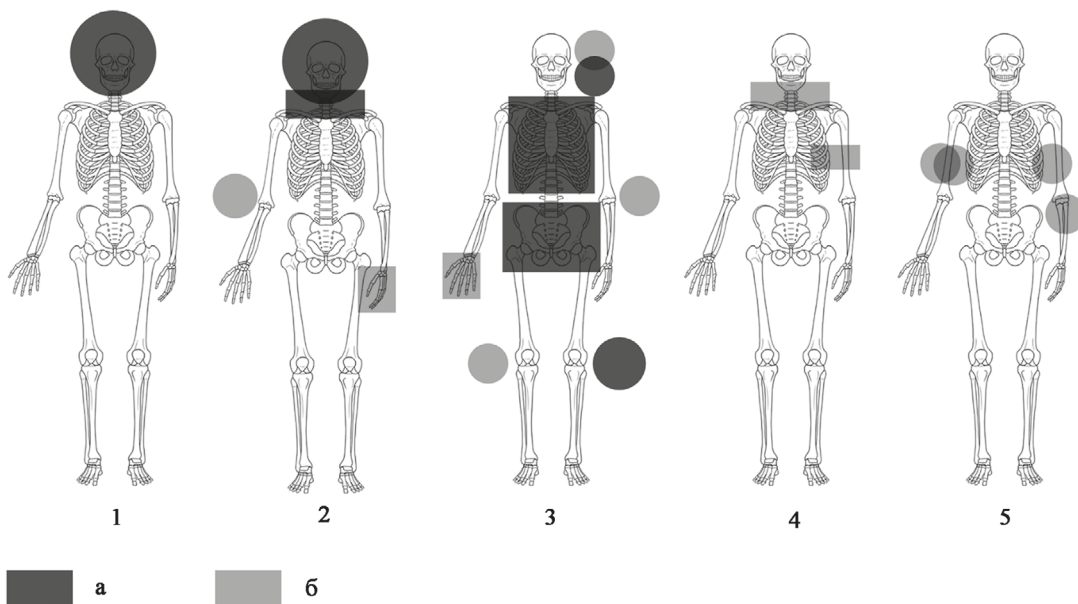

Рис. 1. Пространственная группировка украшений в погребениях Нальчикского могильника.

1 – бисер; 2 – бусины; 3 – подвески; 4 – «пекторали»; 5 – браслеты.

а – более 10 экз.; б – менее 10 экз.

головного убора могли входить бисер, подвески из зубов животных; из бусин составлялись низки; поясные наборы, а также наборы, украшавшие область груди, включали подвески из зубов животных; украшением груди являлись также «пекторали», а на руках, чуть выше локтя, носились браслеты.

Некоторые из предложенных выводов о погребальном костюме, характерном для Нальчикского могильника, находят подтверждения в степных памятниках. Так, для первого и второго периодов восточного варианта среднестоговской культуры фиксируется использование бисера как украшения головного убора погребенного (Kotova, 2008. Р. 87, 90–91). Авторы раскопок Нальчикского могильника писали, что пластины из клыка кабана, скорее всего, служили нагрудным или шейным украшением (Круглов и др., 1941. С. 117). В настоящее время это предположение подтверждено новыми находками и закрепилось в широко используемом термине «пектораль» (Манзура, 2000. С. 265; Кореневский, 2012. С. 44). Браслеты, как правило, располагались на плечевых костях, ближе к локтевому суставу. Небольшой диаметр некоторых экземпляров привел к появлению гипотезы, что эту категорию украшений могли надевать в раннем возрасте, например, во время инициации, и спустя годы снять их было невозможно (Манзура, Орлова, 2010. С. 79).

В дальнейшем представляется интересным составить общую классификацию энеолитических украшений Северного Кавказа и сравнить находки из Нальчикского могильника с материалами других погребальных и поселенческих памятников этого региона.

Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В., 1941. Могильник в г. Нальчике // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. Вып. 3 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.: АН СССР. С. 67–146.

Кореневский С.Н., 2012. Рождение кургана. М.: ТАУС. 256 с.

Манзура И.В., 2000. Владеющие скипетром // *Stratum plus*. № 2. С. 237–295.

Манзура И.В., Орлова Т.А., 2010. Культура браслетов в поздней преистории Европы (дунайская линия развития) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. II / Отв. ред. И.В. Брумяко. Одесса: ОАМ НАНУ, СМІЛ. С. 69–135.

Kotova N.S., 2008. *Early Eneolithic in the Pontic Steppes*. Oxford. 314 p.

ПОСЕЛЕНИЕ ТЕЛЯШЕВО-4 В ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ КРЫКТЫ (ЮЖНЫЙ УРАЛ): РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2020 ГОДА

В 2020 г. археологическая экспедиция ИИЯЛ УФИЦ РАН продолжала исследования в Абзелиловском районе Башкортостана (восточные предгорья Южного Урала, 30 км к С–З от г. Магнитогорск). Разведочные работы охватили территорию с максимальными размерами 10×4 км и были направлены на обследование полосы предгорий между восточным подножием хребта Крыкты и западным краем озерной системы Банное – Сабакты – Карабалыкты. Зафиксировано значительное количество (около 40) различных археологических объектов – стоянок, поселений, местонахождений, курганов и курганных могильников, а также поселенческих и погребальных памятников XVIII–XIX вв.

Работы предшествующего времени (1960–1970-е годы, Г.Н. Матюшин) в этом районе ставили целью выявление и изучение памятников вдоль береговой линии озер. В 2005 г. экспедиция ИИЯЛ УФИЦ РАН провела обследование территории «Курортного района Якты-Куль» площадью 110 кв. км, в результате чего впервые были получены данные о наличии археологических объектов не только на берегах озер Банное (Якты-Куль), Сабакты и Карабалыкты (Котов, Савельев, 2007. С. 12). Разведочные изыскания 2020 г. стали прямым продолжением исследований 2005 г.

Одним из очень показательных объектов, выявленных в 2020 г., является поселение Теляшево-4, расположенное на низкой надпойменной террасе левого берега р. Аналык, в основном под огородами одноименной деревни. Высота террасы над широкой частично заболоченной поймой – не более 1–1,5 м, общая высота над уровнем моря – 475 м, что на 120–200 м ниже окружающих возвышенностей, покрытых петрофитной степной растительностью. Вершины собственно хребта Крыкты находятся в 5–6 км западнее, наибольшая из них на данном участке достигает 1027,5 мБС, т.е. на 550 м выше места расположения описываемого памятника.

Судя по сборам подъемного материала, размеры поселения составляют около 170–200 × 60–80 м, т.е., его площадь не менее 10000 кв. м. Находки 2020 г. на поверхности (всего 184 ед.) представлены каменными изделиями неолита – энеолита (19 ед.), керамикой эпохи бронзы (114 ед.), раннего железа (1 ед.) и находками Нового времени (2 ед.), а также достаточно значительным количеством колотых костей животных. Помимо этого, огромное количество находок происходит из частного археологического музея, в который ежегодно поступает практически все, найденное при обработке земли на ближайших двух – трех огородах.

На площадке памятника в 2020 г. были заложены два разведочных шурфа (размеры 1×1 м). Шурф № 1 расположен в северной части террасы на огороде, на месте основного количества находок подъемного материала. Из-за постоянной распашки и сборов местными жителями материал здесь неполон и переотложен. В заполнении шурфа обнаружены немногочисленные кремневые отщепы и орудия неолита – энеолита, в том числе наконечник стрелы суртандинской культуры (ближайшая аналогия – стоянка Карабалыкты-7) (Матюшин. 1982. С. 183. Рис 77), фрагменты керамики эпохи бронзы и Нового времени. Шурф № 2 заложен в 110 м к В, на более низком участке террасы, ближе к р. Аналык. Территория не распаивалась. Глубина шурфа 50 см. В нем найдена исключительно керамика эпохи бронзы.

В целом материал с поселения Теляшево-4 (как подъемный, так и находки из шурфов) представлен изделиями неолита – энеолита, керамикой алакульской культуры эпохи поздней бронзы, XVI–XIII вв. до н.э. (Рафикова, Федоров, 2017. С. 15. Рис. 9), гаманской культуры X–IV вв. до н.э. (Борзунов, 1982. С.78) и раннесарматской культуры (Савельев, 2019. С. 43) (рис. 1).

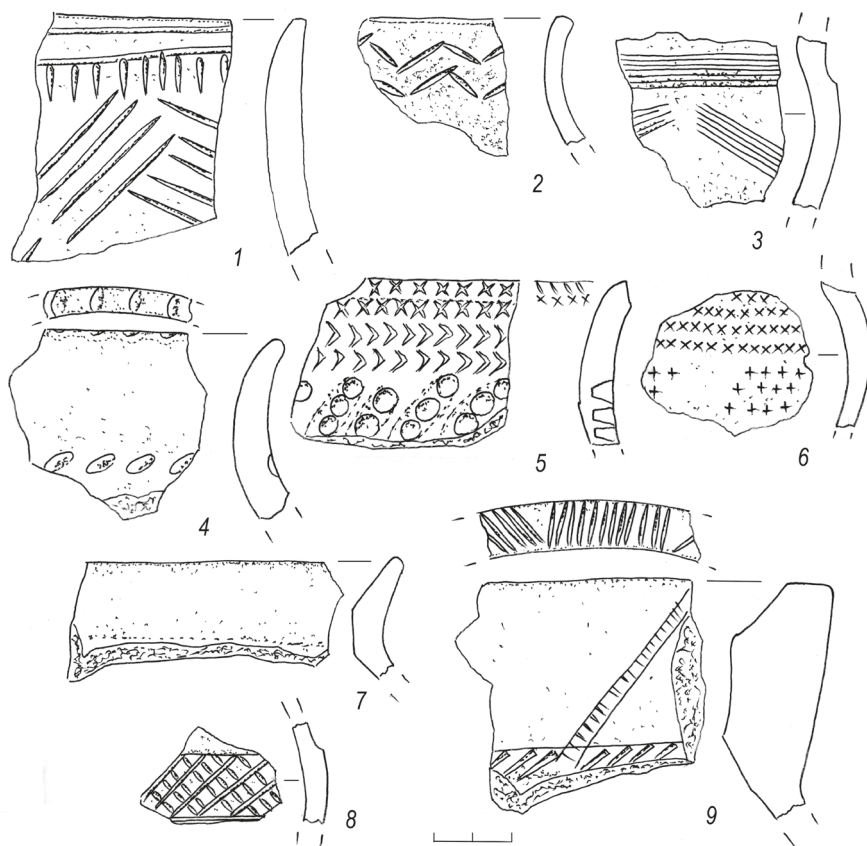

Рис. 1. Поселение Теляшево-4. Лепная керамика. Сборы с поверхности.

1–3 – эпоха бронзы, алакульская культура; 4–6 – эпоха раннего железа, гамаюнская культура; 7–9 – эпоха раннего железа, раннесарматская культура.

Исходя из статистического анализа артефактов и их стратиграфического расположения, можно утверждать, что на обследованной территории существовали стоянка финального этапа эпохи камня, долговременное поселение эпохи поздней бронзы и стоянка эпохи раннего железа, функционировавшая, очевидно, в течение двух периодов и связанная с двумя разными группами населения (гамаюнской и раннесарматской культур). Памятник Теляшево-4 является первым поселением эпохи бронзы, выявленным в районе озерной системы Банное – Сабакты – Карабалыкты. Он важен также тем, что это первая уверенно зафиксированная стоянка оседлого лесного населения (гамаюнская культура) и кочевников (раннесарматская культура) раннего железного века за пределами береговой линии озерной системы.

Результаты исследования поселения Теляшево-4 свидетельствуют, что предгорные долины хребта Иркендык – Крыкты могут быть перспективными для поиска памятников неолита – энеолита, эпохи бронзы и раннего железа.

Борзунов В.А., 1982. Археологические исследования севера Евразии // Вопросы археологии Урала. № 16. С. 78–112.

Котов В.Г., Савельев Н.С., 2007. Энеолитическая стоянка Сабакты-8 в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. № 6–7. С. 12–18.

Матюшин Г.Н., 1982. Энеолит Южного Урала: лесостепь и степь. М.: Наука. 328 с.

Савельев Н.С., 2019. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э. // Поволжская археология. № 1 (19). С. 114 – 129.

Рафикова Я.В., Федоров В.К., 2017. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап. 244 с.

САКРАЛИЗАЦИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

На современном уровне развития науки всесторонний анализ мировоззренческих представлений возможен не только для обществ, обладавших письменной традицией, но и для древних этнокультурных образований, история которых письменными источниками не документирована. Особую актуальность приобретают вопросы, связанные с реконструкцией традиционной картины мира или отдельных ее фрагментов. Мир в мифологизированном сознании понимается как пространство, ограниченное освоенной человеком сферой. Квинтэссенцией освоенного человеком мира в традиционном обществе служило жилище (Байбурин, 1983. С. 3). С понятием «дом» всегда соотносились все важнейшие категории картины мира человека любой эпохи, и стратегия его поведения строилась, исходя из того, находился человек дома или вне его пределов.

Поселение – это сложная пространственная структура, активно обращенная в окружающий ландшафт. Кроме того, и мир природы (лес, река, озеро) с предельной естественностью входит в пространственное формирование поселения. Традиционно жилище (как часть поселения) изучается в рамках материальной культуры. Между тем получить целостное представление о функционировании некоторых ее элементов невозможно без изучения их места в системе мировоззренческих представлений.

К сожалению, проследить обряды на древних поселениях сложно, поскольку сохраняются только археологизированные остатки подобных действий в виде ритуальных комплексов или отдельных ритуальных предметов. Анализ и интерпретация этих артефактов приобретают особое значение в свете устойчивого интереса к проблеме реконструкции сакрального пространства жилищ. Разработка данной проблематики усложняется, как правило, тем, что археологи изучают домашний культовый набор, характерный для жилищ лишь в период, когда они обитаемы. По мнению М.Ф. Косарева, когда возникала необходимость оставить обжитое место и покинуть родные дома, люди уносили с собой, прежде всего, домашнюю культовую утварь (Косарев, 2011. С. 90). Именно поэтому фиксируемое сакральное содержание древних жилых построек требует особого внимания при изучении.

На поселениях эпохи поздней бронзы Притоболья выявлены и охарактеризованы комплексы и предметы, которые по ряду признаков могут быть отнесены к категории ритуальных.

1. Погребения людей в жилищах и на межжилищном пространстве поселений. Данная группа весьма разнородна: встречаются индивиды разного пола и возраста, одиночные, парные и групповые захоронения, что может свидетельствовать о различных причинах совершения погребений в пределах поселенческой территории.

2. Погребения животных, чаще всего целых туш под полами выходов из жилищ либо значимых частей туши (голова, ноги, лопатки) в определенных местах или специальных ямах. Преимущественно это домашние животные, но как исключения отмечены и останки диких особей;

3. Отдельные предметы, имевшие сами по себе, либо приобретавшие посредством некоторых ритуалов сакральный смысл. К первой группе можно отнести антропоморфные и зооморфные фигурки; фишки с изображением животных, солярных символов или без рисунков; амулеты; глиняные изделия с отверстием в центре или биконической формы, чаще всего интерпретируемые, как пряслица или грузила. Во вторую группу можно включить керамические сосуды (в ряде случаев перевернутые и покрытые охрой); грузила; светильники; предметы, связанные с земледелием – бронзовые серпы и ножи, каменные мотыжки, ступки, зернотерки, песты.

Анализ ритуальных археологических комплексов позволил сделать ряд выводов об элементах, связанных с сакрализацией жилого пространства и выявленных в пределах конкретной жилой площадки.

Во-первых, это строительные жертвы, заложенные на стадии возведения или завершения постройки для придания конструкции определенной функции. В основе принесения строительной жертвы лежит идея о создании мира через механизм освоения и упорядочивания пространства, что должно обеспечить жильцам благополучие, плодородие и достаток (Зеленин, 2004. С. 157–159). В особых случаях при возведении некоторых конструкций и для обеспечения их защиты в качестве строительной жертвы использовали человека. Можно допустить, что погребения, встречающиеся на межжилищном пространстве, выполняли охранные функции для всего поселка.

Во-вторых, это включение во внутренний интерьер жилых построек своеобразных комплексов, которые можно интерпретировать как «домашние святилища». Для них характерно наличие костей животных (черепа, челюсти, дистальные отделы конечностей), располагавшихся в специально обустроенных местах (ниши, выступы, ямы, тамбуры выходов) (Корочкова, 2010. С. 62). В отдельных случаях формируются особые сакральные зоны, маркируемые предметами культа (светильники, зооморфная пластика) в сочетании, возможно, с установленными деревянными скульптурами;

В-третьих, можно реконструировать ритуалы, связанные с оставлением жилищ или всего поселения на определенный период, что обуславливалось необходимостью естественного восстановления территории, подвергшейся длительной эксплуатации. Подобные действия прослеживаются в трех основных вариантах – ритуал оставления очага, когда в нем или рядом с ним фиксируются предметы, в повседневной жизни здесь отсутствующие и не имеющие следов огня; расположение в ключевых точках жилища / поселения маркирующих предметов; оставление целых или перевернутых сосудов внутри жилищ и в пределах жилой площадки поселка.

Таким образом, поселенческий комплекс можно рассматривать как мир культурных универсалий человечества. При этом ритуальные действия отражают как мировоззренческие установки (верования, устоявшиеся традиции и обычаи), так и природные особенности (ресурсы, микроландшафт, доступные для хозяйствования животные).

- Байбурин А.К., 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. 192 с.
Зеленин Д.К., 2004. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954. М.: Индрик. С. 145–175.
Косарев М.Ф., 2011. Жилище в свете языческих представлений древнего населения Сибири о структуре мироздания // ВАУ. Вып. 26. С. 90–93.
Корочкова О.Н., 2010. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат. 104 с.

И.Е. Тюгашев

*Санкт-Петербургский государственный университет
tgshgr@yandex.ru*

ИЗУЧЕНИЕ НАВЕСА МЕШОКО: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Навес Мешоко в 1960 г. осмотрел А.А. Щепинский, но раскопки проводить не стал. Первые исследования на памятнике осуществила Кубанская экспедиция ГЭ во главе с А.Д. Столяром в 1963 г. (Столяр, 2009. С. 107–108). Тогда была заложена разведочная траншея площадью 38 кв. м и вскрыто около метра отложений. Согласно отчету, зафиксированы два основных слоя средневекового времени с поздней лощеной аланской керамикой и небольшой долей фрагментов энеолитической посуды, и слой энеолитического времени, где обнаружена жилая площадка с участком глиняного пола и известняковой кладкой, фрагменты сосудов типа корчаг и с жемчужным орнаментом, несколько кремневых изделий, в том числе один вкладыш.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.86-88>

В 2011 г. изучение навеса Мешоко возобновила Закубанская археологическая экспедиция ГЭ. Было выделено три слоя. Первый содержал большее количество качественной майкопской керамики, а два других – фрагменты керамики с жемчужным орнаментом (Черленок, Осташинский, 2013. С. 19). Памятник датировался иноземцевско-костромским этапом майкопской культуры.

С 2013 г. стратиграфию навеса пересмотрели. Теперь здесь выделяется шесть культурных слоев, причем 3-й, отнесенный к майкопской культуре, отделен от 5-го энеолитического 4-м условно стерильным слоем (Черленок, Осташинский, 2019. С. 32–33). Исследователи полагают, что 5-й слой, судя по результатам радиоуглеродного датирования, относится к 3800–3600 гг. до н.э., тогда как 3-й слой не мог сформироваться ранее, чем около 3600 г. до н.э. Считается, что смена энеолитической культуры майкопской могла произойти около середины IV тыс. до н.э. (Черленок, Осташинский, 2018. С. 78–79).

С 2015 г. внедрена методика сплошной промывки культурного слоя. Исследование палеоботанических остатков показало наличие в отложениях навеса зерен мягкой пшеницы, двурядного ячменя и бобов. Впервые открыты зерна льна. Отмечено, что подобный набор зерен известен на памятниках Южного Кавказа и встречается в восточно-анатолийском очаге земледелия (Осташинский и др., 2016. С. 36, 38, 40).

Найденные при промывке энеолитические украшения отличаются «внутренним единством, отраженным в подборе категорий инвентаря и материалов для их производства» (Осташинский, Черленок, 2016. С. 51). Вероятно, они образуют единый комплекс, элементы которого встречаются на других памятниках (Нальчикский могильник, погребения хвалынского-среднестоговской общности).

Основной целью работ последних лет на памятнике стало исследование 6-го слоя, в котором в значительном количестве обнаружены микролиты и фрагменты специфичной «тонкостенной» керамики (Осташинский, Черленок, 2020. С. 273–274).

Итак, что же дало и что даст в перспективе изучение навеса Мешоко?

1. Особые условия образования культурного слоя с процессами десквамации обеспечивают хорошую сохранность отложений и достаточно четкую стратиграфию (Осташинский, 2014. С. 232). Выделение условно стерильного 4-го слоя позволило решить проблему сосуществования майкопского и энеолитического населения: удалось доказать разновременное существование этих групп в навесе Мешоко. Вероятно, стратиграфия навеса Мешоко внесет свой вклад в создание культурно-хронологической периодизации Северо-Западного Кавказа (Осташинский, 2014. С. 229, 232).

2. Факт культивирования мягкой пшеницы, двурядного ячменя, бобовых и льна в позднем энеолите может свидетельствовать о связях населения с Южным Кавказом и западной Анатolieй.

3. Результаты изучения 5-го слоя позволили синхронизировать его с хвалынского-среднестоговской общностью. Это противоречит традиционно более ранним датировкам хвалынского-среднестоговских памятников и требует дальнейшего исследования (Черленок, Осташинский, 2019. С. 35).

Осташинский С.М., 2014. Закубанская экспедиция // Экспедиции. Археология в Эрмитаже / Ред. М.Б. Пиотровский и др. СПб.: АО «Славия». С. 222–235.

Осташинский С.М., Черленок Е.А., 2016. Комплекс энеолитических украшений из навеса Мешоко (по результатам работ 2011–2015 гг.) // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.) / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН. С. 49–52.

Осташинский С.М., Черленок Е.А., 2020. Работы в навесе Мешоко // АО 2018 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 273–274.

Осташинский С.М., Черленок Е.А., Лоскутов И.Г., 2016. Новые данные о земледелии Северо-Западного Кавказа // Археологические вести. Вып. 22. СПб.: ИИМК РАН. С. 35–40.

Столяр А.Д., 2009. Отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1963 г. // Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северо-Кавказской экспедиции Государственного Эрмитажа. 1958–1965 гг. СПб.: ГЭ. С. 99–134.

- Черленок Е.А., Осташинский С.М., 2013. Поздний энеолит Северо-Западного Кавказа: данные по относительной хронологии материалов из раскопок навеса Мешоко (2012 г.) и поселения Мешоко (2007 г.) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт. С. 16–20.
- Черленок Е.А., Осташинский С.М., 2018. О дате начала бронзового века на Северо-Западном Кавказе (по материалам навеса Мешоко, раскопки 2011–2017) // Связи и взаимоотношения бронзового века циркумпонтийского региона. Новые данные и материалы / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 78–79.
- Черленок Е.А., Осташинский С.М., 2019. Пятый слой навеса Мешоко: Проблема синхронизации с памятниками степного энеолита Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Саратовский государственный университет. С. 31–43.

К.А. Уварова

*Самарский государственный социально-педагогический университет
kuvvarova@gmail.com*

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ХВАЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники хвалынской культуры распространены на территории степного и лесостепного Поволжья. Могильники известны только в Саратовском Поволжье (Моргунова, 2011. С. 103–104). Материалы освещены в научной литературе, однако вопросы образа жизни и особенностей расположения памятников остаются открытыми (Барынкин, 2002. С. 50–51).

Обнаружены различные типы захоронений, относящиеся к хвалынской культуре. Умершие, как правило, ориентированы в северо-восточном направлении. Некоторые погребения обильно посыпаны охрой. Для могильников характерно наличие большого количества сопроводительного инвентаря, который свидетельствует о рыболовстве (гарпуны, рыболовные крючки). Употребление рыбной пищи подтверждается и заниженными датами по скелетам Хвалынского могильника. Каменные наконечники стрел указывают на занятия охотой. Примечательно использование для изготовления орудий кремня и кварцита. Характерно сочетание техники усиленного отжима и вкладышей. Распространены украшения из меди (Рындина, 1998; Агапов, 2010). Показательно также помещение в захоронения керамики. Разновременность погребальных комплексов свидетельствует о существовании у хвалынского населения устойчивых традиций, обрядов и религиозных представлений. Различия в сопроводительном инвентаре, в частности, обнаружение в некоторых захоронениях скипетров (предположительно, символов власти), позволяют говорить о социальном расслоении.

На поселенческих памятниках находят кости как диких, так и домашних животных. Для Северного Прикаспия отмечается сокращение, по сравнению с неолитическими памятниками региона, количества костей кулана (до 26 %). Преобладают кости сайги (до 70 %) и овцы (до 40 %). Кости быка составляют до 14 % выборки. Исследователи считают, что подобные изменения свидетельствуют об усилении культурных связей поволжского населения с обитателями Кавказа и распространении домашнего хозяйства (Барынкин, 2003. С. 51).

Для керамики хвалынской культуры характерны примесь измельченной раковины в тесте, колоколовидная форма сосудов и валикообразные утолщения на внешнем крае венчиков. В орнаменте наиболее распространены оттиски плетеных фактур и зубчатые штампы (Васильева, 2002. С. 34–44). Типологический анализ позволяет говорить об устойчивости керамических традиций, что может указывать на стабильное и относительно замкнутое существование хвалынского общества. Форма посуды свидетельствует в пользу кочевого образа жизни. Подтверждает это и тот факт, что для хвалынской культуры не характерно сооружение углубленных в материк жилищ.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.88-89>

По мнению исследователей, степные условия существования и кочевое скотоводство способствовали культурным контактам и обмену. В степном Поволжье распространены близкие формы культовых обрядов. Металлургическая традиция хвалынской культуры имеет балканское происхождение и также подтверждает вывод о наличии контактов и культурного обмена (Черных, 2007. С. 137). Отмечается низкое качество хвалынских изделий из металла: видимо, металлургические традиции только зарождались (Рындина, 1998. С. 158–159).

Отдельные памятники хвалынской культуры обнаружены в устье р. Белой и Среднем Посурье. Представить, что территория непосредственного обитания хвалынских племен была столь значительной, весьма проблематично. Учитывая находки нуклеусов и артефактов из североприкаспийского кремня, можно предположить, что для этого населения были характерны сезонные перемещения, вызванные аридными условиями в полупустынном Северном Прикаспии, особенно в летний период. В то же время на прикаспийских памятниках обнаружены изделия из прикамского кремня, что подтверждает возвращение носителей хвалынской культуры из северных областей в южные в осенний период.

- Агапов С.А., 2010. Медные изделия в погребальном обряде Хвалынских энеолитических могильников // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская культура / Отв. ред. С.А. Агапов. Самара: Исследования материалов. С. 258–283.
- Барынкин П.П., 2002. Культурно-хозяйственная традиция и экологические процессы Степного Поволжья в период 10–5 тыс. лет назад // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара. С. 50–58.
- Барынкин П.П., 2003. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара. С. 47–60.
- Васильева И.Н., 2002. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара. С. 15–49.
- Моргунова Н.Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ. 220 с.
- Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эдитореал УРСС. 287 с.
- Черных Е.Н., 2007. Каргалы. Т. V. Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры. 200 с.

А.А. Хурмаев

*Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа
kimi.malini@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ ХРЕБТА КРЫКТЫ

К настоящему времени на территории Башкортостана известно более 100 памятников нео-энеолитического времени. Большинство из них было открыто в 1960–1970-е годы археологическими разведками Г.Н. Матюшина, Ю.А. Морозова и других исследователей. Большое количество памятников каменного века, в том числе неолита и энеолита, обнаружено в восточных предгорьях хребта Крыкты. Чаще всего они расположены на береговых площадках озер Карабалыкты, Якты-Куль (Банное) и Сабакты. Основные работы по выявлению объектов эпохи камня проводились здесь Г.Н. Матюшиным. На берегах оз. Банное им было найдено 6 таких объектов: 2 местонахождения и 4 стоянки. На берегах оз. Карабалыкты количество памятников каменного века значительно большее – 11, 6 из которых датируются эпохой неолита. На берегах оз. Сабакты обнаружено 8 памятников эпохи камня, среди которых 3 относятся к эпохе неолита (Археологическая карта..., 1976. С. 202–207).

Важно отметить, что археологические изыскания в рассматриваемом регионе в 1960–1970-е годы были сконцентрированы, по большей части, по берегам рассматри-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.89-90>

ваемых озер (а также иных озер Башкирского Зауралья). Ситуация изменилась только в 2005 г., когда в пределах так называемого Курортного района Якты-Куль (площадь 110 кв. км) начала работать совместная экспедиция Научно-исследовательского центра «Наследие» и ИИЯЛ УНЦ РАН. Проводилось археологическое обследование озер Якты-Куль, Сабакты и, впервые, прилегающих возвышенностей, хребтов и межгорных долин. Тогда на этой территории было открыто более 60 новых археологических объектов (Котов, Савельев, 2007). Их выявление позволило сделать вывод о наличии памятников эпохи камня не только по берегам крупных озер, но и на удалении от них, на небольших ручьях, текущих с хребта Крыкты и впадающих в озера.

В 2020 г. исследования были продолжены. Разведочные работы охватили территорию размерами 10 × 4 км и имели своей целью обследование полосы предгорий между восточным подножием хребта Крыкты и западным краем озерной системы Банное – Сабакты – Карабалыкты. В результате выявлено значительное количество (около 40) различных археологических объектов – стоянок, поселений, местонахождений, курганов и курганных могильников. Часть из них (около 10), судя по имеющимся находкам, относится к эпохе неолита – энеолита.

Эти памятники в основном расположены на мелких водотоках, у истоков ручьев, в том числе в достаточно изолированных горных долинах полосы предгорий, и имеют относительно небольшую площадь. Их обнаружение свидетельствует о том, что в неолите и энеолите были заселены не только берега крупных озер, но и вся полоса между хребтом Крыкты и озерной системой. Принимая во внимание стоянку Курузак 2 (энеолит, липчинская культура), выявленную в глубоком ущелье восточного склона хребта Крыкты, можно предположить, что население в это время осваивало также узкие горные долины и ущелья (Румянцев и др., 2015).

Таким образом, полученные ранее данные и результаты полевых работ 2020 г. позволяют заключить, что обитавшие на территории восточных предгорий хребта Крыкты в неолите – энеолите коллективы расселялись не только вдоль береговых линий крупных озер, но и на удалении от них, выбирая в качестве мест для стоянок, в основном, мысы вблизи небольших ручьев. Локализация стоянки Курузак 2 свидетельствует, что помимо полосы предгорий в энеолите также осваивались внутригорные долины и ущелья.

Археологическая карта Башкирии, 1976 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука. 263 с.

Котов В.Г., Савельев Н.С., 2007. Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // АО 2005 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 377–380.

Румянцев М.М., Котов В.Г., Савельев Н.С., 2015. Разведочные работы в горной части Башкортостана // АО 2010–2013 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 522–524.

Е.Г. Шалахов

*ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино
shalahof@yandex.ru*

КЕНОТАФЫ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ КАК МАЛОИССЛЕДОВАННЫЕ КРЕМАЦИИ

Изучение сейминско-турбинской проблемы сопряжено с поиском, публикацией и анализом новых погребальных памятников и жертвенников (Кузьминых, 2011. С. 241–252). В связи с этим заметным событием стал факт открытия Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа (Кузьминых, 2011. С. 242). Памятник, выявленный нами в ноябре 2000 г. на левом берегу Чебоксарского водохранилища в пределах Юринского района Республики Марий Эл (Соловьев, 2003. С. 188; Шалахов, 2012. С. 75), ныне является одним из базовых грунтовых могильников в археологии бронзового века Северной Евразии. В 2001–2006 гг. древний некрополь изучен стационарными раскопками. Его основной исследователь – Б.С. Соловьев (Кузьминых, 2011. С. 242).

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.90-92>

Кроме погребений на нижней площадке – у подножия самой высокой дюны близ современного устья р. Ветлуга, подтопленной Чебоксарским водохранилищем, – Б.С. Соловьевым и нами изучены статусные воинские захоронения на вершине холма (Соловьев, Шалахов, 2006. С. 168–171). В могилах собрано бронзовое оружие, принадлежавшее знатым воинам или вождям из сибирско-алтайских кланов, проникших в Волго-Ветлужское междуречье после XX в. до н.э.

Возвращаясь к теме исследования, отметим, что погребения с кремациями в сейминско-турбинское время получают довольно широкое распространение. Кремированные человеческие останки обнаружены в могильнике Ростовка в Западной Сибири (Матющенко, Сеницына, 1988. С. 50–52), в захоронении, изученном в местечке Hangaskankaalla в Финляндии (Кузьминых, 2011. С. 243), а также в Юринском (Усть-Ветлужском) могильнике в Среднем Поволжье (Соловьев, 2016. С. 390. Рис. 105: 3). О.Н. Бадер приводил факт нахождения мелких кальцинированных костей и угольков вблизи вещей в могилах некрополя Турбино I (Бадер, 1964. С. 52; Соловьев, 2016. С. 169).

Что касается Юринского могильника – Усть-Ветлуги, то достоверных погребений с кремациями, по мнению Б.С. Соловьева, здесь только два. В могиле 1 «к северо-западу от костяка расчищено насыщенное мелкими жжеными костями овальное зольно-углистое пятно с прокаленным основанием (150 × 60 см, уровень фиксации 40–45 см, толщина 25 см)» (Соловьев, 2016. С. 165). Центральную часть могилы 15 «занимало примыкавшее к юго-восточной стенке углистое темно-серое аморфное углубление (80 × 40 см, толщина 5–7 см). Его северо-восточный конец завершался овальной ямкой (19 × 11 см, толщина 10 см), наполненной углями и жжеными костями» (Соловьев, 2016. С. 167).

В отличие от Б.С. Соловьева, который, следуя традиции, принятой археологами в изучении феномена Сейма-Турбино, отнес большинство могил Юринского некрополя к кенотафам, мы на основании личных наблюдений, сделанных в период раскопок памятника в 2001–2005 гг., пришли к иной точке зрения.

Наличие в «кенотафах» Усть-Ветлуги светло-серого песка (с пеплом от трупосожжения?) в сочетании с небольшим, едва уловимым визуальным количеством древесного угля и кальцинированных костей приводят к мысли о том, что мы имеем дело с кремацией на стороне. Возможно, после завершения ритуала значительная часть кремированных останков помещалась не в могилы с медно-бронзовым и каменным инвентарем, а в специально подготовленные ямы, зафиксированные весной 2001 г. у подножия дюны, где располагалась нижняя площадка Юринского (Усть-Ветлужского) могильника. Эти ямы, насыщенные сильно фрагментированными кальцинированными костями, впоследствии интерпретировались как остатки средневекового марийского жертвенника. Osteологический материал из ям специалистами не изучался.

В методическом отношении правильно обращать внимание на дальнюю периферию каждого погребального памятника типа Сейма-Турбино. Если наша гипотеза о вынесении части кремированных останков за пределы собственно некрополя с классическими «кенотафами» верна, то нужно признать, что мы сталкиваемся не просто с фактом сокрытия останков соплеменников от надругательства возможных грабителей могил, а видим следы сакрализации границ кладбищенского поля.

Бадер О.Н., 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука. 176 с.

Кузьминых С.В., 2011. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. Вып. 225. С. 240–263.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В., 1988. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ. 136 с.

Соловьев Б.С., 2003. Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская культурно-историческая общность. Материалы Международной научной конференции. Чебоксары, Россия, 26–30 мая 2003 г. / Отв. ред. О.В. Кузьмина. Чебоксары: ЧГИГН. С. 188–192.

Соловьев Б.С., 2016. Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола: МарГУ. 412 с. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 9).

- Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г., 2006. Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / Отв. ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН. С. 168–174.
- Шалахов Е.Г., 2012. Погребальный инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа: кремль и нефрит // История и археология. Материалы Международной заочной научной конференции (Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.) / Отв. ред. О.А. Шульга. СПб.: Реноме. С. 75–77.

А.А. Швецова

*Нижегородский государственный
историко-архитектурный музей-заповедник
Asendriy@mail.ru*

ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА РАННЕМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ЛОГИНОВ ХУТОР)

В 1968–1969 гг. Окская археологическая экспедиция ГИМ под руководством Т.Б. Поповой провела раскопки поселения поздняковской культуры Логинов Хутор (Канищево-3). Памятник расположен на песчаной дюне в пойме р. Оки, на берегу старичного озера. Исследованная площадь составила около 500 кв. м. В ее пределах выявлены остатки двух полуземляночных построек и двух погребений возле них. Т.Б. Попова отнесла поселение к раннему периоду развития поздняковской культуры (Попова, 1974. С. 229–230). В процессе работ собрана обширная коллекция керамического материала, поступившего на хранение в фонды ГИМ.

Аналитическая работа с керамическим комплексом осуществлялась в рамках системного историко-культурного подхода к изучению древней керамики, разработанного А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999). Исследованная выборка включила фрагменты верхних частей от 107 разных сосудов, их формы и система орнаментации изучались по методике Ю.Б. Цетлина (Цетлин, 2012). Исходная технологическая информация о подготовительной стадии гончарного производства получена в результате анализа 101 образца. Результаты морфологического и технико-технологического исследования позволили разделить весь керамический комплекс поселения на три группы.

К первой группе принадлежат 59 % изученных сосудов. Для их изготовления гончары использовали незапесоченное и слабоzapесоченное сырье двух видов: глины (80 %) и глиноподобное вещество – илистую глину (20 %). В состав формовочной массы входила минеральная примесь гранито-грейсовой дресвы, добавленная в концентрации 1:5, и органический раствор, представленный выжимкой из навоза жвачных животных. Сосуды из илистых глин зачастую не имели в составе формовочной массы искусственных примесей или содержали только примесь дресвы. Морфологически среди сосудов этой группы преобладают горшковидные формы, имеющие в составе естественной структуры такие функциональные части как «щека» и «щека-шея» (55 %). Сосуды баночного типа встречаются редко (10 %). Нанесенному на посуду декору присуща многокомпонентность и аккуратность исполнения. Для орнаментации преимущественно использовались инструменты с округлой рабочей частью (33 %), длинные гладкие штампы (14 %), мелкие зубчатые штампы (18 %) и перевитой шнур (8 %). В орнаменте массово представлены узоры в виде зигзагов, уголков и треугольников, встречаются меандры. Характерно большое разнообразие мотивов – 47 вариантов. Среди них распространены ряды горизонтальных линий, ямочных вдавлений, «жемчужин» и разнообразные зигзаги.

Ко второй группе относятся 28 % изученных сосудов. Все они изготовлены преимущественно из слабоzapесоченных (39 %), реже незапесоченных и запесоченных (по 21 %) глин. Формовочная масса содержит минеральную примесь шамота с размером частиц 1–2 мм в концентрации 1:6 и органический раствор в виде выжимки из навоза. Преобладают горшковидные формы, характеризующиеся наличием «шей» в составе есте-

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.92-93>

ственной структуры. В отличие от первой группы, здесь массово представлены сосуды баночных форм (39 %). Декор отличается простотой и лаконичностью составляющих его мотивов, часто выполненных небрежно. Орнаментация преимущественно наносилась с использованием инструментов с округлой (26 %), овальной (17 %) или треугольной (14 %) рабочей частью. Использование гладких штампов значительно преобладает над зубчатыми (86 % и 14 % соответственно). Мотивы орнамента представлены рядами наклонных вправо отпечатков, ямочных вдавлений и вертикальных овалов.

Сосуды третьей группы составляют 13 % выборки и обладают чертами изделий первой и второй групп, что проявляется в технологии их изготовления и морфологии. В качестве исходного пластичного сырья использовались как глины разной степени запеченности (92 %), так и илестые глины (8 %). Рецепты формовочных масс содержат два вида минеральных компонентов – дресву и шамот. При этом по концентрации примесь дресвы (1:5) всегда доминирует над примесью шамота (1:6 и менее). Также в состав формовочных масс входил органический раствор, представленный в большинстве случаев выжимкой из навоза. К этой группе относятся сосуды со «щекой» или «щекой-шеей» и сосуды с «шеей» (соответственно 38 % и 39 %), встречаются баночные формы. В орнаментации также прослеживаются черты первых двух групп. Встречается наложение одних мотивов орнамента на другие. Фиксируется декор как простой и небрежно выполненный, так и более сложный и аккуратный.

Предварительные результаты изучения керамического комплекса поселения Логинов Хутор свидетельствуют об изготовлении сосудов в рамках двух хорошо различимых гончарных традиций (группа 1 и группа 2). Носителями этих традиций были две разные группы населения, между которыми начался процесс смешения, что показывает наличие менее многочисленной третьей группы керамики (13 %). Учитывая полученные данные, можно сделать вывод о неоднородности состава населения на раннем этапе развития поздняяковской культуры. Одна его группа связывается со срубной культурно-исторической общностью (группа 2), а другая – доминирующая (группа 1) – с носителями иных традиций, не находящихся прямых параллелей в материалах бронзового века лесостепной полосы.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: СамГПУ. С. 5–109.

Попова Т.Б., 1974. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли. М.: Наука. С. 222–235.

Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК НА ПРОСТОРАХ ЕВРАЗИИ: ВСАДНИКИ, МОРЕХОДЫ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

А.Н. Абрамова*, Н.Г. Свиркина, Т.Ю. Шведчикова****

**Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына
abramovasacha0902@gmail.com*

***Институт археологии РАН, Москва
svirkina.natalia@mail.ru
tashved@gmail.com*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА VI–II ВЕКОВ ДО Н.Э. ПО ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ВОЛНА 1¹

Активные археологические работы, проводимые в последние годы и связанные со строительством транспортного сообщения с полуостровом Крым, казалось бы, должны были принести не только множество важных открытий в области археологии, но и новые данные о морфологии и особенностях скелетной системы древних обитателей данных территорий. Однако Северное Причерноморье печально известно среди палеоантропологов как территория, природно-климатические условия которой самым пагубным образом сказываются на сохранности скелетов.

Проблема плохой сохранности особенно остро встала при исследовании могильника Волна 1. Раскопки, проводимые силами нескольких экспедиций на протяжении почти пяти лет, дали богатейший археологический материал. Было вскрыто около 1200 погребальных сооружений и получено примерно 1500 скелетов. Однако сохранность костной ткани такова, что в большинстве своем единственной доступной палеоантропологической информацией оказывались половозрастные определения, которые и легли в основу палеодемографического исследования. При наличии фрагментов черепа также проводилось изучение дискретно-варьирующих признаков.

Как уже говорилось выше, могильник исследовался несколькими экспедициями, что позволило нам условно разделить его на два участка. Первый и наиболее ранний участок могильника (VI–IV вв. до н.э.) представлен материалами, полученными в процессе раскопок ИА РАН в 2018 г. (рук. Р.А. Мимоход). Он интересен своим погребальным обрядом. Многие захоронения были совершены с конем и с предметами вооружения.

Второй участок изучался экспедицией ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур. Погребения здесь датируются от VI в. до н.э. до II в. до н.э. Мы выбрали лишь небольшую часть комплексов, относящуюся к IV–II вв. до н.э. (Цокур, 2020).

¹ Палеодемографическое исследование выполнено в рамках НИР НИОКТР АААА-А19-119011890114-2.
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.94-96>

Табл. 1. Сравнение частот дискретно-варьирующих признаков черепа на двух участках могильника Волна 1 с помощью t-критерия

№	Признак	Участок IV–II вв. до н.э. (n)	Участок VI–IV вв. до н.э. (n)	t-критерий
1.	Sutura frontalis (metopica)	0,142 (28)	0,045 (44)	1,46
2.	Sutura frontalis (metopica) inc.	0,035 (28)	0,026 (39)	0,21
3.	Sulcus frontalis	0,7 (6)	0,167 (6)	1,86
4.	Foramen frontale	0,05 (21)	0,081 (37)	0,45
6.	Ossa suturae sagittalis	0,059 (17)	0,09 (22)	0,36
7.	Foramen parietalis (сквозн.)	0,6 (20)	0,583 (36)	0,12
8.	Foramen parietalis (несквозн.)	0,05 (20)	0,029 (34)	0,40
15.	Ossa sut. lambdoidae (L1-L2)	0,308 (13)	0,667 (15)	1,89
16.	Ossa sut. lambdoidae (L3)	0,4 (10)	0,588 (17)	0,94
18.	Os asterii	0,25 (8)	0,25 (8)	–
19.	Os postsquamosum	0,222 (9)	0,222 (9)	–
20.	Foramen mastoideum (в шве)	0,438 (16)	0,353 (17)	0,50
21.	Foramen mastoideum (височная кость)	0,412 (17)	0,778 (18)	2,21
22.	Foramen mastoideum (затылочная кость)	0,07 (15)	0	–
24.	Foramen mentale aces.	0,333 (15)	0,067 (15)	1,82
28.	Torus mandibularis (0–3)	0,125 (8)	0,2 (10)	0,42
30.	Foramen supraorbitale	0,389 (18)	0,621 (29)	1,55
31.	Foramen supraorbitale inc.	0,5 (18)	0,414 (29)	0,58
32.	Spina trochlearis	0,25 (4)	0,2 (10)	0,21
33.	Torus palatinus (1–3)	0,56 (9)	0,333 (12)	1,04
34.	Tuberculum precondylare	0,333 (6)	0,1 (10)	1,16
36.	Foramen basilaris	0,111 (9)	0,2 (10)	0,53
37.	Sulcus sinus transversi	0,5 (14)	0,333 (9)	0,79
38.	Sutura petrosquamosa	0,25 (20)	0,053 (19)	1,70
39.	Fovea supramastoidales	0,111 (18)	0,167 (18)	0,49

Цель работы заключалась в сравнении двух участков могильника: позднего и раннего с применением палеодемографических и краниофенетических данных. В задачи входило не только изучение разнообразия населения, проживавшего на территории Волны 1 в античный период, но и сравнение двух участков могильника.

По краниофенетической программе изучены 47 черепов с первого участка и 34 черепа со второго участка могильника. Программа включала признаки, предложенные как отечественными авторами (Анучин, 1880; Рычков, 1969; Мовсесян, 1973; 2005; Мовсесян, Мамонова, Рычков, 1975; Козинцев, 1972; 1984; 1987), так и зарубежными (Ranke, 1898; Berry&Berry, 1967; Hauser, De Stefano, 1989). Всего в бланк входило 119 признаков. Однако в условиях плохой сохранности костной ткани многие фены удалось изучить лишь в единичных случаях. Это, например, относится к признакам, связанным со строением птериона, так как именно эта область подвержена наибольшему разрушению при плохой сохранности черепов. В таблице приведены лишь те признаки, по которым удалось набрать достаточно большое количество наблюдений.

С помощью w-критерия по формуле Э. Вебер мы сравнили частоты встречаемости признаков на первом и втором участках могильника (табл. 1) (Каминский, 1959; Weber, 1961). Жирным шрифтом отмечены признаки, различие по которым статистически достоверно. По-видимому, мы можем говорить о различии населения, захороненного на двух изучаемых участках, по данным краниофенетики.

Для палеодемографического исследования оказалось пригодным значительно большее число индивидов. Выборка раннего периода представлена 332 скелетами, выборка более позднего хронологического отрезка – 121. Расчеты основных параметров производились с использованием программы Д.В. Богатенкова (Алексеева и др., 2003). Выборка из первого участка отличается от второй более высокими значениями среднего возраста смерти и процента индивидов старше 50 лет. Другая отличительная особенность: в выборке со второго участка присутствует выраженное преобладание числа мужчин над числом женщин. Процент детских скелетов в выборке из второго участка выше, нежели в выборке с первого участка (15,0 % и 9,5 % соответственно).

Таким образом, по демографическим признакам два участка имеют существенные отличия между собой. Эти отличия могут быть связаны со спецификой формирования могильника в ранний период его существования (первыми на этом месте были погребены переселенцы, т.е. основной «костяк» могильника составляли взрослые индивиды). Но нельзя исключать и иные варианты интерпретации полученных данных. Наиболее интригующим выглядит увеличение числа мужских скелетов. Краниофенетика же позволяет предположить различие двух групп населения. Причины этих отличий лишь предстоит выяснить, вероятно, с помощью привлечения других наук и новых систем признаков.

- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003. Влахи. Антропозоологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир. 131 с.
- Анучин Д.Н., 1880. О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам. М.: Типо-лит. С.П. Архипова и К. 126 с.
- Каминский Л.С., 1959. Обработка клинических и лабораторных данных. Л.: Медгиз. 194 с.
- Козинцев А.Г., 1972. Дискретно варьирующие признаки на человеческих черепах I тысячелетия до н.э. из Минусинской котловины // Архив анатомии, гистологии, эмбриологии. Т. 62. № 4. С. 53–59.
- Козинцев А.Г., 1984. Заднескуловая щель как расоразграничительный признак // Вопросы антропологии. Вып. 74. С. 55–61.
- Козинцев А.Г., 1987. Краниоскопия и расовая классификация // СЭ. № 2. С. 12–31.
- Мовсесян А.А., 1973. Некоторые аспекты популяционной генетики современного и древнего населения Сибири // Вопросы антропологии. Вып. 45. С. 77–84.
- Мовсесян А.А., 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская. книга. 271 с.
- Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г., 1975. Программа и методика определения аномалий черепа // Вопросы антропологии. № 51. С. 15–45.
- Рычков Ю.Г., 1969. Антропология и генетика изолированных популяций: Древние изоляты Памира. М.: МГУ. 221 с.
- Цокур И.В., 2020. Отчет по итогам выполненных работ (раскопок) на территории выявленного объекта археологического наследия «Грунтовый могильник «Волна 1» в 2018 г., п. Волна, Темрюкский район, Краснодарский край // Архив ИА РАН.
- Berry A.C., Berry R.J., 1967. Epigenetic variation in the human cranium // J. Anat. V. 101. P. 361–379.
- Hauser G., De Stefano G.F., 1989. Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart: Schweizerbart. 301 p.
- Ranke J., 1989. Beiträge zur physischen Anthropologie der Bayern (Fortsetzung 1873–1882). Urgesch. Bayerns, München. (Beatr. Anthropol). 91 p.
- Weber E., 1961. Grundriss der biologischen Statistik für Naturwissenschaftler, Landwirte und Mediziner. Bd. 4. 565 p.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ЯРДЫМЛЫ (ПОЛЕВОЙ СЕЗОН 2020)

В сентябре 2020 г. научная экспедиция Института археологии и этно-графии Национальной академии наук Азербайджана во главе с кандидатом исторических наук, доцентом А.М. Агаларзаде проводила археологические раскопки в Ярдымлинском районе Азербайджана. В качестве объекта исследований были выбраны курганы на яйлагах Гаръятан и Сарыбулаг.

Курган Гаръятан расположен на высоте 1957 м над уровнем моря, в 200 м к Ю от с. Арвана и в 37 км к Ю–З от г. Ярдымлы. Его окружал кромлех округлой формы из крупных обработанных речных камней прямо-угольной и овальной форм (рис. 1: 1). Диаметр объекта составлял 7,5 м, а высота около 30 см. В ходе раскопок было снято три слоя камней курганного покрытия. В засыпке обнаружены кусочек желтой охры и каменная зернотерка. В центре сооружения находилась могильная камера размерами 3,6 × 2,3 м и глубиной 50 см, оказавшаяся пустой. Курган Гаръятан относится к поминально-ритуальным курганам-кенотафам, распространенным у населения талыш-муганской археологической культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа (Aǧalarzadə, 2015; 2018).

Курганы Сарыбулага расположены на высоте 1952 м над уровнем моря, в 5 км к С–З от с. Алар и в 37 км к В от г. Ярдымлы. В 2014 г. в ходе археологической разведки на яйлаге Сарыбулаг выявлено около 30 курганов. Археологические раскопки на памятнике начались в 2017 г., тогда было раскопано два кургана (Aǧalarzadə, 2018). В полевом сезоне 2020 г. исследованы два кургана (№ 3 и 4).

Курган № 3 (рис. 1: 2) – округлой формы, с каменным покрытием. Его размеры составляли с С на юг 8,2 м, с запада на восток – 9 м, высота – 30 см. В ходе исследования снято три слоя каменного покрытия. В засыпке найдены фрагменты керамики, половина каменной зернотерки (рис. 1: 15) и керамическое пряслице (рис. 1: 4). В восточной части кургана на глубине 1,6 м выявлена могильная камера типа «каменный ящик». Его размеры составляли в длину 2,2 м, в ширину 1 м, глубина – 40 см.

Внутри каменного ящика исследованы захоронения двух людей: девушки 15–18 лет и ребенка 7–8 лет. Скелет девушки находился в скорченном положении на левом боку, головой на С–В. Сохранность костей плохая. От скелета ребенка сохранились лишь фрагменты костей и нижней челюсти.

Из инвентаря в погребении обнаружены (рис. 1: 5–14) 3 керамических сосуда (в северной части каменного ящика), 2 бронзовые заколки, 8 бронзовых округлых подвесок-нашивок, 2 спиралевидных бронзовых кольца, бронзовое кольцо, 2 бронзовые серьги, 4 бронзовые бочковидные завитые бусины, 52 бронзовые бусины (цилиндрической и округлой формы), округлая агатовая и цилиндрическая гагатовая бусины. Артефакты из кургана № 3 находят параллели среди памятников талыш-муганской культуры юга Азербайджана и Гилана (Иран), а также среди материалов периода раннего железа (Iron II) с территории Приурмийского региона (Иран) – Хасанлу IVb. В частности, аналогичные украшения из бронзы – бочковидные спиралевидные бусины, кольца, заколки, подвески-нашивки – выявлены в погребениях Хасанлу IVb (Muscarella, 1988; Cifarelli, 2017).

В кургане № 3, как указывалось выше, выявлено три керамических сосуда: ваза, кувшинчик и горшок. Ваза (рис. 1: 13) относится к изящным керамическим изделиям, а кувшинчик и горшок (рис. 1: 14) – к разряду грубой бытовой керамики. Ваза темно-серого цвета изготовлена на гончарном круге, в составе глины – мелкий песок. Изделие слабо лощенное, днище – каблучковое, сбоку вазы (слева) имеется ушковидная ручка. В настоящее время точной аналогии ей найти не удалось. Наиболее близкими формами являются изделия из ассирийских памятников Северной Месопотамии. В частности,

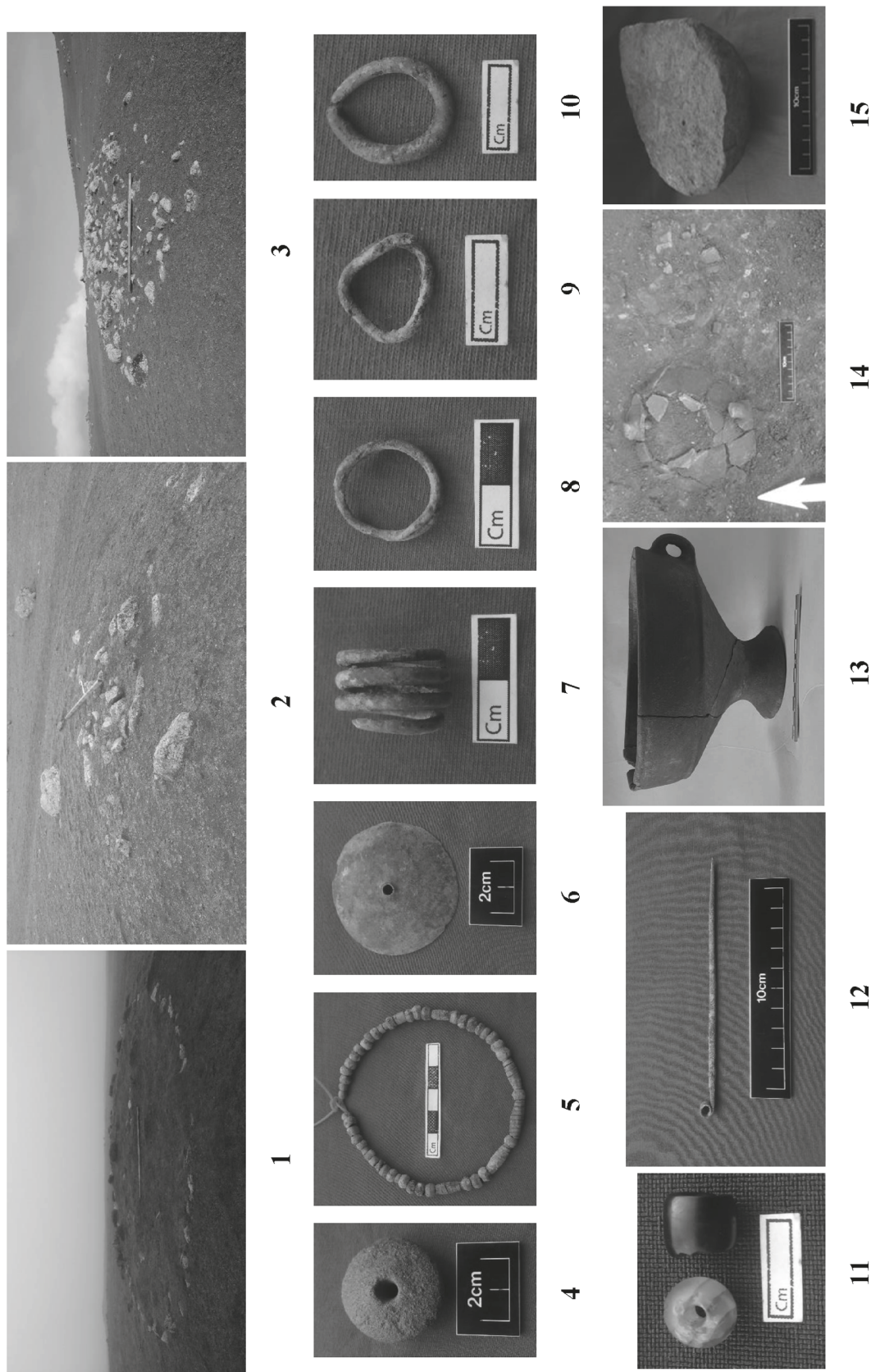

Рис. 1. Общий вид исследованных курганов и находки из кургана № 3 Сарыбулага.

в Лидар Гуюке (юго-восточная Турция) обнаружена похожая ваза, но без ручки сбоку (Müller, 1999. P. 427. Abb. 17; 27). Кувшинчик – бурого цвета, с большим добавлением в глину песка. Горшок бурого цвета, изготовлен вручную, также с большим добавлением песка. Эти два сосуда обнаруживают сходство с керамикой из поселений и погребений юга Азербайджана и севера Ирана – регион Талышских гор, Ги-лан (Kərimov, 2006; Khalatbari, 2004).

Курган № 3 Сарыбулага, на наш взгляд, следует датировать в пределах IX–VIII вв. до н.э.

Курган № 4 (рис. 1: 3) – округлой формы, с каменным покрытием, расположен на высоте 1956 м над уровнем моря. Размеры по линии С–Ю 7,4 м, З–В – 5,4, высота – 1 м. До глубины 90 см фиксировалось каменное покрытие, ниже – насыпная земля. В засыпке кургана обнаружено керамическое пряслице, а также фрагменты керамики, кости мелкого рогатого скота. В центре на глубине 1,4 м выявлена могильная камера размерами 2,2 × 1,3 м. Внутри вперемешку находились фрагменты керамики, кусочки угля и кости мелко рогатого скота. На глубине 1,6 м залегал материк.

Керамика из кургана № 4 – чернолощенная, серолощенная, а также бурого цвета, как изящная, так и грубая, изготовлена вручную и на гончарном круге. На некоторых фрагментах виден прочерченный геометрический орнамент. Всего обнаружено 104 фрагмента керамики. Данный объект является ритуальным курганом с поминальной тризной, что характерно для талыш-муганской археологической культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа. Курган № 4 аналогичен кургану № 1, исследованному в 2017 г. Можно предположить, что он, как и курган № 1 Сарыбулага (для которого сделан радиоуглеродный анализ), датируется в пределах XI–X вв. до н.э. и относится к второй стадии раннего железного века.

Исследованные курганы Ярдымлинского района приоткрывают до сих пор неизвестные страницы древней истории юга Азербайджана.

Ağalarzadə A.M., 2015. Azərbaycanın cənub-şərq bölgəsinin Son Tunc-Dəmir dövrü daş qutu və kurqan qəbirləri (Lerik və Yardımlı rayonunun materialları əsasında) // Dövlət və din. № 7 (36). S. 71–86.

Ağalarzadə A.M., 2018. Sarıbulaq kurqanları // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. № 2. S. 3–15.

Cifarelli M., 2017. Archaeological Evidence for Small Scale Crisis. Hasanlu between Destructions // Crisis to Collapse. The Archaeology of Social Breakdown. Louvain-la-Neuve: Presses Universitaires de Louvain. Aegis. Vol. 11. P. 205–231.

Kərimov S., 2006. Lerik rayonunun arxeoloji abidələri. Bakı: Araz. 164 s.

Khalatbari M., 2004. Archaeological investigations at Talesh. Gilan 1. Ex-cavations at Toul-e-Gilan. Tehran: General office of Iranian Culture Heritage Organization of Gilan. Archaeological research center. 184 p.

Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art. 501 p.

Müller U., 1999. Die eisenzeitliche Keramik des Lidar Hoyuk // Iron Age Pottery in Northern Mesopotamia, Northern Syria and South-Eastern Anatolia / ed. by Arnulf Hausleiter and Andrzej Reiche. Münster: Ugarit-Verlag. P. 403–434.

Е.Е. Антонов

Институт археологии РАН, Москва

antonov.yegor@gmail.com

ЕЩЕ РАЗ О ВРЕМЕНИ ЗАНЯТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА ПОЗДНИМИ СКИФАМИ

Список мнений о том, когда именно поздние скифы заняли Северо-Западный Крым, превысил бы допустимые объемы этой заметки, а кроме того, этот более или менее полный список приводился в другой статье, к которой имеет смысл обратиться (Антонов, 2016). Сейчас наиболее аргументированным выглядит мнение, что это событие или процесс произошли во второй половине II в. до н.э.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.99-103>

Уточнить эту дату могут клейма на родосских амфорах, хронология которых хорошо разработана (Finkielsztejn, 2001). Однако далеко не все коллекции подобных находок из Северо-Западного Крыма опубликованы, а из введенных в научный оборот не все имеют четкую «позднескифскую» стратиграфическую привязку. Этим условиям соответствуют коллекции родосских клейм только трех поселений: Калос Лимена, Чайки и Керкинитиды.

Картина, предстающая во время внимательного рассмотрения родосских фабрикантских клейм с указанных трех памятников, довольно размыта. В поздних «греческих» слоях Чайки представлены фабрикантские клейма II/III, III и V/VI групп; Калос Лимена – III, III/IV, IV и IV/V групп; Керкинитиды – только V группы (табл. 1)¹. В «позднескифских» напластованиях Калос Лимена представлены фабрикантские клейма III, IV/V и V групп, Керкинитиды – только V группы, Чайки – V, V/VI и VI групп (табл. 1). Такой набор имен не позволяет датировать занятие региона поздним скифами уже чем второй половиной II в. до н.э.

Интереснее коллекции эпонимных родосских клейм. Самые ранние из них в позднескифских напластованиях Керкинитиды и Чайки относятся к подгруппе Vb (табл. 2). В поздних греческих слоях Керкинитиды эпонимные родосские клейма неизвестны. На Чайке самое позднее эпонимное клеймо из греческих периодов также относится к подгруппе Vb (табл. 2). Поэтому, как представляется, именно временем этой подгруппы (132–121 гг. до н.э.) или более поздним можно датировать смену населения в Керкинитиде и на Чайке. В позднескифских слоях Калос Лимена самое раннее родосское эпонимное клеймо относится к подгруппе IVa, но, как показывает коллекция с верхних греческих полов (табл. 2), оно тут явно случайное. Если не учитывать этот оттиск, то самым ранними именами на эпонимных клеймах из позднескифского Калос Лимена будут имена подгруппы Va, которая датируется 145–133 гг. до н.э. К этому времени или более позднему и следует предположительно относить занятие городка поздними скифами.

Следует подчеркнуть предположительный характер этих выводов. Он обусловлен небольшим объемом выборки – речь идет о единичных, а не массовых находках, происходящих, к тому же, из открытых комплексов. Тем не менее, интересно сопоставить полученные даты с другими сведениями – из письменных источников, а также с материалами раскопок Неаполя Скифского.

В.А. Кутайсов обратил внимание на то, что херсонесский Северо-Западный Крым был защищен от притязаний варваров договором 179 г. до н.э. с Понтийским царством, и что единственный промежуток времени, когда он мог не действовать – годы, проведенные Митридатом VI в изгнании. В.А. Кутайсов датировал этот период 123/122–116/115 гг. до н.э. (Кутайсов, 2004. С. 127; Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 58; Кутайсов, Смекалова, 2019. С. 427). Между тем Ю.Г. Виноградов, хронология которого принята большинством исследователей (Кутайсов, 2003. С. 88; Зубарь, Марченко, 2005. С. 246; Уженцев, 2006. С. 7), предлагал более узкую дату – 120–117 гг. до н.э. (Виноградов, 1985. С. 645).

Близким временем – 125–118 гг. до н.э. – датируется вторая стадия реконструкции Южного дворца. Ю.П. Зайцев сопоставляет этот период с реконструируемым возрастом Скилура: 125–118 гг. до н.э. приходятся на самый активный возраст царя – между 25 и 32 годами (Зайцев, 2003. С. 43). Предположение о том, что Северо-Западный Крым был захвачен именно Скилуrom, высказывалось много раз (Раевский, 1968. С. 72; Высотская, 1989. С. 17; Пуздровский, 1995. С. 144; Уженцев, 1999. С. 272; Зайцев, 2003. С. 43), но, может быть, это событие следует связать именно с тем временем, когда царь был наиболее деятельным? Тем более, что это время близко к периоду изгнания Митридата VI и дате захвата Керкинитиды и Чайки, установленной по родосским эпонимным клеймам.

Такому предположению несколько противоречит более ранняя дата занятия Калос Лимена – 145–133 гг. до н.э. (или позже). Однако нельзя исключать, что захват Северо-Западного Крыма был не одноактным событием, а процессом, начавшимся еще в начале царствования Скилура. По реконструкции Ю.П. Зайцева, это пришлось на 130 г. до н.э.

¹ Здесь и далее в тексте и таблицах используются хронологические группы и датировки Г. Финкельштейна (Finkielsztejn, 2001). Используются таблицы, составленные В.И. Кацем (2007. С. 419–423).

Табл. 1. Родосские фабрикантские клейма из верхних «греческих» и нижних «позднескифских» слоев поселений в Северо-Западном Крыму

Группа	Фабрикант	Дата (ок., гг. до н.э.)	Чайка. Греческие периоды III–V ¹	Калос Лимен. Верхние полы греческого яруса В «4» ²	Керкинитида. Слои разрушения греческого периода В ³	Калос Лимен. Позднескифский ярус «С» 1 ⁴	Керкинитида. Позднескифский период А ⁵	Чайка. Позднескифские слои ⁶
II/III	Аристид	234–161	+	–	–	–	–	–
	Агатокл		–	+	–	–	–	–
III	Зенон II	198–161	+	–	–	–	–	–
	Родон		–	–	–	+	–	–
III/IV	Марсий	198–146	–	+	–	–	–	–
IV	Гермий	160–146	–	+	–	–	–	–
IV/V	Гефайстион	160–108	–	+	–	–	–	–
	Диоклейя		–	–	–	+	–	–
V	Главкий		–	–	–	–	+	–
	Драконтид		–	–	–	–	+	–
	Ефранор II	145–108	–	–	–	+	–	–
	Каллон		–	–	+	–	–	–
	Мидас		–	–	+	–	–	+
V/VI	Никарх ⁷	145–88/86	+	–	–	–	–	+
VI	Мусей ⁸	107–88/86	–	–	–	–	–	+

¹ Попова, 2007. С. 10, 11, 24, 25.
² Уженцев, 2006. С. 29.
³ Кутайсов, 1990. С. 30–32.
⁴ Уженцев, 2006. С. 30.
⁵ Кутайсов, 1990. С. 29–30.
⁶ Попова, 2017. С. 305.
⁷ В публикации Е.А. Поповой (2017. С. 305) группа указана неверно.
⁸ В публикации Е.А. Поповой (2017. С. 305) группа указана неверно.

Табл. 2. Родосские эпонимные клейма из верхних «греческих» и нижних «позднескифских» слоев поселений в Северо-Западном Крыму

Группа или подгруппа	Эпоним	Дата (ок., гг. до н.э.)	Чайка. Греческие периоды III–V ¹	Калос Лимен. Верхние полы греческого яруса В «4» ²	Калос Лимен. Позднескифский ярус «С» I ³	Чайка. Позднескифские слои ⁴	Керсинитида. Позднескифский период А ⁵
III	Аратофан I	169–167	+	–	–	–	–
	Горгон	160–153	–	–	+	–	–
IVa	Павсаний III	152	–	–	–	–	–
	Питоген	152–146	–	+	–	–	–
IVb	Ксенофант II	151	+	–	–	–	–
	Анаксандр	143/142	–	–	+	–	–
Va	Архем	134/133	–	–	+	–	–
	Андроник	132	–	–	–	+	–
Vb	Тисамен	132–121	+	–	–	–	–
	Тимотей	128	–	–	–	+	–
Vc	Полиарат II	125	–	–	+	+	+
	Архин Еванор	120	–	–	–	–	+
VI	Аристокл	119	–	–	–	+	–
	Аристокл	118	–	–	–	–	+
VI	Архибий	115	–	–	–	–	+
	Аристокл	107–88/87	–	–	+	–	–
VI	Архемброт II	107–88/86	–	–	–	–	+
	Никомах	107–88/86	–	–	–	+	–

¹ Попова, 2007. С. 10, 11, 24, 25.
² Уженцев, 2006. С. 29.
³ Уженцев, 2006. С. 30.
⁴ Попова, 2017. С. 305.
В таблице Е.А. Поповой (2017. С. 305) под № 6 указано еще одно эпонимное родосское клеймо, однако оно определено ошибочно: на самом деле это книдское клеймо, включенное в каталог Н. Ефремова (Jefremov, 1995. С. 198).
⁵ Кутайсов, 1990. С. 29–30.

(Зайцев, 2003. С. 43) и завершилось в наиболее удачный для этого момент – во время изгнания Митридата VI, около 120 г. до н.э.

- Антонов Е.Е., 2016. Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: проблемы датирования и атрибуции // ПИФК. 2 (52). С. 178–195.
- Виноградов Ю.Г., 1985. [Выступл. в дискуссии] // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1982. Тбилиси: Мецниереба. С. 643–648.
- Высотская Т.Н., 1989. Скифские городища. Симферополь: Таврия. 96 с.
- Зайцев Ю.П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум. 212 с.
- Зубарь В.М., Марченко Л.В., 2005. Херсонес во второй половине II – середине I в. до н.э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н.э. Очерки истории и культуры. К.: Академперіодика. С. 243–292.
- Кац В.И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь. 480 с.
- Кутайсов В.А., 1990. Античный город Керкинитида. VI–II вв. до н.э. К.: Наукова думка. 176 с.
- Кутайсов В.А., 2003. Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. № 2. С. 60–90.
- Кутайсов В.А., 2004. Керкинитида в античную эпоху. К.: Корвин Пресс. 328 с.
- Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н., 2019. Древние греки в Северо-Западной Таврике. Симферополь: Бизнес-Информ. 176 с.
- Попова Е.А., 2007. Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III–II в. до н.э. // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Сборник научных трудов к юбилею И.В. Яценко / Ред. В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова. М. С. 4–130.
- Попова Е.А., 2017. Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н.э. – I в. н.э. // Stratum Plus. № 3. С. 259–307.
- Пуздровский А.Е., 1995. О скифо-херсонесских конфликтах в III–II вв. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь. С. 142–146.
- Раевский Д.С., 1968. Некоторые вопросы истории Малой Скифии в свете изучения позднескифской фортификации // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.: МГУ. С. 65–74.
- Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А., 2017. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность / Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XVIII. СПб.: Алетей. 448 с. (Археологические атласы Северного Причерноморья. Т. II).
- Уженцев В.Б., 1999. Античное городище Калос Лимен // Международная научная конференция «Пилигримы Крыма. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме». Осень-98. Симферополь: Крымский архив. С. 268–273.
- Уженцев В.Б., 2006. Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н.э. – II в. н.э.): Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат. 248 с.
- Finkielsztejn G., 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ: premier bilan. Oxford: Archaeopress. 262 с. (British Archaeological Reports).
- Jefremov N., 1995. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. München: Tuduv-Verl.-Ges. 251 S.

Б.Б. Базаров

Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан, Ташкент
boris.bazarov.bekmuratovich@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БАКТРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

В настоящее время на территории Сурхандарьинской области (Северо-Западная Бактрия) насчитывается около 40 археологических памятников эллинистического времени (Ртвеладзе, Хакимов, 1973; Ртвеладзе, 1974; 1976; 1987; Stride, 2004; Мокробородов, У Син, 2014; Stančo et al., 2019).

В ахеменидский период почти вся территория, за исключением предгорной и горной полосы оазиса, была освоена населением равномерно. Города и поселения располагались вдоль рек Кафырниган, Тупалангдарья, Сурхандарья, Халкаджар, Ургульсай (Бандыхансай), Шерабаддарья и в районе правобережья Амударьи. Завоевательные походы греко-македонских войск во главе с Александром Македонским привели к разрушению некоторых городов. В результате часть населения была вынуждена оставить прежние места поселения, что явно прослеживается в таких оазисах, как Халкаджарский, Ургульский и Тупалангдарьинский. По мнению Ш.Б. Шайдуллаева и Т.Д. Аннаева, в результате завоевания долины Сурхана греко-македонскими войсками 33 из 36 поселений оазиса были разрушены (Шайдуллаев, Аннаев, 1997. С. 31). Только некоторые города и поселения Северо-Западной Бактрии ахеменидского периода (Старый Термез, Халчаян, Кызылтапа, Джандавляттапа, Дабилькурбан и Талитагора) не утратили своего значения и продолжили существовать в эллинистическое время. В периоды доминирования Селевкидского государства и Греко-Бактрийского царства в оазисе складывается стабильное положение в общественной жизни. Если обратить внимание на политическую карту Северо-Западной Бактрии эллинистического периода, то можно заметить следующую картину: во-первых, южная и юго-западная часть стала более плотно заселена, по сравнению с Ахеменидским периодом; во-вторых, возрасла освоенность населением горных и предгорных районов, а также пограничной зоны; в-третьих, резко сократилось количество поселений на северо-востоке долины Сурхана (из-за отсутствия повторного археологического исследования мы не имеем данных о населенных пунктах эллинистического периода этой территории).

Важным аспектом, связанным с географическим размещением памятников Северо-Западной Бактрии эллинистического периода, является их топографическая и ландшафтная приуроченность. Первая группа памятников располагалась в долинах рек и по берегам выведенных из них каналов, которые были жизненной необходимостью для населения и развития сельского хозяйства. К ней можно отнести такие памятники, как Джандавляттапа, Далверзинтепа, Халчаян, Ялангтуштепа и Талитагора. Они являлись центрами отдельных земледельческих оазисов.

Другая группа памятников располагалась в районах, имевших стратегическое значение для государства. Они образовывали две линии (Ртвеладзе, 2009. С. 161). Первая, куда входили Кампыртепа, Старый Термез и, возможно, поселение у Айртама, в раннеэллинистический период выполняла функцию контроля и охраны важных переправ через Окс-Амударью. Вторая линия проходила по горам Кугитангтау и Байсунтау – северной границе Греко-Бактрийского царства (Рахманов, 1994; Рапэн и др., 2006; Двуреченская, 2019). Эта оборонительная линия установила контроль над важными дорогами из горных ущелий в равнинную часть оазиса. К таким объектам можно отнести крепость Узундара, Курганзол, Капчигайтепа, Паенкурбан и Дарбандскую стену.

В расположении памятников эллинистического времени прослеживается важная закономерность — в основном они были сооружены на искусственных или естественных холмах.

Можно выделить следующие группы поселенческих памятников Северо-Западной Бактрии в эллинистический период:

- площадью свыше 10 га: Старый Термез, Ялангтуштепа;
- площадью от 3 до 10 га: Кампыртепа, Джандавляттапа, Талашкантепа II, Хаитабадтепа;
- площадью от 1 до 3 га: Шортепа, Куллукуштепа и Нагоратепа;
- площадью до 1 га: Гишттепа, Актепа, Айсарытепа и Толитагора.

Следует отметить, что с конца IV по конец II в. до н.э. процесс освоения и заселения равнинно-долинной части Северо-Западной Бактрии становится более активным по сравнению с предыдущими периодами.

- Двуреченская Н.Д., 2019. К вопросу о северной границе Бактрии в эллинистическую эпоху // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Б.А. Литвинского. М. С. 99–114.
- Мокробородов В.В., У Син, 2014. О разведочных работах Узбекистано-Американской экспедиции в Сурхандарьинской области // АУз. № 1 (8). С. 88–97.
- Рахманов Ш.А., 1994. Новые данные о стене на Железных воротах // ОНУ. № 1–2. С. 51–54.
- Рапэн К., Бо Э., Гренет Ф., Рахманов Ш., 2006. Исследования в районе «Железных ворот»: краткое состояние проблемы в 2005 г. // ИМКУ. № 35. С. 91–101.
- Ртвеладзе Э.В., 1974. Разведочное изучение Бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л. С. 74–85.
- Ртвеладзе Э.В., 1976. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л. С. 93–103.
- Ртвеладзе Э.В., 1987. Новые Бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. № 21. С. 56–66.
- Ртвеладзе Э.В. 2009. Греко-Бактрийское царство // История государственности Узбекистана Т. 1: Вторая половина II тысячелетия до н.э. – III век н.э. / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. Ташкент: Узбекистан. С. 155–169.
- Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А., 1973. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во литературы и искусства. С. 10–34.
- Шайдуллаев Ш.Б., Аннаев Т.Дж., 1997. Очерки из истории Сурхандарьи. Ташкент (на узб. яз.).
- Stride S., 2004. *Geographie archeologique de la province du Surkhan Darya*. PhD Thesis. Paris. Vol. III.
- Stančo L., Shaydullaev Sh., Khamidov O., Augustinova A., Damašek L., Bek T., Kmošek M., 2019. In the footsteps of Euthydemus. Preliminary report for archaeological survey in the Baysun district (South Uzbekistan), Season 2018 // *Studia Hercynia*. XXIII/1. P. 141–172.

А.А. Гиблова*, Е.В. Четверкина**

**Санкт-Петербургский государственный университет*

Giblova AA@yandex.ru

***Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

vilgelmina_@mail.ru

АНАЛИЗ ФОРМ АНТИЧНОЙ КУХОННОЙ ПОСУДЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Кухонная посуда – одна из основных категорий в вещественном комплексе античных памятников Северного Причерноморья. Ее исследованию посвящены многочисленные работы (см. например: Кругликова, 1957; Лейпунская, 1987; Четверкина, 2017). Тем не менее, типология ряда форм требует уточнения, что связано, с одной стороны с фрагментарностью находок, с другой – с высокой устойчивостью отдельных морфологически однородных типов, практически не меняющихся во времени.

Нами предпринята попытка анализа форм античных кастрюль методами статистики с целью выделения типобразующих признаков. Материалом для исследования послужили фрагменты кастрюль, полученные в ходе работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа на городище Мирмекий в 2004–2011 гг.

Изучение керамики проводилось с использованием геометрической морфометрии, которая представляет собой совокупность количественных и основанных на них графических методов, позволяющих сравнивать объекты по форме, исключая различия в размерах (Bookstein, 1991). В основе аппарата геоморфометрического анализа лежат понятия прокрустового пространства и эталонного объекта (reference object). Исследуемый объект описывается совокупностью меток, так называемых лэндмарков (landmarks), которые фиксируются в виде декартовых координат, а затем к ним применяются различные статистические методы (Павлинов, Микешина, 2002). В данной работе с этой целью использовался анализ главных компонент (Реброва, 2002).

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.105-108>

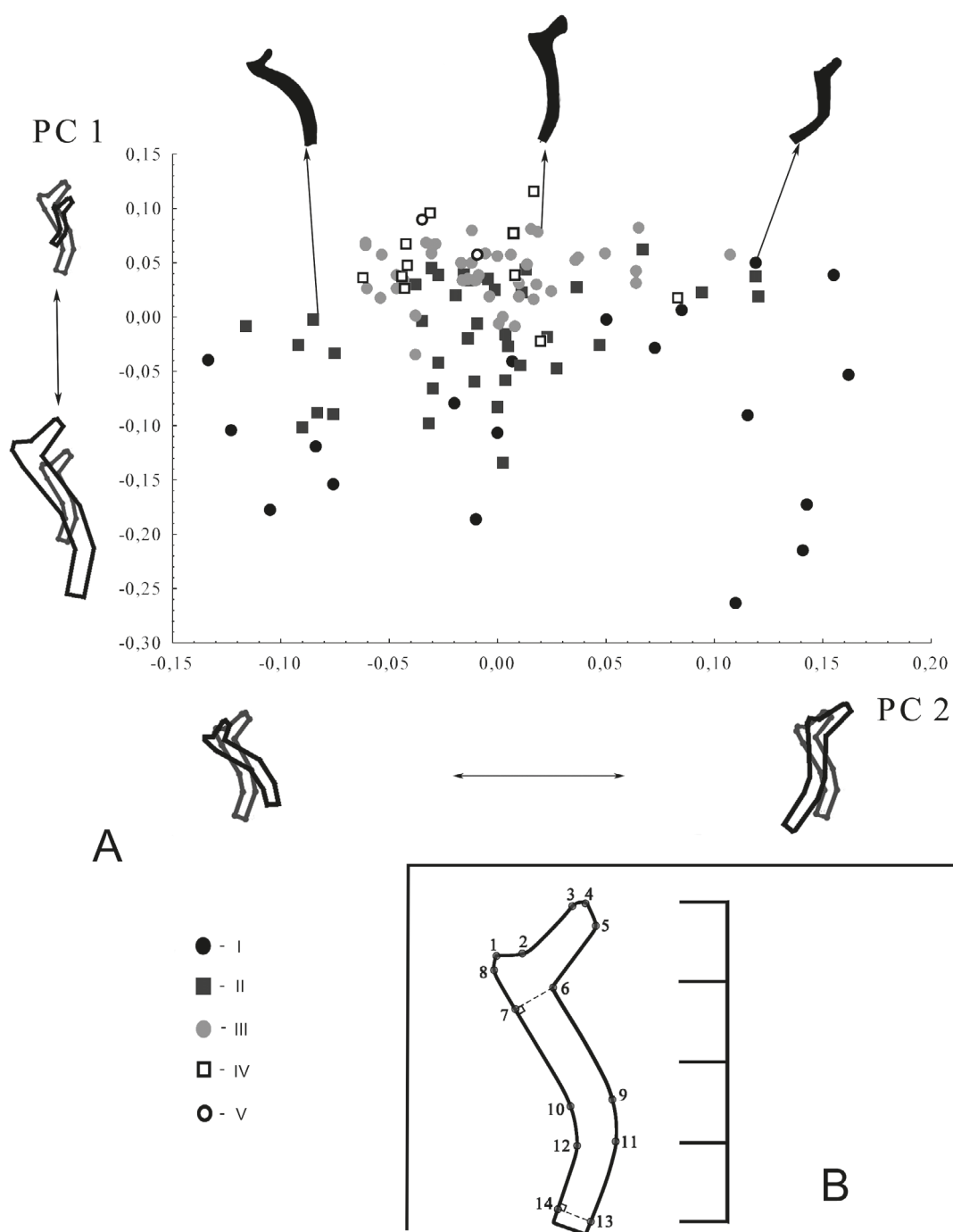

Рис. 1. Результаты анализа форм античной кухонной посуды Мирмекия методом геометрической морфометрии.

А – диаграмма рассеяния, демонстрирующая распределение форм тулова сосудов. Диаметры венчиков (условные интервалы): I – 9–14 см; II – 15–20 см; III – 21–29 см; IV – 30–35 см; V – 40 см.

В – последовательность нанесения меток (landmarks) на рисунок профиля сосуда: 1, 2, 3, 4 – точки внутренних изгибов закраины; 5 – внешний край венчика; 6 – точка перехода венчика в плечо; 7 – минимальное расстояние от точки 6 до внутренней стороны стенки; 8 – наибольший выступ внутренней поверхности закраины; 9 – точка перегиба плеча к ребру; 10 – точка начала изгиба внутренней поверхности сосуда к месту наибольшего расширения тулова; 11 – точка наибольшего расширения тулова (ребро); 12 – точка наибольшего расширения внутренней стенки сосуда; 13 – условная точка на нижней части тулова (ниже точки 11 на 1/3 высоты от точки 4 до точки 11); 14 – минимальное расстояние от точки 13 до внутренней стороны стенки.

Были изучены несколько выборок. Критериями для их выделения послужили степень сохранности отдельных объектов, наличие датировки, описания способа формовки и т.д. Наиболее показательные результаты дала выборка из 112 венчиков с частично сохранившимся туловом.

На каждый объект в программе TPS-Dig были нанесены 28 отметок¹, фиксирующих профильные части формы: венчик, который у кастрюль может включать выступ, образующий «закраину»; шейку; предплечье; плечо. Результаты обработки данных в программе MorphoJ представлены на рис. 1.

Наиболее информативны первая и вторая компоненты (58% и 35% изменчивости), отражающие соответственно диаметр (размер) образцов и изменения в форме тулова (наклон стенки). По этим признакам четко выделяются три группы сосудов. К первой относятся кастрюли с венчиками сравнительно небольшого диаметра, высокими округлыми плечами, переходящими в широкое шарообразное тулово. Преобладают лепные массивные сосуды. Данная форма не имеет четкой привязки к определенному виду венчиков.

Вторая группа наиболее многочисленна. К ней относятся сосуды с округлым туловом. По форме плечика выделяются два варианта: 1) кастрюли с высоким округлым плечиком, переходящим в сужающееся тулово; 2) сосуды, у которых плечо слабо выражено, переходит в плавно сужающееся книзу тулово. Интересно, что четкой дифференциации по венчикам внутри группы не наблюдается. Можно лишь отметить тенденцию к преобладанию венчиков с отростком, расположенным горизонтально, или вообще отсутствие последнего среди изделий первого варианта.

Третья группа представлена более миниатюрными формами с вертикальной стенкой, переходящей в ребро во второй или нижней трети сосуда. Большая часть таких кастрюль сформована на гончарном круге.

В ходе исследования учтен дополнительный морфологический признак – диаметр венчика сосуда. Все значения разделены на пять интервалов: 9–14 см, 15–20 см, 21–29 см, 30–35 см и около 40 см. Они показаны на иллюстрации разными символами (рис. 1), которые располагаются на диаграмме в виде дугообразных полос. Наиболее высокая плотность разных интервалов наблюдается в верхней части диаграммы. Большинство интервалов соответствуют второй и третьей группам сосудов.

Таким образом, можно сделать вывод о превалирующей роли тулова в формообразовании античных кастрюль. Интересно, что в классификации, разработанной Н.А. Лейпунской на материалах Ольвии, форма тулова также выбрана в качестве типобразующего признака (Лейпунская, 1987). Результаты применения статистических методов не противоречат этому подходу. Важную роль в разделении исследуемого массива материала играет диаметр устья сосудов.

На данном этапе работы корреляция форм венчиков с выделенными группами сосудов прослеживается слабо. Нужно учитывать, однако, что в Северном Причерноморье находки кастрюль чаще всего фиксируются именно в виде фрагментов венчиков, поэтому определение набора вариантов их форм особенно важно. Для решения этой проблемы планируется проведение дополнительных исследований, направленных на выделение групп венчиков кастрюль и выявление их зависимости от формы тулова.

Кругликова И.Т., 1957. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея в VI–III вв. до н.э. // Пантикапей. МИА. № 56. М.; Л.: АН СССР. С. 96–138.

Лейпунская Н.А., 1987. Кухонная керамика // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев: Наукова думка. С. 79–83.

Павлинов И.Я., Микешина Н.Г., 2002. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. Т. 63. № 6. С. 473–493.

Реброва О.Ю., 2002. Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA. М. 312 с.

¹ Лэндмарки расставлялись симметрично на обеих сторонах тулова. На оси диаграммы рассеяния (рис. 1) для удобства показана только правая часть тулова.

- Четверкина Е.В., 2017. Типологический и хронологический анализ античной кухонной посуды Мирмекия // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. С. 96–100.
- Bookstein F.L., 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 198 p.

С.С. Горланов*, Д.О. Дрыга, А.В. Мочалов****

**Институт археологии РАН, Москва*

gorlanovsergserg@mail.ru

***Межотраслевой научно-инженерный центр «ИМПУЛЬС» МГУТУК, Москва*

hopkuh@gmail.com

al.mochalov93@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОЛЬМЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ БЛИЗ Г. НОВОРОССИЙСК В 2019–2020 ГГ.

Первые дольменные комплексы в Прикубанье появляются в конце III тыс. до н.э. В Новороссийском районе они известны в верховьях рек Цемес, Дюрсо, Озерейка, у Гудзево́й горы, у станиц Нату́хаевская и Раевская. Первые описания дольменных памятников региона принадлежат П.С. Уваровой и В.И. Сизову (Уварова, 1904; Сизов, 1889). В последующем внимание на мегалитические сооружения обращали такие исследователи, как Г.Н. Сорохтин, Л.И. Лавров, В.И. Марковин, А.В. Дмитриев, В.Р. Эрлих (Сорохтин, 1915; Лавров, 1960; Марковин, 1978; Дмитриев и др., 2018; Эрлих, 2018) и другие.

Работы 2019–2020 гг. стали продолжением исследований дольменных комплексов на Гудзево́й горе и в долине р. Озерейка, осуществлявшихся в 2017–2018 гг. Новороссийской археологической экспедицией ИА РАН под руководством А.А. Малышева. В 2017 г. была проведена аэрофототеодолитическая разведка двух памятников, открытых в 1973 г. А.В. Дмитриевым на отрогах горы Серегай, в верховьях р. Озерейка (рис. 1: I.1, I.2). Созданы фотограмметрические модели исследуемых объектов в ландшафтном окружении и итоговая 3d-модель, доступная для широкого круга исследователей (Дмитриев и др., 2018. С. 139). В 2018–2019 гг. обследовались остатки трех дольменных сооружений в юго-западной части плато Гудзево́й горы (рис. 1: I.3, I.4, I.5) (Малышев, 2018. С. 3).

Работы 2019–2020 гг. позволили выявить ранее неизвестный дольменный комплекс в верховьях р. Озерейка на северной окраине с. Васильевка в садово-дачном товариществе (рис. 1: II) (Горланов, 2019. С. 3). Задачей настоящей публикации является ввод в научный оборот данных о вновь открытом объекте в контексте уже известных дольменных конструкций в районе.

Для определения размеров и конструктивных особенностей памятника его сохранившиеся части были расчищены. Работы проводились в пределах раскопа площадью 16 кв. м. Установлено, что дольменный комплекс ориентирован по оси ССВ – ЮЮЗ. В длину он достигает 3,5 м, в ширину 1,8 м. Внутреннее расстояние между продольными плитами составляет 0,75 м в нижней части и до 1,1 м в верхней. Внутри продольных стен и вокруг сооружения расчищены обломки крупных плит, которые могут принадлежать как конструкциям стен или двора, так и перекрытию. К сожалению, не удалось обнаружить верхнюю поперечную плиту, вероятно, находящуюся выше по склону, и достоверно определить высоту объекта. Археологические материалы в ходе работ не выявлены.

При обследовании выяснилось, что памятник, вероятно, неоднократно подвергался антропогенному воздействию. При расчистке прилегающей территории были найдены крупные блоки размерами 1,1×0,7×0,3 и 1,2×0,8×0,3 м, являющиеся составными частями комплекса. По-видимому, при разрушении (выборке камня на хозяйственные нужды?) они были сброшены вниз по склону. Достоверно определить их назначение не представляется возможным. Большая плита размерами около 0,8×0,8×0,25 м выявлена в 0,5 м к западу от основной конструкции.

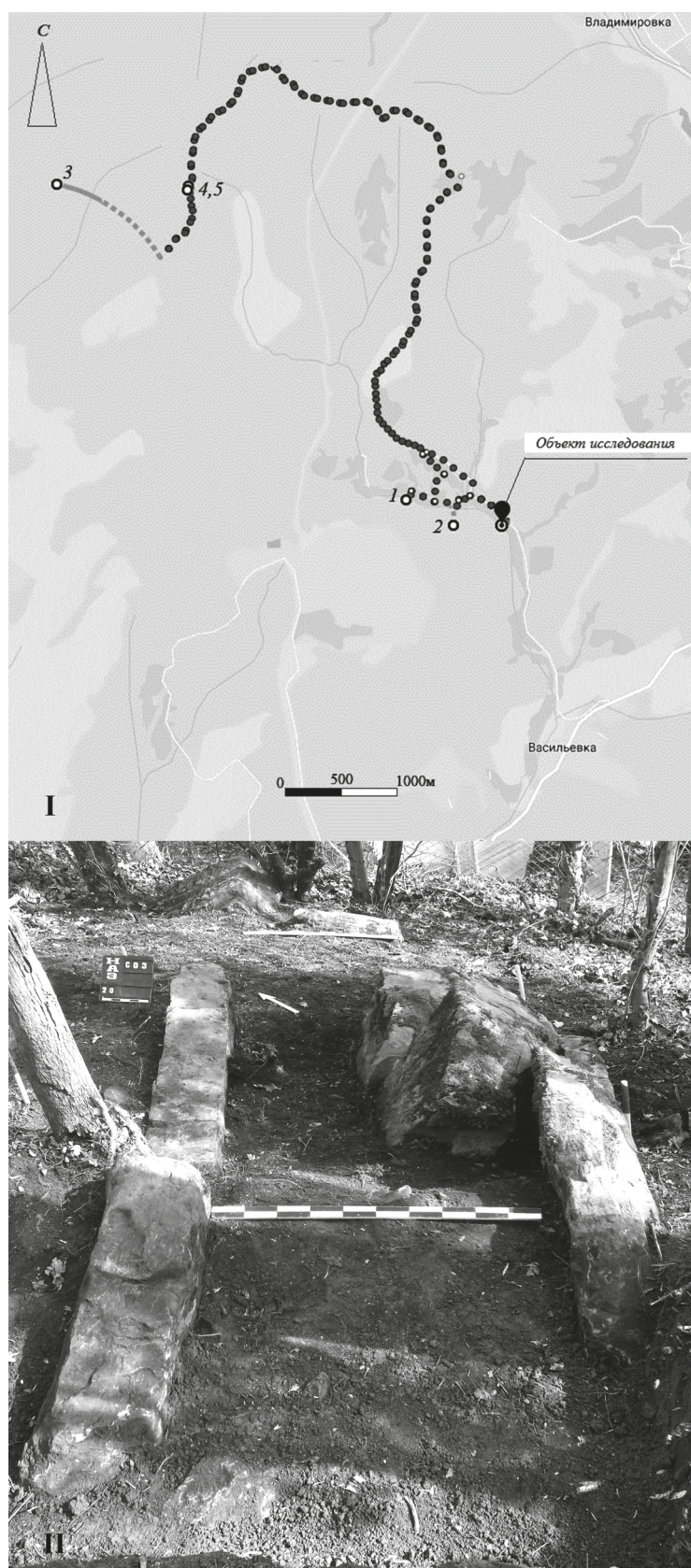

Рис. 1. Исследование дольменных комплексов близ г. Новороссийск.

I – маршрут археологических разведок 2019–2020 гг. Местоположение исследуемого объекта и других мегалитических памятников: 1, 2– Серегай-1, Серегай-2; 3 – урочище Гудзева гора, северный отрог; 4, 5 – урочище Гудзева гора, южный отрог.

II – исследуемый объект. Фото. Вид с ЮЗ.

В ходе работ выполнены топографическая и аэрофотосъемка участка для получения ортофотоплана и матрицы рельефа. На самом дольмене произведена наземная фотограмметрическая съемка для последующего создания высокоточной трехмерной модели и виртуальной реконструкции памятника.

Аналогичные комплексы Серегай-1 и Серегай-2 в долине р. Озерейка датируются эпохой средней бронзы и связываются с населением кавказской дольменной культуры (Марковин, 1973. С. 22). Однако хорошо известно повторное использование подобных конструкций в раннем железном веке и средневековье. Исследованный объект и комплексы Серегай близки в территориальном отношении (расстояние между ними составляет около 500–1000 м) и имеют общую плиточную конструкцию. Есть между ними, однако, и существенные различия: в высоте расположения (дольмен у с. Васильевка находится ниже более чем на 100 м) и в ориентировке конструкций (комплексы Серегай преимущественно ориентированы порталами по оси СВ – ЮЗ). В подобные сооружения помимо самих дольменных конструкций часто входят кромлехи, дромосы, каменные выкладки, дворики, остатки тризн. Для их выявления работа на памятнике будет продолжена, предполагается проведение археологических исследований широкими площадями.

- Горланов С.С., 2019. Отчет о научно-исследовательской работе (разведка) на дольменном комплексе в долине р. Озерейка в г.о. Новороссийск в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 64700.
- Дмитриев А.В., Дрыга Д.О., Малышев А.А., Моор В.В., 2018. Дольмены в антропогенном ландшафте полуострова Абрау // Сибирские исторические исследования. № 3. С. 139–157.
- Лавров Л.И., 1960. Дольмены северо-западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа (Сухуми). Т. XXXI. С. 101–178.
- Малышев А.А., 2018. Отчет. Археологические раскопки ОАН с целью их изучения и сохранения на Верхнегостагаевском городище, памятниках в урочище Даниленкова поляна, монументальных сооружений эпохи бронзы (дольменов) с. Владимировка, гора Гудзева г.о. Новороссийск Краснодарского края в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 61941.
- Марковин В.И., 1973. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения) // СА. № 1. С. 3–23.
- Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука. 328 с.
- Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко. 183 с.
- Сорохтин Г.Н., 1915. Дольмены Черноморской губернии и Кубанской области // Юбилейный сборник Крымско-кавказского горного клуба. Одесса. С. 90–104.
- Уварова П.С., 1904. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах // Материалы по археологии Кавказа. Т. IX. С. 170–175.
- Эрлих В.Р., 2018. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. Вып. 250. С. 7–24.

А.М. Камышанов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
akamysh010198@mail.ru*

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ АНТИЧНОЙ КОЛОНИИ НА ПРИМЕРЕ НИМФЕЯ В VI–III ВЕКАХ ДО Н.Э.

Анализ экономических систем с преобладанием аграрного сектора, к которым принадлежит и большинство античных колоний, с позиций последовательного рассмотрения потребностей в продуктах сельского хозяйства и возможностей их производства позволяет по-новому взглянуть на некоторые проблемы их исторического развития. Показательным примером служит экономика Нимфея в VI–III вв. до н.э., демонстрирующая примеры и взрывного роста, и коллапса сельскохозяйственной отрасли.

В проблеме спроса на товары сельскохозяйственного производства определяющими являются два фактора: внутренний и внешний спрос. Внутренний спрос на зерно, бобовые, мясо, вино и оливковое масло в Нимфее в VI – первой трети III в. до н.э. имел

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.110-112>

тенденцию к устойчивому росту за счет увеличения населения (Грач, 1999. С. 180): город развивался, расширялась и заселялась его хора. Исключением мог быть период первой четверти IV в. до н.э., в течение которого война Боспора против Феодосии сдерживала развитие Нимфея (см. напр.: Масленников, 1998. С. 43–44).

Схожим образом обстоит ситуация с внешним спросом. На протяжении значительной части рассматриваемого периода, как минимум с последней трети V в. до н.э., главным импортером нимфейского зерна были растущие Афины, постоянно нуждавшиеся во все большем количестве хлеба (Кузнецов, 2000. С. 110).

Удовлетворение этих потребностей обуславливалось производственными возможностями полиса. К факторам этой группы можно отнести наличие плодородных почв на контролируемой территории, достаток рабочей силы, уровень технологического развития и бытующие формы хозяйствования. На протяжении рассматриваемого периода Нимфей периодически расширял свою хору, осваивая наиболее плодородные земли, особенно в IV в. до н.э., находясь под защитой Спартокидов (Зинько, 2003; Гарбузов, 2018а. С. 32. Рис. 3). Население города росло, поэтому недостатка в рабочей силе не было. Вероятно, в IV в. до н.э. все большую роль играло рабовладение, хотя нимфейские материалы не позволяют говорить об этом уверенно (Кругликова, 1975. С. 96). Происходило развитие агротехники: освоение яровых позволило усреднять урожайность и избегать голодных лет (Гарбузов, 2018б. С. 20), получало распространение двухполье или даже трехполье (Кутайсов, 2002. С. 291), гипотетически мог использоваться плуг (Кругликова, 1975. С. 168). Таким образом, никаких экономических предпосылок к коллапсу сельского производства в конце первой трети III в. до н.э. мы не видим. Предположение об экологической катастрофе на дальней хоре Боспорского царства (см. напр.: Масленников, 2015) не объясняет запустение ближней хоры городов, в том числе Нимфея.

В связи с этим встает вопрос о причинах полного разрушения сельскохозяйственной системы. Прежде всего, отметим тенденцию к взрывному росту товарного производства зерновых на Боспоре на протяжении всего IV в., что влекло за собой удешевление их стоимости на внешнем рынке. В Нимфее к середине IV в. до н.э. практически исчерпались возможности быстрого экстенсивного роста: все наиболее плодородные земли были освоены (Зинько, 2003. С. 159; Гарбузов, 2018а. С. 32. Рис. 3). Интенсификация производства и уменьшение цены на хлеб, вероятно, приводили к тому, что сельские поселения постепенно перестраивались: на смену маленьким хозяйствам приходили высокоэффективные усадьбы; начался длительный процесс концентрации земельной собственности (Кругликова, 1975. С. 93–94, 99).

Таким образом, рост производства зерна замедлился, а его потребление на внутреннем рынке постоянно увеличивалось за счет роста населения, что рано или поздно должно было привести к сокращению массы экспортируемого зерна и уменьшению прибылей, особенно в условиях падения цен на хлеб в раннеэллинистическое время. Однако отметим, что негативные процессы в Нимфее и других полисах компенсировались в масштабах Боспорского царства расширением возделываемых земель как минимум вплоть до рубежа IV–III вв. до н.э., а также включением в зону экономического влияния новых варварских территорий еще в первой четверти III в. до н.э. (Виноградов, Марченко, 2014. С. 147).

При таком развитии в первой половине III в. до н.э. Нимфей вместе со всем Боспорским царством должен был постепенно вступить в полосу снижения объемов внешней торговли и вынужденной перестройки и диверсификации сельского хозяйства. Однако разгром скифов сарматами на рубеже IV и III вв. до н.э. сократил торговые возможности Боспора и, вероятно, ускорил наступление кризиса, выражавшегося в снижении денежного потока и следующем за ним монетном упадке, обернувшимся дестабилизацией царства, военным поражением от варваров и коллапсом сельскохозяйственной системы (Виноградов, Марченко, 2014. С. 147–149).

- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 2014. Северное Причерноморье в III в. до н.э. // Археологические вести. № 20. С. 143–164.
- Гарбузов Г.П., 2018а. Земельные ресурсы Боспора: теоретическая оценка и реальная практика // Древности Боспора. Т. 22. С. 24–40.
- Гарбузов Г.П., 2018б. К оценке урожайности зерновых на античном Боспоре // ПИФК. № 1. С. 12–23.
- Грач Н.Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.: Наука. 328 с.
- Зинько В.Н., 2003. Хора боспорского города Нимфея. Симферополь; Керчь. 316 с. (Боспорские исследования. Вып. IV).
- Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
- Кузнецов В.Д., 2000. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. № 1. С. 107–120.
- Кутайсов В.А., 2002. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. № 12. С. 291–307.
- Масленников А.А., 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик. 304 с.
- Масленников А.А., 2015. Экологический кризис на Боспоре? // ПИФК. № 4. С. 74–84.

В.И. Лясович

*Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа
vsevolodlyasovich@yandex.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ НАСЕЛЕНИЕМ КАРА-АБЫЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК Г.В. ЮСУПОВА В РАЙОНЕ Г. КУРМАНТАУ В ГАФУРИЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

В специальной литературе не раз возникал вопрос о характере появления бронзовых наконечников стрел в кара-абызской археологической культуре. В.А. Иванов высказал мнение, что их происхождение могло быть связано с южными пришельцами, оставившими курганную часть Шиповского могильника (Иванов, 1984. С. 7–8).

Химический анализ артефактов из погребений Шиповского и Охлебининского могильников кара-абызской культуры дал С.В. Кузьминых основания говорить о еленовско-ушкатинской группе металлов (Кузьминых, 1983. С. 51), которую Е.Н. Черных связывал с районом северных Мугоджар (Черных, 1970. С. 15, 35–48). Импортное происхождение материала не объясняет попадание всех наконечников в кара-абызскую среду в готовом виде, так как мог быть заимствован сам предмет, сырье или форма.

Утверждение, что бронзовые наконечники могли изготавливаться кара-абызскими племенами, не беспочвенно. Результаты работ Г.В. Юсупова и Т.Н. Троицкой по исследованию поселений эпохи железа в Гафурийском районе Башкирии в 1950-е годы стали первыми свидетельствами наличия крупного металлургического центра в районе г. Курмантау. В 1954 г. ими найдены 55 экземпляров наконечников стрел с кара-абызских поселений региона (Юсупов, 1954. Рис. 9, 15, 20, 25, 44). Культурная и территориальная близость позволила объединить их в Курмантау-Табынский куст памятников (Савельев, 2017. С. 31). Часть наконечников обнаружена в очаге, другая в зольной полосе селища Курмантау (Юсупов, 1959. С. 62). Там же зафиксированы литейные формы, бронзовые шлаки, слиток бронзы и обломок сопла для плавильной печи (Юсупов, 1959. С. 63). Приуроченность бронзовых наконечников стрел к зольникам наблюдается и на соседнем поселении – Касьяновском городище. С его площадки также удалось получить каменную литейную форму для кельта (Юсупов, 1959. С. 64). На бронзовых наконечниках с Курмантаевского городища даже не были отбиты литники (Юсупов, 1959. С. 79).

Г.В. Юсупов и Т.Н. Троицкая также отметили неравномерность и выборочность территориального распространения наконечников стрел. К примеру, на Воскресенском, Михайловском и Табынском городищах они вообще отсутствовали. В то же время стрелы

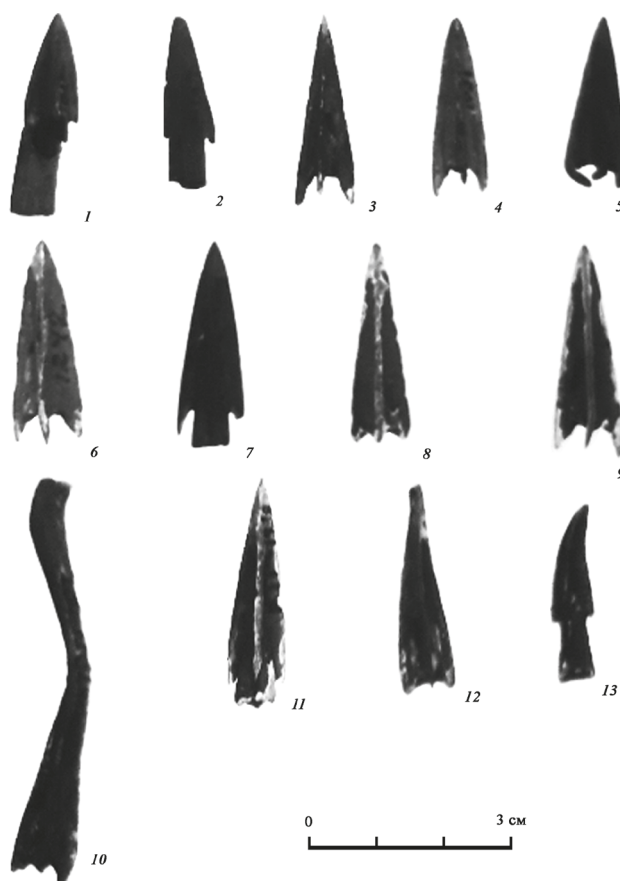

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел района г. Курмантау.

1–5 – Курмантау-5, селище; 6–9 – Касьяновское городище; 10–13 – Курмантаевское городище.

с селища Курмантау и Курмантаевского городища идентичны друг другу (Юсупов, 1959. С. 66) и датируются в пределах V – рубежа IV–III вв. до н.э. (рис. 1)¹ (Куринских, 2011. С. 51).

Проведенное в 2012–2013 гг. С.В. Воробьевой археологическое обследование Курмантаевского городища и его окрестностей позволило обнаружить на нем: а) поселения со следами металлообработки (Воробьева, 2013. С. 53–58); б) бронзовые наконечники стрел; в) лом цветных металлов. (Воробьева, 2014. С. 28). Обломки бронзовых котлов, гривен, сплески бронзы наводят на мысль об использовании кара-абызским населением вторсырья для литейного производства

Анализ переданных С.А. Григорьеву шлаков и выплесков меди с памятников района г. Курмантау (Воробьева, 2014. С. 28) показал, что технология плавки меди на поселениях кара-абызской культуры близка зауральским иткульским традициями. Вероятно, жители этих поселений специализировались на плавке металлов из-за близости рудных источников (Григорьев, 2016. С. 86–87), хотя непосредственно вблизи поселков их нет.

Перечисленные артефакты, а также обстоятельства их обнаружения позволяют говорить, что вооружение из бронзы могло производиться в кара-абызской среде.

Воробьева С.А., 2013. Историко-культурный потенциал археологического микрорайона горы Курмантау (по итогам работ 2011 и 2012 гг.) // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН. С. 52–60.

Воробьева С.А., 2014. Селище Курмантау – металлургический комплекс эпохи раннего железа // Международная полевая школа в Болгаре / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань; Болгар: КФУ. С. 26–32.

¹ Коллекция Г.В. Юсупова и Т.Н. Троицкой из археологических исследований в районе г. Курмантау (Гафурийского р-на) утеряна. Для работы доступны только фотографии наконечников стрел в научном отчете.

- Воробьева С.А., 2017. Результаты археологических исследований 2013 г. на Курмантаевском городище эпохи раннего железа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 4 (49). Сургут: СурГПУ. С. 101–113.
- Григорьев С.А., 2016. Шлаки раннего железного века башкирского Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 16 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН. С. 72–87.
- Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука. 87 с.
- Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука. 257 с.
- Куринских, О.И., 2011. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. № 3. С. 42–54.
- Савельев Н.С., 2017. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 17 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 17–38.
- Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука. 185 с. (МИА. № 172).
- Юсупов Г.В., 1954. Отчет об археологических исследованиях в районе Курман-Тау Гафурийского района в 1954 г. // Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 297.
- Юсупов Г.В., 1959. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР. С. 58–87.

Ц. Му

*Алтайский государственный университет, Барнаул
tujinshan@mail.ru*

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА В ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ¹

Расписная керамика – особый вид посуды в пазырыкской культуре. Она обнаружена при раскопках погребальных памятников, расположенных в разных районах Алтая (рис. 1): Ала-Гаил-III; Аргут-I; Барагаш; Барбургазы-I; Бике-I; Бике-III; Верх-Еланда-II; Инской дол; Карбан-III; Кастахта; Кок-Су-I; Кок-Эдиган-II; Кызыл-Джар-I; Кырлык-II; Сары-Кобы; Ташанта-II; Тыткескен-VI; Усть-Чоба-I; Ханкаринский дол; Чултуков Лог-I; Юстыд-XII; Юстыд-XXII и др. Автором публикации собрана и проанализирована информация о 54 сосудах с орнаментом, нанесенным краской разного цвета (черной, красноватой, оранжевой, желтоватой, коричневатой). Не все эти изделия опубликованы. Большая часть находок дается в статьях и монографиях в черно-белом изображении, что затрудняет их объективное восприятие. Поэтому проводилась работа непосредственно с сосудами, оказавшимися доступными на момент исследований. Основная цель данного сообщения – продемонстрировать результаты изучения расписной керамики пазырыкской культуры и изложить основные мнения о ее происхождении.

Специально рассматривал раскрашенные глиняные сосуды В.Д. Кубарев. Он не только обнаружил такие изделия, но и высказал предположение о том, что они изготовлены на Алтае местными мастерами и являются более древними, чем в Туве, Монголии и Восточном Казахстане (Кубарев, 1990; 1992. С. 43–49; Кубарев, Слюсаренко, 1990; и др.). Н.Ф. Степанова сравнила расписную керамику Алтая с аналогичной посудой из соседних и отдаленных регионов и пришла к выводу, что она имела широкое использование, разную концентрацию и локальные особенности (Кирюшин, Степанова, 2000). Н.В. Полосьмак (2001) отметила, что расписная керамика существовала в Синьцзяне в бронзовом веке, и, возможно, древняя традиция повлияла на оформление пазырыкских сосудов. Но специально эту тему исследовательница не разрабатывала.

На расписной керамике Алтая имеются разные орнаменты. По материалам из раскопок курганов Юго-Восточного и Центрального Алтая В.Д. Кубарев разделил их на три группы: 1) спирали или волнообразные завитки, горизонтальные зигзаги и зубцы (орнамент нанесен, как правило, в средней или пригорловой части сосуда); 2) змееподоб-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-39-90022.

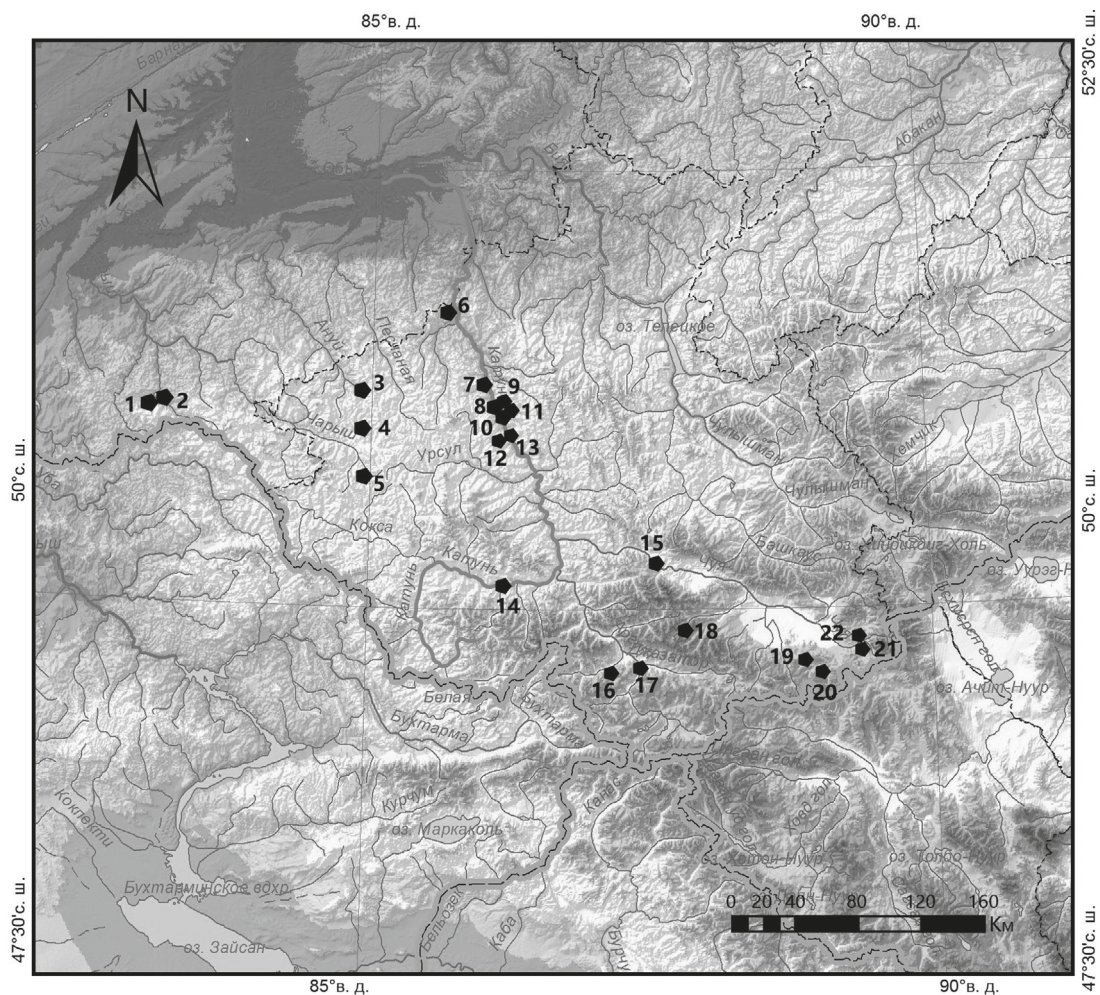

Рис. 1. Памятники пазырыкской культуры, где обнаружена расписная керамика.

1 – Инской дол; 2 – Ханкаринский дол; 3 – Чултуков Лог-I; 4 – Сары-Кобы; 5 – Кырлык-II; 6 – Барагаш; 7 – Тыткескень-VI; 8 – Бике-I; 9 – Бике-III; 10 – Карбан-III; 11 – Верх-Еланда-II; 12 – Усть-Чоба-I; 13 – Кок-Эдиган-II; 14 – Кастахта; 15 – Ала-Гаил-III; 16 – Кок-Су-I; 17 – Аргут-I; 18 – Кызыл-Джар-I; 19 – Барбургазы-I; 20 – Ташанта-II; 21 – Юстыд-XII; 22 – Юстыд-XXII.

ные (волнистые или зигзагообразные) фигуры; 3) криволинейные фигуры, включающие в себя плавные изгибы, зигзаги, спирали, петли и т.п. (Кубарев, 1990. С. 34–36). Изучив сосуды из могильника Тыткескень-VI (Северный Алтай), Н.Ф. Степанова также выделила разные виды нанесенных краской узоров, известных на других предметах пазырыкской культуры. Она показала, что керамика с таким декором составляет не менее 17 % найденной на Алтае посуды (Кирюшин, Степанова, 2000; Кирюшин и др., 2003. С. 100–103). Некоторые исследователи считают расписную керамику жертвенной утварью, видят в орнаментах текстовую систему, подписи мастеров и другие мотивы.

Сравнивая типы посуды в разных регионах, можно обнаружить, что расписная керамика яньбулакской культуры (яньбулакэ) Восточного Синьцзяна наиболее близка пазырыкской. Яньбулакская культура датируется XIII–IV/III вв. до н.э., ее существование делится на три этапа. На первых двух зафиксирована расписная керамика (Шао Хуэйцю, 2018), внезапно исчезнувшая после VI в. до н.э., но появившаяся в то же время на Алтае. Прояснение это факта требует специального исследования.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2000. Расписная керамика скифского времени могильника Тыткескень-VI со Средней Катунь // Актуальные вопросы истории Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, В.А. Скубневский. Барнаул: АлтГУ. С. 35–40.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: АлтГУ. 234 с.

- Кубарев В.Д., 1990. Расписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. С. 31–55.
- Кубарев В.Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука. 220 с.
- Кубарев В.Д., Слюсаренко И.Ю., 1990. Расписные сосуды из курганов урочища Бике // Археологические исследования на Катуни / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука. С. 185–192.
- Полосьмак Н.В., 2002. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО. 336 с.
- Шао Хуэйцю [邵会秋], 2018. Эволюция доисторической культурной модели Синьцзяна и ее связь с культурой соседей [新疆史前时期文化格局的演进及其与周邻文化的关系] // [Научная Пресса [科学出版社].

Е.Н. Новожилова

*Алтайский государственный университет, Барнаул
beskupin@yandex.ru*

ОТКРЫТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ В.В. РАДЛОВЫМ «ЦАРСКИХ» КУРГАНОВ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ НА АЛТАЕ: ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пазырыкская культура (вторая половина VI – III в. до н.э.) – одна из ярких страниц древней истории Евразии. Она является предметом исследований многих ученых. Курганы Алтая с замерзшими могилами сохранили уникальные артефакты из органических материалов (древесины, кожи, меха, войлока, тканей и др.). Термин «пазырыкская культура» впервые использовал В.Н. Чернецов (1954) в опубликованной рецензии на одну из монографий С.И. Руденко, но обоснование термина и широкое применение произошло значительно позже.

Начало изучения пазырыкских древностей связано с деятельностью известного отечественного ученого В.В. Радлова. В 1865 г. на Алтае он раскапывал Катандинский и Берельский курганы крупных размеров (Артюх, 2010. С. 8; Тишкина, 2010. С. 45). Работы проводились на уровне развития археологии второй половины XIX в. Полученные находки и их анализ дали сведения о быте и занятиях древнего населения Центральной Азии скифского времени. Вскрытие указанных курганов сопровождалось большими трудностями. Могилы оказались сильно промерзшими, что замедляло ход раскопок, однако удалось зафиксировать важные результаты. В Катандинском кургане, например, обнаружили необычную одежду – фрак и кафтан (Радлов, 1989. С. 448), а в Берельском кургане оказались захоронены 16 лошадей (Радлов, 1989. С. 450).

В.В. Радлов предпринял попытку реконструкции погребального обряда на основе исследованных археологических объектов. Для этого он привлек китайские источники, содержавшие сведения о погребально-поминальных традициях древних и средневековых кочевых народов (Тишкин, Дашковский, 2004. С. 21). Исходя из имевшейся информации, В.В. Радлов предположил, что умерших людей хоронили либо осенью, либо весной. Исследователь отметил, что захоронения лошадей осуществлялись как «богатое жертвоприношение по случаю смерти» (Радлов, 1989. С. 460). По найденному сопроводительному инвентарю он идентифицировал пол погребенных и сделал вывод о кочевом образе жизни древних насельников Алтая. Об этом также свидетельствовали увиденные им наскальные рисунки, изображавшие «исключительно всадников и ни одного пешего» (Радлов, 1989. С. 472). В итоговой публикации ученый подчеркнул, что на Алтае и сопредельных территориях жил воинственный народ, совершавший набеги на соседние оседлые племена. В раскопанных погребениях в качестве сопроводительного инвентаря у мужчин находилось оружие (Радлов, 1989. С. 470). «Мы располагаем таким богатым собранием древностей железного века из Южной Сибири, что совсем нетрудно проследить историю развития культуры этого народа», – отмечал В.В. Радлов (1989. С. 461). Находки, полученные в ходе масштабных раскопок, позволили ему указать на торговые отношения в древности. Отмечен и такой факт: «...не подлежит сомнению, что металлы добывались и обрабатывались здесь же, на Алтае» (Радлов, 1989. С. 463).

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.116-117>

Давая подробное описание устройства Катандинского и Берельского курганов с каменной наброской и сравнивая их с исследованными погребениями бронзового века, В.В. Радлов сделал вывод, «что народ, оставивший эти курганы, проник с юга на Южный Алтай примерно в начале железного века» (Радлов, 1989. С. 463). Это заключение указывало на решающую роль пришлого инокультурного компонента в формировании культуры населения Алтая скифо-сакского времени (Тишкин, Дашковский, 2004. С. 21).

Исследователь старался осмыслить и искусство древних кочевников Алтая. По его мнению, образы животных, в том числе фантастические, были связаны с религиозно-мифологическими представлениями кочевников (Тишкин, Дашковский, 2004. С. 21).

В 1865 г. В.В. Радлову не удалось полностью исследовать оба погребения. Поэтому по инициативе С.И. Руденко в 1954 г. А.А. Гаврилова доисследовала Катандинский курган, а в 1959 г. С.С. Сорокин – Берельский. Для осмысления археологического материала В.В. Радлов привлекал сведения и аналитические определения разных наук (этнографии, лингвистики, химии и др.). Он одним из первых стал применять междисциплинарный подход в исследовательской практике. При этом особое внимание уделялось реконструкции жизнедеятельности древних обществ, о которых нет прямых письменных источников (Тишкин, Дашковский, 2004. С. 20).

Таким образом, археологическое наследие В.В. Радлова и сделанные им исторические заключения имеют большое значение для современных исследователей как первый опыт осмысления феномена пазырыкской культуры.

Артюх Е.А., 2010. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. Барнаул: АлтГУ. 295 с.

Радлов В.В., 1989. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука. 750 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул: АлтГУ. 238 с.

Тишкина Т.В., 2010. Археологические исследования на Алтае (1860 – 1930-е годы). Барнаул: Азбука. 288 с.

Чернецов В.Н., 1954. Рец. на кн.: С.И. Руденко. «Культура населения Горного Алтая в скифское время». М.; Л., 1953 // СЭ. № 2. С. 183–187.

К.Ю. Пельве

НИЦ «Курчатовский институт», Москва

kpelve@gmail.com

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИИ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МРАМОРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ¹

За время археологического изучения Пантикапея, начавшегося еще в XIX в. и продолженного Боспорской археологической экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина, найдено большое количество изделий из мрамора. Это эпиграфические памятники, скульптура и ее фрагменты, архитектурные детали, предметы бытового и культового назначения (Кузнецов, Толстиков, 2017; Матковская, 1992; Савостина, 2012). В отечественной историографии каждой из групп посвящена обширная литература, но материал этих изделий как источник практически не рассматривался и с применением естественнонаучных методов не изучался.

В мировой же практике одним из направлений изучения античных мраморных изделий с помощью естественнонаучных методов является определение месторождения материала, использованного для их изготовления. Подобные исследования могут помочь в реконструкции торговых связей и динамики их изменения во времени. Для греческих полисов Северного Причерноморья такая постановка проблемы особенно актуальна по причине того, что мрамор здесь был привозной. На данный момент в Средиземномор-

¹ За помощь в подготовке работы и научное руководство благодарю научного сотрудника кафедры археологии МГУ им. М.Ю. Ломоносова, кандидата исторических наук Татьяну Валерьевну Егорову.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.117-119>

ском регионе известно более 30 мраморных месторождений, разрабатывавшихся в античности. Наиболее значимые расположены в материковой Греции (Пентели, Имитос), на островах Эгейского моря (Парос, Наксос, Фасос, Проконнес), в Анатолии (Афьон, Эфес, Денизли и Афродисий) и в Италии (Каррара).

Первая публикация, посвященная определению происхождения мрамора, увидела свет в 1890 г. (Moltesen et al., 1992. Р. 277). Однако активная работа по этой теме началась только во второй половине XX в. (Craig, 1972. Р. 401–403). Сложности, с которыми сталкивается исследователь при решении данной задачи, связаны, в первую очередь, с высокой однородностью свойств образцов из разных месторождений. К настоящему моменту сформированы подходы, позволяющие определять происхождение мрамора, и основной их принцип – комбинирование естественнонаучных методов. Для всех используемых методик определение происхождения заключается в сравнении полученных результатов с данными анализов мрамора различных древних карьеров.

Основные применяемые методы – масс-спектрометрия для определения содержания изотопов $^{13}\text{C}/^{18}\text{O}$ и петрографический анализ, который в современных исследованиях сводится к измерению максимального размера зерна мрамора (MGS). В качестве дополнительной методики успешно используется сравнение ЭПР-спектров Mg^{2+} (метод спектрометрии электронного парамагнитного резонанса) (Tambakopoulos, Maniatis, 2017. Р. 206). Они дополняются рентгенофазовым анализом с целью определения соотношения фаз мрамора, в первую очередь кальцитовый и доломитовый. Рядом исследователей в качестве дополнительного метода успешно применяется катодolumинесценция (Mrozek-Wysocka, 2014. Р. 108).

Для изучения мрамора из раскопок городища Пантикапей были отобраны четыре предмета¹: фрагменты гекатейона I в. до н.э. – I в. н.э. и кисти правой руки скульптуры I в. до н.э. из Святилища на Акрополе (Толстиков, 1987. С. 103–107); фрагменты двух архитектурных профилированных деталей ионического ордера из слоев IV–III и II–I вв. до н.э. Микроскопические порошковые пробы изучались с помощью метода газовой изотопной масс-спектрометрии, являющегося основным для определения происхождения мрамора. Работы проводились на спектрометре *Delta V Advantage* фирмы *Thermo Finnigan* в лаборатории геохимии горючих ископаемых Геологического факультета МГУ.

В результате серии анализов установлено, что содержание изотопов $^{13}\text{C}/^{18}\text{O}$ в мраморе фрагментов гекатейона и руки скульптуры одинаково в пределах погрешности, т.е., можно небезосновательно предположить происхождение материала из одного месторождения. Изотопный состав мрамора двух архитектурных деталей также одинаков, но не совпадает с составом мрамора скульптурных фрагментов, что, скорее всего, свидетельствует о другом его источнике.

Полученные результаты не позволяют сделать вывод о точном месте происхождения мрамора, но сужают круг возможных месторождений. Наиболее вероятными для гекатейона и руки скульптуры можно считать Наксос, Проконнес или Пентели, а для архитектурных деталей – Парос, Проконнес или Имитос. Для определения же точного происхождения необходимо применение дополнительных методик.

Кузнецов В.Д., Толстиков В.П., 2017. Пантикапей и Фанагория. Две столицы боспорского царства: каталог выставки. М. 440 с.

Матковская Т.А., 1992. Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора I в. до н.э. – II в. н.э. // Археология и искусство Боспора. № 10. М. С. 387–406 (СГМИИ).

Савостина Е.А., 2012. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь. 390 с.

Толстиков В.П., 1987. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. № 1. С. 88–114.

Moltesen M., Herz N., Moon J., 1992. The Lepsius Marbles // *Asmosia*. II. Р. 277–278.

¹ Выражаю искреннюю благодарность руководителю Боспорской археологической экспедиции, заведующему отделом искусства и археологии Античного мира ГМИИ имени А.С. Пушкина, кандидату исторических наук Владимиру Петровичу Толстикову за ряд важных консультаций и помощь в подборе материала для исследования.

- Mrozek-Wysocka M., 2014. Ancient marbles: Provenance determination by archaeometric study // *Geoscience in Archaeometry. Methods and Case Studies* / Eds. D. Michalska, M. Szczepaniak. P. 99–122.
- Tambakopoulus D., Maniatis Y., 2017. Determination of the marble source of sculpture and other objects found in Halasarna, Kos / Halasarn. V conference. Athens.

С.С. Радовский, Н.Н. Серегин

*Алтайский государственный университет, Барнаул
radovskiy1996@mail.ru
nikolay-seregin@mail.ru*

НОВЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ АЛТАЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ¹

В последние десятилетия усилиями многих исследователей методы информатики успешно интегрируются в историческую науку (Владимиров, Колдаков, 2011; Гарскова, 2012). Эта тенденция фиксируется и в рамках разностороннего изучения археологических материалов (Абдулганеев, Владимиров, 1997; Бородовский, Олещак, 2015). Так, для систематизации и обработки большого объема информации нередко используется формат электронных баз данных (далее БД). Только по материалам Алтая археологами разработаны более десяти БД, посвященных различным тематикам (Лысов, 2012; Тарасова, 2012; Тишкин, Лукерина, 2014; Серегин, Леонов, 2018; Каранина, Трифанова, 2019; Серегин, Радовский, 2019; и др.).

Авторами статьи за последние годы проведена масштабная работа по созданию серии БД, в которых собраны сведения о погребально-поминальных комплексах Алтая и Монголии раннего железного века и Средневековья. Материалы двух из них кратко представлены в настоящих тезисах. Обе базы данных прошли процедуру официальной регистрации.

БД «Погребальные комплексы пазырыкской культуры Алтая скифо-сакского времени» представляет собой электронный справочник, состоящий из одной таблицы и формы, созданных в Microsoft Access 2007–2010. Сведения о некрополях горной части обозначенного региона скифо-сакского времени систематизированы в этой базе в рамках следующей структуры: 1) № памятника; 2) название памятника; 3) субъект (регион); 4) район; 5) к какой реке приурочен; 6) место расположения; 7) автор раскопок, место публикации; 8) годы раскопок (обнаружения); 9) количество объектов; 10) количество исследованных объектов скифо-сакского времени; 11) датировка; 12) локальный вариант культуры; 13) ограбленность; 14) наличие инвентаря; 15) вооружение; 16) поясная фурнитура; 17) предметы быта; 18) предметы туалета; 19) керамика; 20) украшения; 21) предметы культа; 22) заупокойная пища; 23) сопроводительное захоронение лошади; 24) снаряжение лошади; 25) элитные комплексы.

Представленная структура БД позволяет провести всесторонний анализ погребальных комплексов Алтая скифо-сакского времени. Рассматриваемый формат создает возможности для осуществления выборки памятников по территории, количеству объектов, авторам раскопок, категории инвентаря, наличию элитных комплексов и другим параметрам. В частности, полученные сведения позволили установить, что наибольшее число памятников рассматриваемого периода обнаружено в Кош-Агачском (64 некрополя) и Чемальском (45 могильников) районах Республики Алтай. Общее количество известных погребальных комплексов скифо-сакского времени Алтая составляет около 200. На этих памятниках к настоящему времени раскопано свыше 960 объектов.

БД «Археологические комплексы раннесредневековых тюрок Алтая» также представляет собой электронный справочник, состоящий из двух таблиц и формы, созданных также в Microsoft Access 2007–2010. В информационном ресурсе приведены сведения

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-2381.2020.6).

о результатах раскопок памятников горной части обозначенного региона, относящихся ко второй половине V – XI в. н.э., в рамках следующей структуры: 1) № памятника; 2) название памятника; 3) место расположения; 4) вид раскопанных объектов; 5) количество раскопанных объектов; 6) автор раскопок; 7) год исследования; 8) место публикации; 9) общая характеристика полученных материалов; 10) датировка; 11) примечания. Концепция БД создает условия для получения общих сведений об объектах, а также позволяет произвести первичную статистическую обработку накопленной информации. В этом электронном справочнике систематизированы сведения о 144 (76 погребальных и 68 поминальных) памятниках раннесредневековых тюрок Алтая. На указанных комплексах раскопано свыше 180 погребальных и более 300 поминальных объектов.

Представленные БД демонстрируют один из вариантов обобщения массива сведений о погребальных и поминальных комплексах Алтая различных хронологических периодов. В рамках рассматриваемых ресурсов приведена основная информация историографического характера об исследованных на сегодняшний день памятниках. Кроме того, БД обеспечивают быстрый доступ к необходимым сведениям, поиск которых сложно осуществить, учитывая их значительный объем.

В будущем планируется расширить указанные БД с учетом новых раскопанных комплексов. Одним из перспективных направлений использования рассматриваемых ресурсов является их размещение в открытом доступе, что сделает более удобным поиск и обработку археологических материалов Алтая раннего железного века и Средневековья.

- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул: АлтГУ. 148 с.
- Бородовский А.П., Олещак Л., 2015. 3D моделирование каменного погребального ящика эпохи раннего железа Горного Алтая // Теория и практика археологических исследований. № 2 (12). С. 93–98.
- Владимиров В.Н., Колдаков Д.В., 2011. Базы и банки данных в исторических исследованиях // Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности. Т. 1. Барнаул: АлтГУ. С. 5–24.
- Гарскова И.М., 2012. Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // Базы данных в исторических исследованиях. Барнаул: АлтГУ. С. 3–13.
- Каранина С.Ю., Трифанова С.В., 2019. База данных «Некрополи Алтая второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.» // Тюрко-Монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность. Барнаул: АлтГУ. С. 84–87.
- Лысов М.Ю., 2012. База данных «Предметы вооружения Алтая и сопредельных территорий скифо-сакского времени» // Базы данных в исторических исследованиях. Барнаул: АлтГУ. С. 107–119.
- Серегин Н.Н., Леонов А.С., 2018. База данных тюркских изваяний Алтая из музейных коллекций // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Горно-Алтайск: ГАГУ. С. 40–44.
- Серегин Н.Н., Радовский С.С., 2019. База данных некрополей быстринской культуры Алтая: Структура и возможности использования // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул: АлтГУ. С. 212–218.
- Тарасова А.С., 2012. Современные возможности создания базы данных по аппликациям пазырыкской культуры Алтая // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Барнаул: АлтГУ. С. 56–58.
- Тишкин А.А., Лукерина Я.Е., 2011. Формирование базы данных о лошадях Сибири поздней древности и средневековья // Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности. Т. 1. Барнаул: АлтГУ. С. 74–86.

КОНЦЕПЦИЯ «РАННИХ КОЧЕВНИКОВ» В ТРУДАХ М.П. ГРЯЗНОВА¹

В 1930 г. в секторе архаической формации ГАИМК была сформирована небольшая научная группа, получившая условное название «ИКС» (по первым буквам предмета изучения – истории кочевого скотоводства). В нее вошли В.В. Гольмстен (руководитель), М.И. Артамонов, Г.П. Сосновский и М.П. Грязнов (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 21). Их деятельность была направлена на изучение материальной культуры кочевников и ее социологическую интерпретацию (Васютин, 2002. С. 31). Несмотря на непродолжительное существование, группа фактически заложила основы для дальнейшего развития отечественного кочевниковедения. Важным результатом проделанной работы стал вывод о существовании в степях Евразии комплексного земледельческо-скотоводческого оседлого хозяйства еще до появления кочевников. Также было установлено, что кочевое хозяйство возникло лишь в конце эпохи бронзы и окончательно утвердилось в период распространения железа в скифо-сарматских культурах (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 22). Эти и другие идеи в дальнейшем нашли отражение в трудах М.П. Грязнова.

В 1939 г. в подготовленный ИИМК коллективный труд «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» был включен параграф «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана» (Грязнов, 1939). Опираясь на археологические материалы с территории Алтая и Казахстана, М.П. Грязнов попытался отразить в нем концепцию ранних кочевников, обозначив три этапа: 1) майэмирский (VII–V вв. до н.э.); 2) пазырыкский (V–III вв. до н.э.); 3) шибинский (II в. до н.э. – I в. н.э.) (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 22). Представленное деление излагалось «в популярной форме, без достаточной аргументации» (Грязнов, 1947. С. 9), а сама концепция нуждалась в более детальном обосновании.

В 1945 г. на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК М.П. Грязнов представил доклад «Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае». В статье, подготовленный на основе доклада, приводились характерные и отличительные признаки указанного этапа (Грязнов, 1947. С. 8). Позже, учитывая результаты раскопок на комплексе памятников Ближние Елбаны, Михаил Петрович сузил хронологические рамки майэмирского этапа до VII–VI вв. до н.э. (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 23), а также разграничил области распространения памятников ранних кочевников Алтая и памятников большереченской культуры Верхнего Приобья (Грязнов, 1956а. С. 44).

В 1956 г. вышла статья М.П. Грязнова «Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников». На основе накопленного материала делался вывод об отсутствии на указанной территории единого этнического и политического массива населения и о вероятном соотношении его с несколькими археологическими культурами (Грязнов, 1956б. С. 33). Исследователь опроверг появившуюся ранее теорию, согласно которой Казахстан в эпоху ранних кочевников рассматривался лишь как место стыка разных культур.

В монографии «Аржан – царский курган раннескифского времени» М.П. Грязнов обозначил аржанский этап культуры ранних кочевников Тувы (Грязнов, 1980. С. 52). Результаты раскопок кургана привели к необходимости внесения корректив в существовавшие тогда представления.

Предложенная М.П. Грязновым концепция основывалась на стадийной теории развития обществ. Попытки ученого наполнить ее археологическим материалом приводили к определенным противоречиям (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 24). Эти разработки в настоящее время стали предметом историографического изучения. Сам термин «ранние кочевники» до сих пор используется исследователями при изучении древней истории Центральной Азии.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-49-220006.

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.121-122>

- Васютин С.А., 2002. Проблемы социальной и потестарной организации ранних кочевников в трудах Михаила Петровича Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: ГЭ. С. 30–33.
- Грязнов М.П., 1939. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. В 2-х тт. На правах рукописи. М.; Л.: АН СССР. С. 399–413.
- Грязнов М.П., 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. 18. С. 9–17.
- Грязнов М.П., 1956а. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: АН СССР. 162 с.
- Грязнов М.П., 1956б. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61. С. 8–16.
- Грязнов М.П., 1980. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука. 62 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: АлтГУ. 430 с.

В.Г. Юрков

ГБОУ школа № 171, Москва

vladlen.yurkov.v@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА КЕРАМИКИ ИЗ МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Маркульское городище – археологический памятник, расположенный в Очамчирском районе Абхазии. Датируется в целом с IV в. до н.э. по XIV в. н.э. Выделяются два основных хронологических участка: на юго-западном склоне (от эллинизма до римского времени) и на вершине плато (римский период – Средневековье). Исследования на городище с 2014 г. ведет совместная российско-абхазская Маркульская археологическая экспедиция под руководством Г.В. Требелевой и С.М. Саканиа. За время работ вскрыто около 120 кв. м, накоплен определенный объем данных, в том числе по массовому материалу – керамике. Сегодня назрел вопрос ее статистической обработки¹.

На территории городища выделены пять отдельных участков (юго-западный склон и четыре участка на плато), отличающихся характером, датировкой и назначением:

1) юго-западный склон, где зафиксированы следы поселения с IV в. до н.э. по первые века нашей эры;

2) башня Алахаш-абаа – оборонительная башня, датируемая в целом с III в. н.э. по XIV в. н.э.; основная масса керамики здесь происходит из района очага, расположенного под слоем нижнего пола, следовательно, датируемого античным периодом;

3) храм и его территория – с конца IV в. н.э. по XIV в. н.э.; основная масса керамики происходит из погребений с инвентарем, датируемых IV–VI вв. н.э.;

4) Северная башня – примерно с III в. н.э. по XIV в. н.э.; для анализа взята керамика из слоя между верхним и нижним полом, датируемая цебельдинским периодом (примерно с III в. н.э. по VII в. н.э.);

5) дорога на восточном склоне холма, где заложено два шурфа (рис. 1: а); здесь в основном тоже найдена керамика цебельдинского периода.

Учитывая, что площадь вскрытия на перечисленных участках различна, сравнение абсолютных чисел керамики будет некорректным. Поэтому для анализа и сравнения между собой выбран параметр отношения количества керамики к объему выкопанной земли. Этот показатель, конечно, также условен, но все же позволяет выделить отдельные тенденции. Рассматривалось общее количество керамики и ее профильных частей (табл. 1).

Как видно из графиков (рис. 1: в: I, II), отношение общего числа и числа профильных частей в целом по участкам совпадают: линии графика практически повторяют

¹ Материалы взяты из полевых отчетов Г.В. Требелевой за 2014 – 2019 гг., которой автор выражает признательность за возможность изучить их и за помощь в подготовке публикации.

Табл. 1. Статистическое распределение керамики по участкам Маркульского городища

Район	Глубина (м)	Площадь (м²)	Объем (м³)	Кол-во керамики (шт.)	Кол-во профилей (шт./%)	Процент керамики (шт./м³)	Процент профилей (шт./м³)
Храм	0,80	57	45,6	3280	288	72	6,31
Алахаш-абаа	0,60	10	6	704	56	117,3	9,34
Северная башня, замок	1,00	32	32	697	138	21,8	4,31
Шурф 1, дорога	0,35	1,5	0,525	16	3	30,5	5,71
Шурф 2, дорога	1,50	1	1,5	779	66	519,3	44,00
Юго-западный склон	1,50	19	28,5	1723	288	60,5	10,10

Табл. 2. Статистическое распределение керамики по квадратам раскопа Северной башни Маркульского городища

Кв.	Глубина (м)	Площадь (м²)	Объем (м³)	Кол-во керамики (шт.)	Кол-во профильных частей (шт.)	% керамики (шт./м³)	% профильных частей (шт./м³)
5А	1,10	4	4,40	1	0	0,23	0
5Б	1,20	4	4,80	84	26	17,50	5,41
5В	1,60	4	6,40	160	38	25,00	5,90
6А	0,73	4	2,90	188	26	64,80	8,90
6Б	0,73	4	2,90	97	1	33,45	0,34
6В	1,13	4	4,52	144	4	31,90	0,88
7А	0,50	4	2,00	17	0	8,50	0
7Z	0,50	4	2,00	6	0	3,00	0

Табл. 3. Распределение импортной керамики по участкам Маркульского городища

Участок	Керамики всего на 1 м3	Импортная, всего шт./на 1 м3	Процент импортной керамики к общему числу/ к числу керамики импортной на м3
Храм	3280/288	15/0,33	0,46/0,11
Алахаш-абаа	704/56	1/0,16	0,14/0,28
Юго-западный склон	1723/288	83/2,9	4,82/3,49
Северная башня	846/138	4/0,12	0,47/0,01

друг друга. Наблюдаются резкое выделение на фоне других участков шурфа 2 и небольшой подъем на башне Алахаш-абаа. Попробуем определить возможные причины этого. Шурф 2 заложен на участке резкого подъема дороги, поэтому рост количества керамики возможен за счет падения керамических изделий с везущей их арбы. Раскоп в башне Алахаш-абаа вскрыл место очага, поэтому, возможно, и количество керамики здесь выше за счет того, что билась посуда, используемая для приготовления пищи. Рассмотрим типы керамики, встречающиеся на этих участках: тарная (крупные сосуды типа амфор и пифосов), столовая (миски, небольшие кувшины, маленькие тонкостенные орнаментированные горшки без следов огня), кухонная керамика (горшки). На диаграмм-

мах (рис. 1: в: I, II) данные представлены в процентном отношении отдельного вида к общему числу керамики. В башне Алахаш-абаа кухонная посуда составляет абсолютное большинство (73 %), что подтверждает теорию о том, что она билась при приготовлении пищи. Большая доля (67 %) кухонной посуды представлена и на участке храма. Здесь это обломки горшков, возможно поставленные в погребение: на юго-западном склоне вскрыта могила женщины, в ногах которой стоял именно горшок (Требелева и др., 2018, С. 267–268). В целом на раскопанных участках доля тарной керамики невелика, но минимальный процент она составляет на дороге. Скорее всего, это связано с перевозкой ее внизу арбы и надежной фиксацией; скатывались, падали в основном уложенные сверху более мелкие предметы: горшки, кувшины и миски. Кстати, максимальная доля столовой посуды оказалась именно на дороге, в шурфе 2 она составила примерно столько же, сколько и кухонная.

Рассмотрим отношение количества керамики к объему выкопанной земли на Северной башне. Для анализа взята керамика, обнаруженная в слое между верхним и нижним полом (табл. 2). Минимальное количество керамики обнаруживается в кв. 7А и 7З – это за пределами башни, а внутри – меньше всего в кв. 5А: он расположен почти вплоты к внешнему проходу в башню. Обращает на себя внимание максимальное количество керамики в кв. 6А, большую часть здесь (77 %) составляют горшки. Возможно, это следы проводимых обрядов, ибо они найдены недалеко от места ритуального захоронения быка (рис. 1: б) (Требелева, 2020. С. 227). А вот в кв. 5Б и 5В керамика представлена больше тарной посудой (65 %), полностью отсутствует столовая – возможно, здесь был хозяйственный склад.

Рассмотрим количество импортной керамики, чтобы выяснить объем и характер импорта (табл. 3). На основе полученных чисел можно сказать, что импорт представлен крайне незначительно. Но если в эллинистический и раннеримский период он составлял почти 5 % (или 3,5 % при пересчете на 1 м³), то в первые века нашей эры он стал меньше 1 %. Показателен и характер импорта: 86 % его на юго-западном склоне составляет тарная посуда – амфоры, и 14 % – столовая посуда. В более поздний период тарная керамика отсутствует. Значит, изменился не только объем импортной торговли, но и ее характер.

Основная проблема статистического метода заключается в репрезентативности выборки. Выборка считается репрезентативной, если состоит не менее чем из 200 сосудов (Генинг, 1992. С. 95). У нас не всегда количество керамики насчитывает большее 200 фрагментов. Но сделанные на основе имеющегося количества материала заключения не противоречат иным источникам. Можно сказать, что проведенный анализ дал новую информацию о городище, которая будет полезна при его исследовании. Раскопки планируется продолжить. Не исключено, что новые находки изменят сделанные выводы или опровергнут их.

Генинг В.Ф., 1992. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. К.: Наукова думка. 188 с.

Требелева Г.В., 2020. Исследования Маркульского городища в 2019 году: Дальняя башня // *Нуранис. Труды отдела классической археологии ИА РАН*. Т. 2. М.: ИА РАН. С. 224–232.

Требелева Г.В., Хондзия З.Г., Шведчикова Т.Ю., Юрков Г.Ю., 2018. Исследования на юго-западном склоне Маркульского городища // *КСИА. Вып. 252. Ч. 2*. С. 265–272.

ПРОСТРАНСТВО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ЛЮДИ – ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ - СОЦИУМЫ

В.В. Агеев

*НПЦ «Рязанская археологическая экспедиция», Рязань
vadi-agee@yandex.ru*

БАЗА ДАННЫХ «КАСИМОВСКИЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ»: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

База данных (БД) «Касимовский мусульманский некрополь» — это свод мусульманских (преимущественно татарских) надгробных памятников XVI–XXI вв. в современных границах Касимовского района Рязанской области. Обоснование его разработки предложено автором ранее (Агеев, 2016а; 2016б). Созданию БД предшествовали этнографические исследования 2013–2018 гг. (Агеев, 2019).

Объект исследований в рамках БД — мусульманские кладбища и надгробные памятники XVI–XXI вв.¹, цель — комплексное изучение мусульманских памятников Касимовского района и принятие мер по их сохранению. Задачи исследований: 1) создание планов кладбищ с нанесением каждого памятника²; 2) геопространственная привязка, фотографирование и замеры надгробий; 3) перевод эпитафий; 4) работа в музеях и архивах; 5) паспортизация и постановка на учет кладбищ и надгробий как объектов культурного наследия. БД может также решать практические задачи (например, при розыске захоронений близкими).

В 2018 г. началась инвентаризация мусульманского кладбища на ул. Нариманова в «Татарской слободе» г. Касимов. Видимо, оно было основано в конце XVIII в.³ Общая площадь объекта составляет 1,77 га. На первом этапе был снят его инструментальный план с нанесением горизонталей, всех визуально прослеживаемых надгробных и прочих сооружений. Каждому надгробию присвоен номер. Второй этап включал фотосъемку памятников с масштабной рейкой. В ряде случаев делались фотографии для создания 3D-моделей⁴. На третьем этапе производилось уточнение полученных данных. Четвертый этап — обработка материала и включение его в БД.

БД создана в Microsoft Access. Таблицы в ней расположены на трех уровнях: верхнем («Кладбище»), среднем («Надгробие») и нижнем («Персона»); добавлена также таблица «Склепы». В них включены гиперссылки на изобразительные объекты и тексты эпитафий. В БД применяются запросы и фильтры. Для геопространственного анализа производится экспорт данных в QGIS, где происходит дальнейшая работа.

¹ Поздние надгробия изучаются а) как часть современной материальной культуры; б) как составная часть кладбища; в) как имеющие социокультурную связь с надгробиями предшествующих времен; г) с учетом существующего опыта их изучения (Ахметзянов, Шарифуллина, 2010. С. 114–119, 368).

² План необходим а) как часть мер по фиксации кладбища и его компонентов; б) для облегчения поиска кладбища в будущем; в) для предоставления в госорганы с целью постановки на учет и охрану; г) как картографическая основа для геопространственного анализа.

³ В Касимовском краеведческом музее имеется «План и вид города Касимова, состоящего в Рязанской губернии» (КП № 178), на котором указано об «отводе» кладбища в 1789 г.

⁴ Их создание необходимо а) для сохранения памятника в цифровом виде; б) для изучения объекта, когда визуальный осмотр его затруднен; в) для демонстрации и пересылки.

К октябрю 2019 г. на кладбище учтено 3 склепа первой половины XIX в., 857 надгробий XIX–XXI вв. и около 940 захороненных. «Классические» надгробия XIX в. – 1920-х годов составляют около 43%, надгробия «переходного» типа (конец 1910-х – 1960-е годы) — около 8%, «современного» (с 1950–1960-х годов по XXI в.) — около 45%; около 4 % — прочие типы. Унификация описаний, выявление датирующих признаков и камнерезных особенностей вызвали необходимость типологизации и классификации надгробий «классического» типа.

Анализ эпитафий показал, что до 1917 г. на кладбище хоронили членов местных купеческих семей (Карамышевы, Шакуловы и др.), выходцев из сельской округи и представителей других татарских субэтносов. Титулы в ряде эпитафий («сеид», «хаджи», «мулла») показывают социальный облик погребенных. В советское время и в наши дни сохраняется преемственность захоронений некоторых фамилий. Расширяются географические и этно-конфессиональные рамки: фиксируются захоронения русских, литовца — членов семей мусульман, похороненных здесь. В последнее время хоронят уроженцев Кавказа и Средней Азии. В рамках БД в отдельное направление исследований следует выделить анализ эпитафий как источника по исторической демографии.

В 2019–2020 гг. работа продолжилась на других кладбищах касимовских татар. В 2020 г. начались археологические исследования Старопосадского кладбища (руководитель — Ф.А. Ахметгалин), которые дополняют нашу БД и уточняют представления об исторической топографии позднесредневековых мусульманских кладбищ Касимова.

Таким образом, с 2018 г. началось исследование Касимовского мусульманского некрополя на современном научном уровне, объединяющее опыт этнографов, археологов, филологов, геодезистов, IT-специалистов. Полученные результаты могут предоставить новую информацию по истории касимовских татар.

Агеев В.В., 2016а. Надгробия касимовских татар как исторический источник // XI Фаизхановские чтения. Ислам в Рязанской области: прошлое, настоящее и будущее. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, г. Рязань, 14 апреля 2015 г. / Редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), Ш.Р. Кашаф (отв. ред.) и др. М.: «Медина». С. 85–89.

Агеев В.В., 2016б. Касимовский мусульманский некрополь: история и перспективы изучения // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова / Сост. А.А. Гомзин, В.И. Завьялов, И.Г. Кусова; отв. ред. А.О. Никитин. Рязань: РИКО. С. 264–274.

Агеев В.В., 2019. Рекогносцировочные исследования татарской культуры в Касимовском районе: предварительные итоги // Рязанская старина. 2009–2018. Вып. 7–16 / Сост. А.О. Никитин, П.А. Трибунский. Рязань: П.А. Трибунский. С. 139–160.

Ахметзянов М.И., Шарифуллина Ф.Л., 2010. Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам). Казань: Магариф. 375 с.

Ф.Ш. Аминов*, А.Г. Пулотов**

**Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
firuzaminov@gmail.com*

***Национальный музей Аппарата Президента
Республики Таджикистан, Душанбе
abdurahm.pulotov@mail.huji.ac.il*

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА КОНЦА VIII – IX ВВ. ИЗ САНДЖАРШАХА (ТАДЖИКИСТАН)

Городище Санджаршах располагается в 12 км к востоку от Пенджикента. Памятник был открыт в 1947 г. О.И. Смирновой в ходе разведок Верхнезеравшанского отряда СТАЭ (Смирнова, 1950. С. 72). В 1975 г. Ю.Я. Якубов провел на нем разведывательные работы (Якубов, 1980. С. 175). В 2003 г. небольшие исследования на городище осуществил ИИАЭ им. А. Дониша АН РТ совместно с Гамбургским музеем под руководством

Ш.Ф. Курбанова и Г. Гроппа (Gropp, Kurbonov, 2007). Постоянные археологические работы ведутся здесь с 2008 г. ИИАЭ им. А. Дониша АН РТ при финансовой поддержке Швейцарского общества по исследованию Евразии (руководители – Ш.Ф. Курбанов, М.А. Шенкарь).

Площадь памятника 6 га. Он состоит из шахристана (городища), дворцового комплекса в северо-западной части шахристана и отдельно стоящей цитадели (в северо-западной части памятника). В южной части сохранилась крепостная стена высотой 4–6 м, тянущаяся вдоль всего городища. За время исследований открыто восемь объектов. Здания построены из сырцовых материалов – пахсовых¹ блоков и сырцовых кирпичей.

До недавних пор памятник считался раннесредневековым согдийским городищем доисламского периода, так как не было свидетельств более поздних перестроек и другой деятельности на его территории (как и в расположенном неподалеку Древнем Пенджикенте, датируемом V–VIII вв.). В 2018–2019 гг. в Санджаршахе были зафиксированы слои и материалы, которые позволяют пересмотреть его хронологию.

Находки X–XI вв. (глазурованная керамика) среди материалов городища немногочисленны. Одной из них является обнаруженный в 2015 г. в заполнении помещения 4 объекта 4 фрагмент чаши известного самаркандского типа с эпиграфическим орнаментом, картушами и пальметтами в точечном заполнении (фон росписи обычно белый, элементы орнамента нанесены черными и светло-коричневыми линиями в стиле резерва), датирующейся первой половиной X в.² Кроме того, в объекте 5, в заполнении помещений 5 и 6, найдены два фрагмента глазурованных блюдец: с коричневым ангобом и черной лентой с белыми кружками под прозрачной глазурью; с белым ангобом и лентой, заполненной псевдоэпиграфическим орнаментом. Они датируются XI–XII вв. по многочисленным аналогиям с поселения домонгольского периода на восточной окраине современного Пенджикента (Аминов, 2017. Илл. 144. № 68; 2020а. Илл. 153, 156. № 953, 697, 1084). Вне Пенджикента керамика подобного типа не встречается. В Санджаршахе рассматриваемые фрагменты появились, видимо, в результате случайных посещений, поскольку синхронные культурные слои нами не зафиксированы.

В 2018–2019 гг. в ряде объектов (объект V, помещение 14; объект VI, помещение 15; объект VIII, заполнение верхнего строительного периода помещений 1, 2а, 3, 5, 6, 8, 10) обнаружены фрагменты глазурованной керамики, стеклянные и металлические изделия конца VIII – IX в., происходящие из культурных напластований того же времени. К группе глазурованной керамики принадлежат фрагменты кувшинов, чаш, чашечки, светильника, мисок, горшка и блюда. Рассмотрим их подробнее.

Коллекция включает один фрагмент чаши с белым ангобом под прозрачной бесцветной глазурью (рис. 1: 14); все остальные не имеют ангоба и покрыты однотонной глазурью.

Кувшины представлены фрагментами стенок и ручек с зеленой глазурью снаружи (рис. 1: 5, 6, 8, 10, 11, 16). Наиболее интересны три из них: две стенки с резным орнаментом (рис. 1: 5, 10) и ручка с наклепными таблечками (рис. 1: 16). Похожий кувшин с зеленой глазурью, подражающий торевишке, но с орнаментом, выполненным в другой технике (сосуд сформован в орнаментированной форме-колыбе), известен по материалам Джигербента и датируется концом VIII – IX в. (Вишневская, 2018. С. 42. Кат. 1). Кроме того, фрагмент близкого кувшина с наклепным штампованным декором есть в Афрасиабе (Вишневская, 2018. С. 42–43. Кат. 2). По мнению Н.Ю. Вишневской, первый сосуд имеет, скорее всего, иранское происхождение, второй – местное (Вишневская, 2018. С. 22–23). Из Афрасиаба происходят еще несколько кувшинов с наклепным и штампованным орнаментом под темно-зеленой глазурью, датирующиеся не позднее начала IX в. (Шишкина, 1979. Табл. XXXVIII: 1, 2, 4). Наши экземпляры характеризуются простотой декора; вероятно, они отличались от вышеперечисленных аналогий по стоимости и были более доступными. Очевидно, они импортировались из Самарканда.

¹ Пахса – глинобитные блоки размерами 1 × 0,8 × 0,7 м; 0,9 × 0,7 × 0,5 м и др. Подобные материалы до сих пор часто используются при строительстве в Центральной Азии.

² О подобной глазурованной керамике, найденной в домонгольском Пенджикенте, см.: Аминов, 2020б.

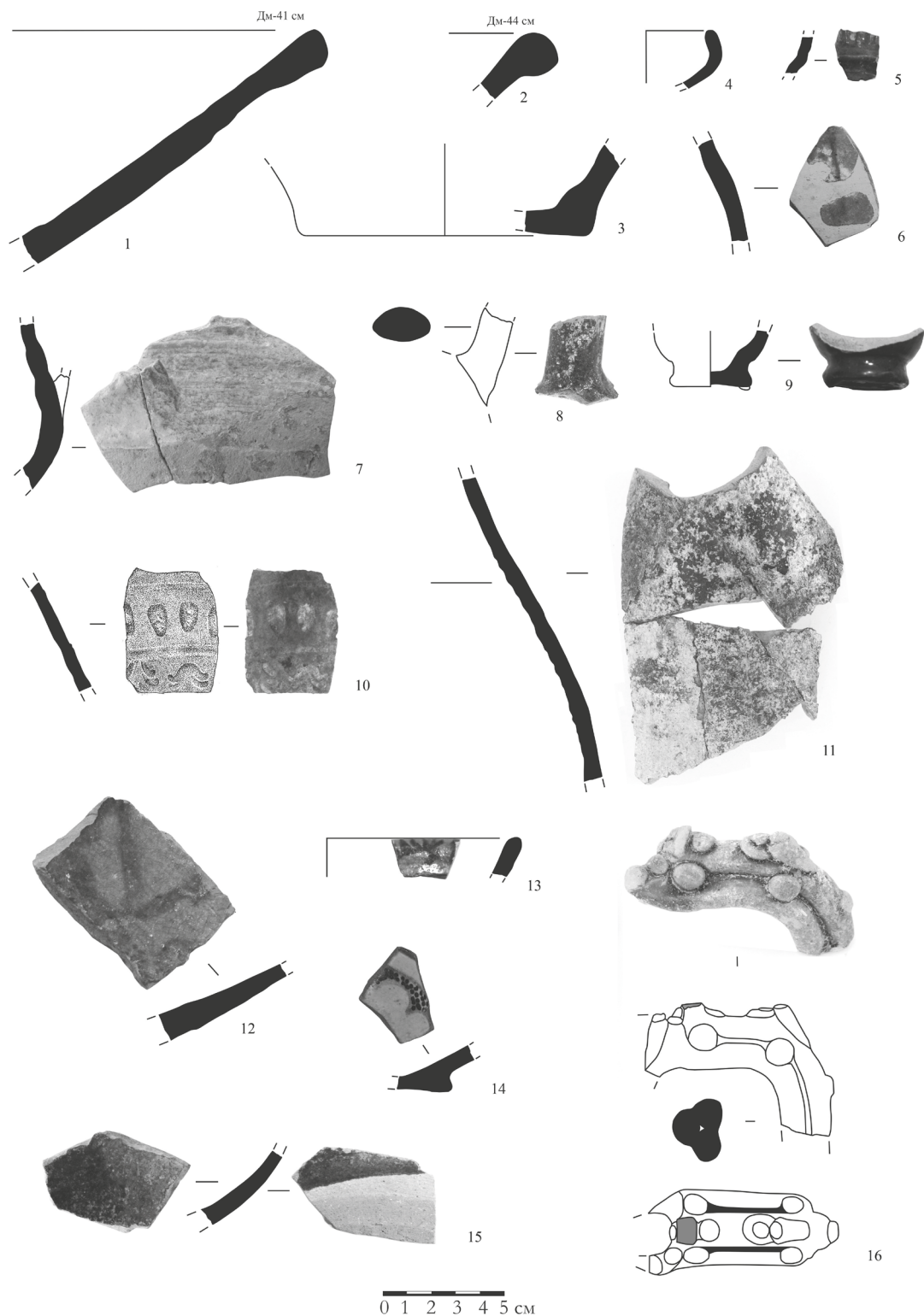

Рис. 1. Глазурованная керамика конца VIII – IX в. городища Санджаршах.
 1–3 – миски; 4 – светильник; 5, 6, 8, 10, 11, 16 – фрагменты кувшинов; 7 – горшок; 9 – фрагмент чашечки или кувшинчика; 12 – блюдо; 13–15 – чаши.

Фрагмент чашечки покрыт снаружи зеленой глазурью (рис. 1: 9). Фрагмент светильника с зеленой глазурью (рис. 1: 4) аналогичен первым глазурованным светильникам IX в. (Шишкина, 1979. Табл. XVII: 13). Миски и горшок имеют зеленовато-голубую (бирюзовую) глазурь (рис. 1: 1–3, 7). Чаши – с фиолетовой глазурью (рис. 1: 15) и с фиолетовым орнаментом по зеленовато-желтой глазури (рис. 1: 13). На фрагменте дна одной чаши сохранилась часть пальметты из тонкой линии красного цвета в точечном заполнении на белом фоне (рис. 1: 14). Обычно подобная орнаментация сопровождалась эпиграфическим декором, черными толстыми линиями. Судя по многочисленным аналогиям, такие чаши широко распространяются в X в., но появляются в Самарканде в конце IX в. (Шишкина, 1979. С. 53–54).

Один из интереснейших фрагментов – блюда с коричневой глазурью и надглазурным орнаментом из черных линий (рис. 1: 12). В Средней Азии коричневая глазурь на керамике начинает широко использоваться как фон для росписи только в конце X – начале XI в. Это прослеживается по многочисленным материалам из Афрасиаба (Вишневская, 2018. Кат. 96–101; Шишкина, 1986. Рис. 35: 6, 7; 39: 2; 43: 1, 3, 4; 46: 4; 51: 2). Для более раннего времени она нехарактерна. С другой стороны, качество глазури и орнаментации санджаршахского фрагмента очень плохое. В Пенджикенте местная глазурованная керамика, по нашим наблюдениям, появляется во второй четверти XI в., ее маркером является коричневая глазурь, но лучшего, по сравнению с рассматриваемой, качества. Ранее мы считали, что пенджикентская посуда с коричневой глазурью произошла от ранних типов сосудов с коричневым фоном, не считавшихся пенджикентскими. Возможно, после данной находки стоит предположить, что сложение местного производства сосудов с коричневой глазурью произошло в самом Пенджикенте (в данном случае, в его округе). Следует отметить, что в Санджаршахе зафиксированы две гончарные печи. Одна датируется началом VIII в. по монете (Shenkar et al., 2019); вторая, раскопанная в 2003 г., не была должным образом документирована (Gropp, Kurbanov, 2007. S. 103. Abb. 32). В более развитом и значительно более крупном Пенджикенте (раскопки которого непрерывно ведутся с 1947 г.) гончарные печи не обнаружены, хотя в местном производстве керамической посуды сомневаться не приходится. На это указывают находки бракованных сосудов, кусков печины от гончарных печей (Распопова, 2010. С. 7).

Остальную часть описываемой коллекции можно отнести к самаркандской глазурованной керамике конца VIII – IX в. Нужно подчеркнуть, что, в отличие от предмонгольского Пенджикента (где преобладают открытые формы – чаши и блюда), в Санджаршахе распространены закрытые сосуды (кувшины), хотя в рассматриваемое время и позже они крайне малочисленны.

Результаты исследований 2018–2019 гг. на городище Санджаршах изменили наши представления о хронологии памятника. Ранее предполагалось, что Санджаршах, как и Древний Пенджикент, был оставлен жителями в 770–780 гг. Работы последних лет показали, что, по крайней мере, местами жизнь на городище продолжалась вплоть до конца IX в. В конце VIII в. произошли перестройки: большие здания были разделены на несколько комнат меньшего размера, полы приподняты, сооружены новые проходы в помещения.

В Пенджикенте находки конца VIII – IX в. очень немногочисленны. Продолжение исследований на городище Санджаршах, подробное изучение всей совокупности находок этого времени не только поможет уточнить хронологию памятника, но и восполнит пробелы в истории материальной культуры раннеисламского периода Пенджикентского района.

Аминов Ф.Ш., 2017. Отчет об исследованиях домонгольских слоев в Куктоше в 2016 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. XXI / Ред. П.Б. Лурье. СПб.: ГЭ. С. 31–38.

Аминов Ф.Ш., 2020а. Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2019 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. XXIV / Ред. П.Б. Лурье, Н.В. Семенов. СПб.: ГЭ. С. 42–51.

- Аминов Ф.Ш., 2020б. Об одном типе Самаркандской глазурованной керамики X в. из Пенджикента // Материалы республиканской конференции на тему: Культура государства Саманидов и ее влияние на цивилизации народов Центральной Азии и Ближнего Востока. Душанбе: ТНУ. С. 68–72.
- Вишневецкая Н.Ю., 2018. Глазурованная керамика Средней Азии конца VIII – начала XIII века в собрании Государственного музея Востока. Каталог коллекции. М.: ГМВ. 156 с.
- Распопова В.И., 2010. Стекланные сосуды из Пенджикента (находки 1950–1999 гг.). СПб.: ООО «Синтез Бук». 161 с.
- Смирнова О.И., 1950. Археологические разведки в бассейне Зарафшана в 1947 г. // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Государственного Эрмитажа. Т. I. 1946–1947 гг. / Ред. А.Ю. Якубовский. М.; Л.: АН СССР. С. 67–80 (МИА. № 15).
- Шишкина Г.В., 1979. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент.: ФАН. 165 с.
- Шишкина Г.В., 1986. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент.: ФАН. 196 с.
- Якубов Ю., 1980. Работы Зеравшанского отряда в 1975 г. / Археологические работы в Таджикистане. Вып. XV (1975). Душанбе.: Дониш. С. 167–178.
- Gropp G., Kurbanov Sh., 2007. Erster Vorbericht über die Ausgrabungen in Sandzar Sah (Magian), Tadzikistan 2003 // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 39. Berlin. S. 91–126.
- Shenkar M., Kurbanov Sh., Pulotov A., Aminov F., 2019. Sanjar-Shah excavations report 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_5.html

С.С. Бортников

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

freeforest@yandex.ru

СКАНДИНАВСКИЕ КОЛЬЦЕВИДНЫЕ ФИБУЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ: ГЕОГРАФИЯ НАХОДОК

Металлические принадлежности мужского скандинавского костюма встречаются на территории Древней Руси значительно реже, чем женского. В их число входят такие изделия, как обувные крючки, амулеты, поясные накладки, подковообразные фибулы и кольцевидные фибулы с длинной иглой – специфические плащевые застежки. В Скандинавии они появились в IX в. результате заимствования во время походов викингов на Британские острова: кольцевидные застежки с длинной иглой были характерным атрибутом мужского костюма англосаксов и кельтов. Попав в Северную Европу, часть из них сохранила первоначальный вид, но в целом под влиянием местных производственных и орнаментальных традиций этот тип украшений трансформировался. В результате к моменту попадания на древнерусские земли кольцевидные фибулы приобрели свой относительно сформировавшийся и легко узнаваемый вид.

Сейчас на территории Древней Руси известно 116 экземпляров кольцевидных фибул из 39 пунктов (табл. 1). Источниками информации о них послужили опубликованные материалы, в том числе свод В.С. Дедюхиной, в котором учтено 39 находок (Дедюхина, 1967. С. 203–206). Сведения о неопубликованных гнёздовских фибулах получены из отчетов и описей Смоленской экспедиции МГУ.

Кольцевидные застежки представлены как целыми изделиями (38 экз.), так и фрагментами (72 экз.), которые часто не поддаются точному типологическому определению. Относятся к 10 типам (JP210, 211, 216, 218, 224, 227, 230, 235, 237, 238), по классификации Я. Петерсена (Petersen, 1928. S. 172–197), и трем типам (Т.-N. 1, 2, 5), по классификации Л. Тюнмарк-Нюлен (Thunmark-Nylen, 1984. S. 5–14). Встречены на поселениях, в погребениях и вкладах. В поселенческом и погребальном контексте они найдены примерно в равном количестве. В кладе, обнаруженном в Псковской области, известна всего одна кольцевидная фибула.

Табл. 1. Находки кольцевидных фибул на территории Древней Руси

Памятник / регион (область)	Погребение	Поселение	Клад	Неопределимый комплекс	Типы фибул по Я. Петерсену (кол-во экз.)
Старая Ладога (Ленинградская)		7			227 (1), 235 (1), н/ф (5)
Рюриково городище (Новгородская)		22			227 (8), 237 (2), н/ф (12)
Никольское (Новгородская)				1	230
Славынево (Вологодская)	1				227
Вихмес (Ленинградская)	1				224
Горки (Ленинградская)	1				227
Сязнига (Ленинградская)	2				235
Городище (Ленинградская)	1				235
Юго-Восточное Приладожье	4				227 (1), 235 (3)
Юго-Западное Приладожье	1				227 (1)
Псковский некрополь	4			1	218 (1), 227 (1), н/ф (3)
Демшина (Псковская)			1		210
Гордок на Ловати (Псковская)		4			н/ф (4)
Ерошиха, Подоржевка (Псковская)				2	н/ф (2)
Гнёздово (Смоленская)	16				216 (1), 224 (2), 227 (8), 237 (3), н/ф (2)
Гнёздово (Смоленская)		8			224 (2), 227 (2), 235 (1), 238 (1), н/ф (2)
Новосёлки (Смоленская)	2				224 (1), 237 (1),
Рокот (Смоленская)		1			н/ф
Витебск				1	238
Прудники (Витебская)				1	237
Красна Зорька (Могилевская)				1	237
Городилово (Минская)				1	211
Беларусь				2	235 (2)
Киев	3				211 (1), 227 (1), особый (1)
Вышгород (Киевская)	1				211
Шестовица (Черниговская)	1				235
Надпорожье (Днепропетровская)				1	227
Линево озеро (Курская)				4	224 (1), 227 (2), 237 (1)
Владимирские курганы	1				227
Веськово (Ярославская)	1				237
Михайловское (Ярославская)	2				227 (2)
Петровское (Ярославская)	2				237 (2)
Б. Тимерёво (Ярославская)	5	1			227 (5), н/ф (1)
Б. Тимерёво (Ярославская)		1			н/ф
Золоторучье (Ярославская)		1			237
Сарское городище (Ярославская)		1		2	227 (1), н/ф (2)
Тереховское городище (Рязанская)		1			н/ф
Горки (Московская)				1	н/ф
Хотяжи (Московская)		1			227
ВСЕГО:	49	48	1	18	116

н/ф – неопределимый фрагмент (сохранность предмета не позволяет достоверно отнести его к конкретному типу)

неопределимый комплекс – случайная находка, либо уточняющая информация отсутствует

Географическое распределение находок из-за особенностей происхождения данного типа застёжек достаточно предсказуемое: они попали на Русь вместе со своими владельцами и фиксируются там, где отмечено значительное скандинавское присутствие. Подавляющее большинство их связано с пунктами, расположенными на Балтийско-Днепровском пути. Наиболее ранние фибулы типа 211, которые появляются в Скандинавии в IX в. (Tsigardias Glørstad, 2012. P. 35), происходят из Киевского некрополя, Вышгорода и Подвинья (Городилово), но они обнаружены в комплексах второй половины X в. или являются случайными находками.

Основной массив материала образуют фибулы типов 227 и 235, которые концентрируются в Поволховье, Приладожье и Верхнем Поднепровье. На Рюриковом городище самые ранние датированные экземпляры (фрагменты неопределимых типов) встречены в комплексах IX – рубежа IX/X вв. (Носов, 1990. С. 47). Староладожские застёжки относятся к началу – первой половине X в. (Носов, Хвощинская, 2004. С. 228). В Гнёздовском могильнике и на поселении представлены кольцевидные фибулы пяти типов, зафиксированные в комплексах середины – второй половины X в.

На территории Северо-Восточной Руси встречены изделия типов 227 и 237. Больше всего их обнаружено в курганах Ярославского Поволжья в комплексах середины – второй половины X в. Единичные находки происходят с селищ Тимерёво и Золоторучье и с Сарского городища. Контекст экземпляра, известного в Суздальском Ополе, неопределим. Две фибулы выявлены в Подмоскovie. На Юго-Западе Руси в область распространения кольцевидных застёжек можно включить 4 определимых украшения из округа Курска, но они обнаружены случайно. На Юго-Востоке единственная находка сделана на территории Тереховского городища в Поочье.

Дедюхина В.С., 1967. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: ГИМ. С. 191–206 (Труды ГИМ. Вып. 43).

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука. 216 с.

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., 2004. К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова / Ред. Н.А. Макаров и др. М.: Наука С. 227–233.

Petersen J., 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger: Stavanger Museum. 222 s.

Thunmark-Nylen L., 1984. Ringnadeln // Birka II: 1 Systematische analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien. S. 5–14.

Tsigardias Glørstad Z., 2012. Sign of the Times? The Transfer and Transformation of Penannular Brooches in Vikng-Age Norway // Norwegian archaeological review. Vol. 45. № 1. P. 30–51.

Р.В. Давыдов

Новосибирский государственный университет

puer-viro@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ТОРЕВТИКИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО УРОВНЯ МАСТЕРСТВА СРЕДНЕВЕКОВЫХ РЕМЕСЛЕННИКОВ¹

Одним из ключевых факторов, влияющих на процесс металлообработки, является уровень мастерства ремесленника. Он определяется как использованием знаний и навыков предыдущих поколений, так и личным опытом и инициативой исполнителя (Минасян, 2014. С. 159). Наибольший интерес при изучении ремесленных навыков представляет массовый или серийный материал, поскольку он позволяет выявлять исполнителей различной квалификации (Kuipers, 2017). Применительно к культуре енисейских кыргызов X–XII вв. подобным массовым материалом выступают железные предметы торевтики малых форм.

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.133-136>

Табл. 1. Матрица соотношения техник формообразования и орнаментации

			Орнамент							
Форма			нет	объемный	инкрустация					
					фон		геометр. орнамент		растит. орнамент	
					заусен- цы	зуб- чики	заусен- цы	зуб- чики	зуб- чики	сетка
ковка	дрот	плоский	6	5						
				(3 ₄ , 1 ₃)						
		объемный	6	8		1				
			(2 ₄ *)	(3 ₄ , 1 ₃ , 1 ₂)		(1 ₄)				
	лист	плоский, цельный	18	10	2	3				
			(1 ₄ , 1 ₂ , 2 ₁)	(5 ₄ , 1 ₃)	(1 ₄ , 1 ₃)	(1 ₄)				
		объемный, цельный	6	13	10	17	4			
				(8 ₄ , 2 ₃)	(9 ₄)	(6 ₄ , 2 ₃)	(1 ₃ , 2 ₂)			
		плоский, шарнирный	1			2				
					(2 ₄)					
		объемный, шарнирный	1	1						4
(1 ₃)										
чеканка							5			
							(1 ₃)			

* - количество ошибок определенного класса

Целью настоящей работы является сравнительная оценка навыков ремесленников на основе исследования железных элементов поясной и сбруйной фурнитуры из могильника енисейских кыргызов Большой Телек.

Могильник Большой Телек расположен в Идринском районе Красноярского края. В ходе раскопочных работ, проведенных археологическим отрядом ЛГИ НГУ в 2017 г., изучены два погребения под каменными насыпями. Они совершены по обряду кремации на стороне. Сопроводительный инвентарь состоит из бытовых изделий, вооружения, керамики и 123 предметов железной торовтики (Митько, 2018. С. 14–18, 20).

К предметам торовтики относятся следующие категории вещей: бляхи, ременные наконечники, ременные обоймы, распределители ремней, пряжки, накладки, седельные накладки, пряжки-петли, султаны, колчаные крюки. Они представлены гладкими, рельефно орнаментированными и инкрустированными серебром изделиями. Используемые при их создании техники и технологические схемы определены при помощи экспериментально-трассологического анализа. Этот метод базируется на изучении следов, представляющих собой специфический вид изменения формы рельефа известной исходной поверхности. Он подразумевает последовательность действий: визуальное обследование поверхности предмета с выявлением следов и построением нулевой гипотезы по их интерпретации; проведение серий экспериментов по получению следов согласно нулевой и альтернативным гипотезам; сопоставление результатов и интерпретация следов на артефактах (Гиря, 2015. С. 247; Dolfini, Crellin, 2016. P. 79–81).

В рамках настоящей работы обследование поверхности предметов производилось с использованием бинокулярного оптического микроскопа Altamі CM0745 (окуляры 10×), фотофиксация выполнялась камерой Nikon D3200 с макро-объективом Nikon 60mm

f/2.8G ED AF-S Micro. На базе лаборатории «Палеотехнологии» НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ автором проведена серия экспериментов, включая: базовые (следы конкретных операций – ковка, рубка, резка, абразивная обработка, чеканка, резьба, насечка, выпиливание зубчиков); двухэтапные (наложение операций – насечка с инкрустацией, рубка с обработкой кромки, насечка декора); полные (реконструкция технологической цепочки – чеканка, басма, ковка из листа). В результате выявлено три технологические схемы, различающиеся способом формообразования: 1) ковка из листа (заготовка формируется из железного листа за счет рубки и косметическойковки); 2) ковка из дрота (предмет создается посредством формующейковки из железного прутка); 3) чеканка (изделие объемной формы получается из железного листа с использованием чекана или пуансона с выпуклой рабочей поверхностью) (Минасян, 2014. С. 314; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 129).

С целью оценки сложности изделий они были классифицированы по технике формообразования (табл. 1), исходя из технологической схемы, наличия объема и шарнира. Сформированы 7 классов по возрастанию сложности. Также проведена классификация предметов по характеру орнаментации. Критериями послужили наличие декора и инкрустации, стиль инкрустации, способ крепления серебра. Сформированы 8 классов по возрастанию сложности. Выявлен ряд ошибок и неточностей обработки, которые в соответствии с причиной возникновения делятся на четыре класса: 1) недостаточное знание материала (трещины из-за нарушения температурного режимаковки); 2) недостаточное владение техникой (асимметрия более 30 % формы, недоработка декоративных элементов, пропуски); 3) случайные огрехи (соскальзывание резца или напильника при орнаментации); 4) допуски ручного труда (небольшая асимметрия, отклонения зубчиков и резного орнамента). Ошибки 1-го и 2-го классов, указывающие на работу исполнителя низкой квалификации, в основном отмечены на простых изделиях.

Выявлены серии идентичных предметов: ременные наконечники (3 экз.), ременные обоймы (3 экз.), щитковые пряжки (3 экз.), накладки (3 и 4 экз.). Они изготовлены одновременно, поскольку крепились на одинаковые клепки и подложки. В каждой серии зафиксирован один предмет, выполненный на порядок качественнее остальных (без ошибок, значительно симметричнее, с более качественным орнаментом). Это свидетельствует о наличии подмастерьев, делавших серии простых вещей по образцам.

Выделены два стиля нанесения орнамента резцом. В первом случае (6 экз.) инструмент входил глубоко, под большим углом, оставляя сплошные линии. На ряде изделий обнаружены неточности в нанесении орнамента. Во втором случае (24 экз.) резец располагался под меньшим углом относительно поверхности, смещал больший объем металла, оставляя четко выраженные одинаковые отдельные насечки. Данный стиль связан с наиболее сложными изделиями; обнаружены отдельные неточности при выпиливании зубчиков.

Таким образом, в результате исследования железных предметов торевтики из могильника Большой Телек установлено, что они изготовлены в одной мастерской как минимум тремя ремесленниками трех уровней квалификации: мастер с поставленным ударом и пониманием формы, автор наиболее сложных предметов; менее опытный мастер, допускающий неточности, но достаточно квалифицированный для реализации различных техник; подмастерье, копирующий техники мастеров с ошибками и неточностями, который создавал наиболее простые вещи по образцам.

Гиря Е.Ю., 2015. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / Ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН. С. 232–268.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик. 404 с.

Минасян Р.С., 2014. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: ГЭ. 472 с.

Митько О.А., 2018. Отчет о поиске археологических памятников на территории Идринского района Красноярского края в 2017 г. // Архив ЛГИ НГУ. Новосибирск. 144 с.

- Dolfini A., Crellin R.J., 2016. Metalwork wear analysis: The loss of innocence // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 66. P. 78–87.
- Kuijpers M.H.G., 2017. The Bronze Age, a World of Specialists? Metalworking from the Perspective of Skill and Material Specialization // *European Journal of Archaeology*. Vol. 20. P. 1–22.

С.А. Денисов

*Институт археологии РАН, Москва
densera@yandex.ru*

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ ПРУССОВ В XIII–XV ВВ. ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Покорение прусских земель братьями Тевтонского ордена в 1231–1283 гг. привело к значительным переменам в жизни местного населения. Важнейшим событием стало принятие пруссами христианства как неотъемлемого условия дальнейшей инкорпорации в социальную систему Орденского государства. Одной из ключевых характеристик динамики и полноты христианизации является одновременное с ней существование языческих обычаев, реализующееся в форме религиозного синкретизма. В прусских землях в качестве маркеров синкретизма можно выделить отношение к культовым местам (священным рощам), а также обращение к материальным символам христианства и язычества, стабильно прослеживаемые в письменных и археологических источниках XIII–XV вв.

Указанные явления рассматривались в историографии как элементы языческой традиции, которые существовали в новых политических условиях (Валуев, 2006; Wadył, 2013. P. 45–47; Кулаков, 2016. С. 17–19), постепенно сокращаясь благодаря деятельности церкви и немецких колонистов (Pluskowski et al., 2019. P. 15). Их полное систематическое изучение, однако, не проводилось.

Священные рощи представляли собой своего рода заповедные места, где пруссы совершали языческие ритуалы, связанные с их анимистическими представлениями (Wadył, 2013. P. 45–47). Число таких объектов, широко распространенных в прусских землях до орденского завоевания, стремительно сокращалось по мере усиления власти церкви. Согласно актам, изданным Самбийскими епископами и капитулом в 1326–1354 гг., на территории священных рощ позволялось основывать поселения (PUB, 1969–1975. S. 33–34. № 61), заниматься земледелием (PUB, 1932–1937. S. 581. № 862) и заготавливать древесину (UBS, 1891–1905. S. 297–298. № 432). Несмотря на это, рощи сохраняли сакральное значение в сознании, по крайней мере, части пруссов даже в начале XV в. (Fischer, 1937. S. 29).

Материальные символы христианства и язычества можно видеть в погребальном инвентаре из некрополей XIII–XVII вв., расположенных в Пруссии, а также соседней с ней Скаловии (Альт-Велау, Гердауэна, Шплиттера и Ровнины Дольны). В мужских и женских захоронениях наряду с вооружением и предметами быта представлены амулеты и украшения, связанные с языческим культом или христианской традицией. К первой категории относятся амулеты из медвежьего когтя с бронзовыми трапециевидными (рис. 1: 1, 2) (Hennig, 1879. S. 309, 311; Odoj, 1958. S. 119. Taff. XVI: 11; Валуев, 2003. С. 107. Рис. 5: 4) или ведерковидными (Odoj, 1958. S. 124. Taff. XVI: 1) подвесками. Такие предметы, обнаруженные в захоронениях XIII–XIV вв., призваны защищать владельца от злых духов и связаны с тотемными представлениями пруссов. Другим маркером языческой традиции стали шейные гривны типа «тоттенкроне» (рис. 1: 3) (Hennig, 1879. S. 308–312; Валуев, 2006. С. 105. Рис. 1: 3), которые, имея ритуальное значение, одевались на свадьбу и при погребении женщины и характерны для захоронений середины – конца XIII в. (Валуев, 2003. С. 105). Еще одной сакральной категорией предметов являются четыре серебряные фибулы с головами козлов, символов бога Перкуно, найденные в погребениях XIII–XIV вв. (рис. 1: 4, 5) (Валуев, 2006. С. 105–106). Обретая значение

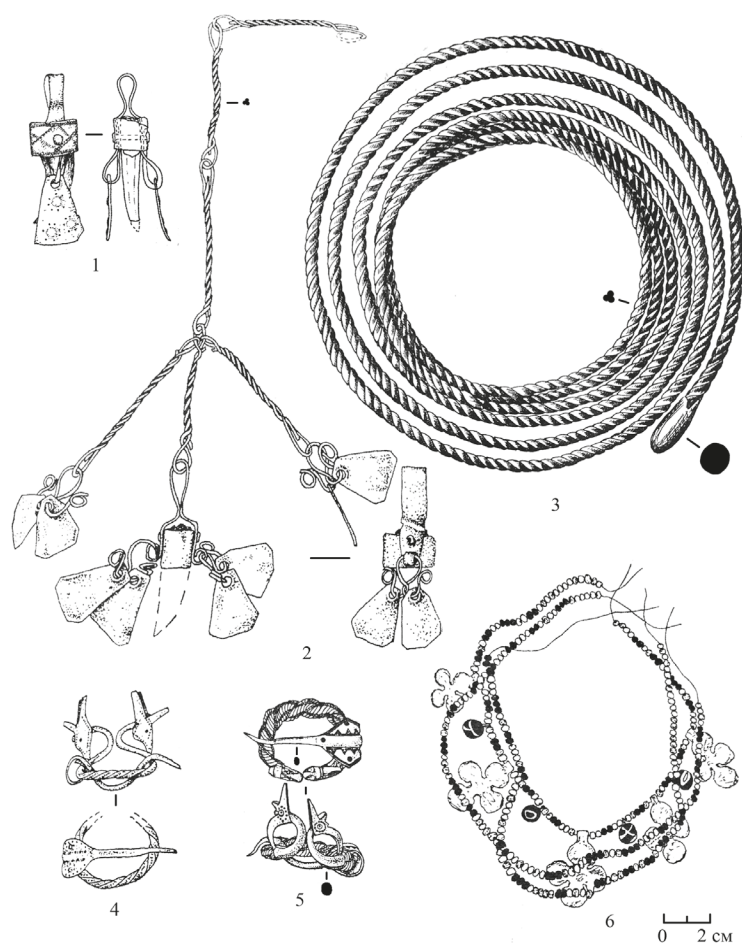

Рис. 1. Предметы из погребального инвентаря могильников Альт-Велау и Ровнина Дольна, относящиеся к языческому культу и христианской традиции.

1, 2 – амулеты из медвежьего когтя; 3 – шейная гривна «тоттенкроне»; 4, 5 – фибулы с концами в виде головок козлов; 6 – железные крестики в ожерелье из стеклянных бус.

геральдического элемента, эти символы помещались также на рыцарском «парадном» поясе, где соседствовали с изображением черного креста в белом поле – знаком Тевтонского ордена (Валуев, Кулаков, 1999. С. 82–83).

В меньшей степени в погребениях присутствуют вещи, соотносимые с христианством. Таковыми являются металлические крестики, находившиеся в комплексах XIII–XIV вв. в составе ожерелий из стеклянных бус и, в отдельном случае, сочетавшиеся в инвентаре с шейными гривнами «тоттенкроне» (рис. 1: 6) (Odoj, 1958. S. 127. Taff. XVII: 9; Валуев, 2003. С. 108. Рис. 1). Контекст их обнаружения позволяет говорить о том, что помимо сакрального назначения они выполняли также функцию украшения. Кроме того, в погребении второй половины XIV – начала XV в. найдена бронзовая фибула с надписью «AVEN D O (Ave N(ostra) D(omina) O(ra pro nobis))», располагавшаяся вместе с ножом и перстнем (Peiser, 1909. S. 341–342). В этом случае отсутствие в инвентаре языческих символов и содержание надписи свидетельствуют о более ярко выраженной христианской традиции.

Таким образом, рассмотренные маркеры позволяют говорить о том, что пруссы, приняв христианство как необходимое условие для инкорпорации в орденскую систему, сохраняли в XIII–XV вв. прежние обычаи, которые не были вытеснены новой религией, а сосуществовали с ней в новых политических и социальных условиях.

- Валуев А.А., 2003. Итоги изучения грунтового могильника Альт-Велау // Проблемы Балтийской археологии / Ред. Э.Б. Зальцман. Калининград: КГУ. С. 104–108.
- Валуев А.А., 2006. Сохранение элементов языческих традиций в культуре пруссов в орденское время (по материалам археологических раскопок могильника Альт Велау у пос. Знаменск Гвардейского района Калининградской области) // Археологические исследования в Калининградской области / Отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград: РГУ им. И. Канта. С. 136–149.
- Валуев А.А., Кулаков В.И., 1999. Тевтонский крест и бог Перкуно // Наука в России. № 6. С. 80–83.
- Кулаков В.И., 2016. Изображения на плакированных серебром железных изделиях пруссов и куршей // *Res humanitariae*. XX. С. 10–30.
- Fischer A., 1937. *Etnografia dawnych Prusów*. Gdynia: Kasa im. Mianowskiego. 54 s.
- Hennig A., 1879. Gräberfeld bei Gerdauen // *Zeitschrift für ethnologie*. Bd. 11. S. 303–323.
- Odoj R., 1958. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w Równinę Dolniej, pow. Kętrzyn 1956 i 1957 r. // *Rocznik Olsztyński*. T. 1. S. 117–156.
- Peiser F.E., 1909. Fundberichte // *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. Hft. 22. S. 310–346.
- Pluskowski A., Valk H., Szczepański S., 2019. Theocratic Rule, Native Agency and Transformation: Post-Crusade Sacred Landscapes in the Eastern Baltic // *Landscapes*. Vol. 2. P. 1–21.
- PUB, 1932–1937. Bd. 2. Lief. 1–3 / Hrgb. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg: Gräfe und Unzer. 596 S.
- PUB, 1969–1975. Bd. 5. Lief. 1–3 / Hrgb. von K. Conrad. Marburg: N.G. Elwert Verlag. 756 S.
- UBS, 1891–1905. Hft. 1–3 / Hrgb. von C.P. Woelky, H. Mendthal. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot. 367 S.
- Wadyl S., 2013. The sacred sphere of Prussian life in the Early Middle Age // *Sacred space in the State of Teutonic order in Prussia* / Eds. J. Wenta, M. Kopczyńska. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersitetu Mikołaja Kopernika. P. 39–58.

А.В. Иванова

*Институт археологии РАН, Москва
a.v.ivanova3@gmail.com*

НОВЫЕ НАХОДКИ ЮВЕЛИРНЫХ МАТРИЦ В СТАРОЙ РЯЗАНИ

В работе исследуются ювелирные матрицы, обнаруженные в последние годы исследований в раскопах 40, 42 (Северное городище) и 47 (Южное городище) в Старой Рязани. В каждом случае их контекст уникален. Для раскопа 40 это клад ювелира, для раскопа 47 – остатки усадеб ювелиров, для раскопа 42 – случайные находки. Целью работы стало сравнение некоторых матриц с предметами из кладов Старой Рязани для возможной идентификации связи инструмент – изделие.

Начиная с 2013 г. на Северном городище, на различных участках раскопа 40 (общая площадь 832 кв. м) собрана 91 матрица. Первая из них найдена вместе с кладом 2013 г. В 2014 г. в верхнем слое, где залегал клад, к юго-западу от него, найдено сразу 36 матриц. Высказано предположение, что они также связаны с данным комплексом (Стрикалов, 2015). Вероятно, при сокрытии они были помещены в его верхнюю часть, а позже разнесены при распашке городища. Действительно, в верхних слоях раскопа в последующие годы найдены еще 54 матрицы (Стрикалов, Чернецов, 2017). И все они сконцентрированы на площади около 140 кв. м.

Из этих предметов 17 предназначены для изготовления крупных бусин и 20 – для колодочек (две колодочки соотносятся с готовыми изделиями из того же клада 2013 г.). Остальные – для частей сложных украшений (в том числе шариков от чечевицеvidных колтов). Отдельно стоит упомянуть три «пуговицевидные» (Буланкина, 2017) и две каплевидные матрицы – они использовались для производства элементов колоколовидных рясен, входивших, в частности, в состав кладов 1868, 1970, 2005 гг. (Старая Рязань, 2014). Например, для изготовления такого сложного украшения, как колоколовидное рясо из клада 2005 г. (Старая Рязань, 2014. С. 46), была необходима матрица нижней плоской каплевидной подвески с округлым выступом в широкой верхней части (рис. 1: 1). В этой части имеются два отверстия, от них отходят две бороздки, сужаю-

щиеся к концу (Буланкина, 2017). Кроме того, должны были использоваться три «пуговицевидные» матрицы из раскопок 2014 г. (рис. 1: 2). Аналогичная находка сделана в раскопе 40 в 2015 г. (Стрикалов, 2014). С их помощью производили плоские круглые подвески-разделители для цепочек колоколовидных рясен, слегка выпуклые в центре (Буланкина, 2017).

В раскопе 47 (площадь 420 кв. м) в 2020 г. обнаружены 20 матриц. Они тоже расположены довольно компактно (в основном в пределах площади 100 кв. м) и относятся к одной (южной) усадьбе. Находки других ювелирных инструментов (гирек, пинцетов и части весов), а также выплесков серебра позволили предположить, что это усадьба ювелира. Большая часть матриц раскопа 47 концентрируется на территории южной усадьбы, что говорит о характере занятий ее владельца: он специализировался на работе с серебром (именно для тиснения серебряных украшений использовались рассматриваемые изделия) (Стрикалов, 2020).

Некоторые матрицы предназначались для производства частей звездчатых или чечевицеvidных колтов – например, седловидной детали в верхней части колта, к которой крепилась дужка (рис. 1: 3). Этот предмет, отлитый из сплава на медной основе, имеет трапециевидную форму, его верхняя и нижняя стороны вогнуты (Буланкина, 2017). Аналогии ему можно найти не только среди материалов Старорязанского городища, в частности, в раскопе 40 (рис. 1: 4), но и в других древнерусских городах, в том числе Серенске (рис. 1: 5) (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 43). В кладах Старой Рязани звездчатые колты – не редкость. Они были и в составе клада № 17, найденном близ раскопа 40. В наборе обнаруженных матриц есть также три, предназначенные для изготовления бусин (рис. 1: 6–8), и две – для колодочек (рис. 1: 9, 10).

Совсем другая картина наблюдается в раскопе 42 (общая площадь 66 кв. м). Здесь встречены всего две матрицы: крупной реберчатой бусины и нижней части цепочки колодочек, за которые подвешивали колты (рис. 1: 11). Они не относятся к какому-либо

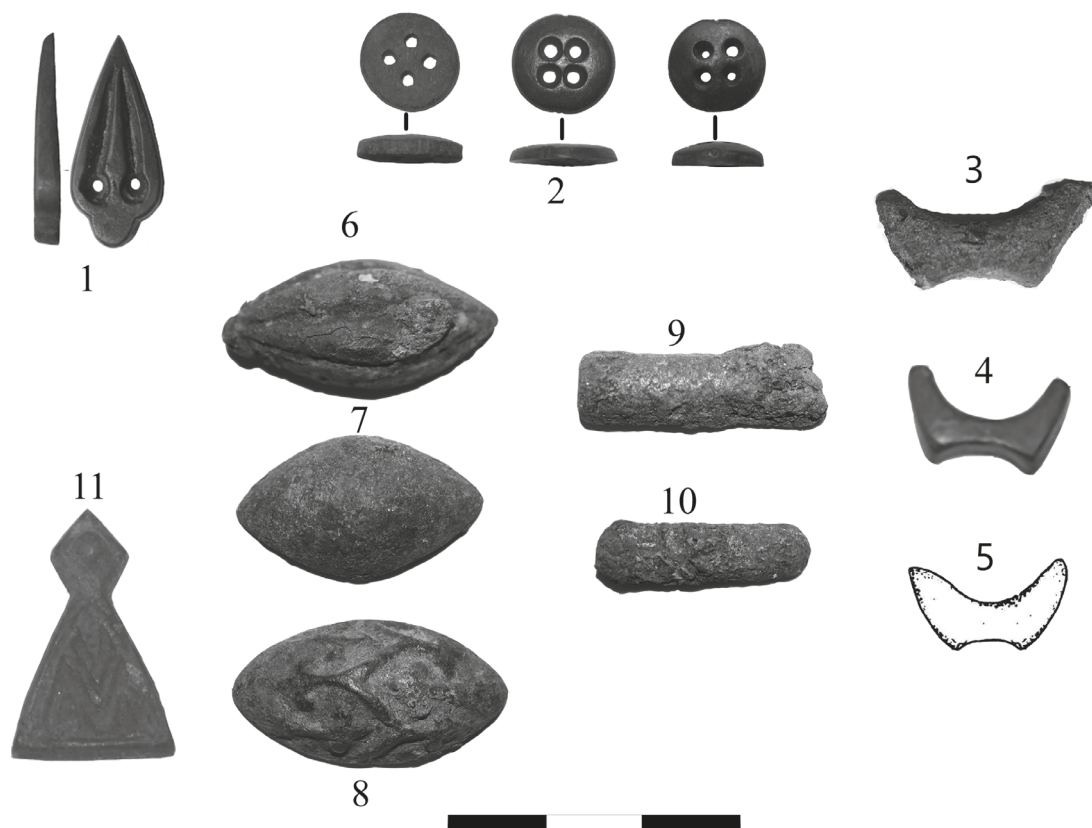

Рис. 1. Образцы ювелирных матриц. 1–4, 6–11 – Старая Рязань; 5 – Серенск.

объекту и не связаны стратиграфически. Можно считать, что в пределах раскопа эти находки случайны, хотя не исключено, что они указывают на расположение где-то недалеко от его границ еще одного средневекового ювелирного комплекса.

Подведем небольшой итог. Сопоставление ювелирного инструментария, такого, как матрицы или литейные формы, в довольно большом количестве находимые на Старорязанском городище, с готовыми изделиями – интересная научная задача. Даже предварительное соотнесение состава коллекции матриц и украшений свидетельствует о достаточно частном местном производстве ювелирных изделий. В дальнейшем могут быть поставлены и другие исследовательские задачи (например, технического характера: как производилась штамповка тех или иных предметов). Для их решения можно привлечь и экспериментальную археологию (например, воспроизвести в том или ином виде процесс изготовления украшения с помощью матрицы).

Буланкина Е.В., 2017. Ювелирные матрицы из Старой Рязани в коллекции Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ [Электронный ресурс].

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII в. М.: Индрик. 404 с.

Старая Рязань. Клад 2005 года, 2014 / Отв. ред. А.В. Чернецов. СПб.; М.: Нестор-История. 104 с.

Стрикалов И.Ю., 2011. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань в 2010 г. // Архив ИА РАН.

Стрикалов И.Ю., 2015. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань в 2014 г. // Архив ИА РАН.

Стрикалов И.Ю., 2020. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань в 2019 г. // Архив ИА РАН.

Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В., 2016. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань в 2015 г. // Архив ИА РАН.

Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В., 2017. Отчет о работах Старорязанской археологической экспедиции на территории городища Старая Рязань в 2016 г. // Архив ИА РАН.

К.В. Карепин

*Донецкий национальный университет
karepin.kostya@mail.ru*

ПЕРЕХОД СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ К ОСЕДЛОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ)

На определенном этапе развития кочевых обществ начинается процесс их перехода от кочевого образа жизни к оседлости. Такой процесс происходит постепенно и может растягиваться на несколько поколений. Он достаточно объективно отображен в типологии С.А. Плетневой. Согласно ее схеме, это вторая и третья формы кочевого хозяйства. Вторая форма подразумевает полукочевой образ жизни, при котором род или племя кочует в определенное время года по определенным, закрепленным традицией маршрутам, а зиму проводит во временных поселениях. Третья форма – это также полукочевое хозяйство, при котором беднейшие слои населения переходят к оседлости, но сохраняются и те, кто ведет традиционную жизнь (Плетнева, 1982).

Фактически, маркером стратификации общества номадов является создание постоянных поселений с населением, состоящим из осевших на землю кочевников. К сожалению, археологически выявить такие поселения крайне сложно, поскольку они представляют собой памятники с малонасыщенным слоем, трудно отличимые от сезонных кочевий (Плетнева, 2003).

Подобная ситуация сложилась в Северном Приазовье. Здесь обнаружены местонахождения эпохи Золотой Орды, вначале определенные как кочевья. Дальнейшие исследования позволили установить, что эти поселки являлись стационарными (Карепин, 2017).

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.140-142>

Так, керамический комплекс памятника Ляпинская Балка представлен фрагментами простых сосудов, поливная керамика не обнаружена (Кравченко, 2003). В целом поселение выглядит достаточно бедным, однако синхронный грунтовый могильник, оставленный тем же населением, содержит большое количество украшений – медные кольца, медные и серебряные серьги, стеклянные бусины. Более того, инвентарь могильника включает предметы, характерные для носителей кочевой культуры, например, конскую упряжь в погребении 7, бронзовые зеркала в погребениях 1, 3, 26, 28, 29 и др. (Евглевский, Кульбака, 2003). Именно этот факт и указывает на то, что население Ляпинской Балки составляли перешедшие к оседлости кочевники, а не потомки населения, уже имевшего традиции оседлой жизни.

На поселении Обрыв-2 ситуация, в целом, схожая. Раскопки 2018 г. обнаружили на этом местонахождении, первоначально определенном как кочевье, фундаменты построек с турлучными стенами. В культурном слое также встречены фрагменты простой керамики, поливной почти нет, однако, как и на Ляпинской Балке, зафиксированы украшения. Кроме того, найдены следы ремесленной деятельности (металлургические шлаки, сплески металла), что является ярким признаком оседлого образа жизни у оставившего памятник населения (Кравченко, 2018).

По мнению Э.Е. Кравченко, рассмотренные поселения датируются второй половиной XIV в. (Кравченко, 2015). Эта дата подтверждается монетами из могильника Ляпинской Балки, в частности, серебряным дирхемом Абдаллах-хана 767 г.Х. (1365/1366 гг.) и серебряными дирхемами Узбека с надчеканками (Евглевский, Кульбака, 2003).

Относительно короткий период существования данных памятников связан с тем, что они отражают процесс оседания кочевого населения. Отсутствие поливной керамики при наличии большого числа украшений объясняется менталитетом номада. Для него главное богатство – скот. К оседлости переходят те, кто обеднел, лишился большей части скота и потерял возможность конкурировать с более богатыми представителями своей группы или племени. Именно это и должно было происходить в период Смуты в Золотой Орде. Для номада, привыкшего к кочевой жизни, наличие дорогой керамики не является показателем богатства, значительно более важным маркером будет наличие украшений, которые он носит на себе.

К сожалению, лишь на двух рассмотренных выше поселениях были проведены археологические исследования, позволившие выявить свидетельства оседлого образа жизни оставившего их населения. На прочих памятниках работы ограничились лишь сбором подъемного материала, поэтому на сегодняшний день невозможно определить, насколько масштабными были процессы оседания кочевников в этот период.

Таким образом, во второй половине XIV в. на территории Северного Приазовья возникают поселения, где живут переходящие к оседлости кочевники. Имеющейся на сегодняшний день информации мало для того, чтобы ставить вопрос о масштабах этого процесса, но наличие подобных поселений может предоставить большой объем информации о кризисе кочевого хозяйства и стратификации кочевых обществ. Поставленная задача, однако, не может быть решена до тех пор, пока не будут определены конкретные признаки, характеризующие памятники рассматриваемого типа. Именно на этой проблеме и должны быть сконцентрированы дальнейшие исследования.

Евглевский А.В., Кульбака В.К., 2003. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская Балка из Северо-Восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 363–404.

Карепин К.В., 2017. Система землепользования в Северном Приазовье в золотоордынский период // Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ. С. 168–172.

Кравченко Э.Е., 2018. Поселение у с. Обрыв на Азовском побережье в Донбассе // Археология евразийских степей. № 4. С. 88–92.

- Кравченко Э.Е., 2003. Средневековый комплекс поселения Ляпинская Балка в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ. С. 345–362.
- Кравченко Э.Е., 2015. Памятники золотоордынского времени в степях между Днестром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Кишинев: Stratum Plus. С. 411–478.
- Плетнева С.А., 1982. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М.: Наука. 192 с.
- Плетнева С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учебное пособие. Воронеж: ВГУ. 248 с.

И.С. Половников

Новосибирский государственный университет
polis.sib@gmail.com

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РОГОВЫХ СВИСТУНОК НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ ГУННО-САРМАТСКИХ И ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ГОРНОГО АЛТАЯ И МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ¹

«Свистящие стрелы» давно стали объектом изучения представителей самых разных научных направлений. И, как правило, все авторы не обходились без обращения к рассказанной Сыма Цянем легенде о свистящих стрелах хуннского шаньюя Модэ (Никоноров, Худяков, 2004). В современной археологической литературе под свистункой принято понимать изделие овально-удлиненной формы (по линии насада), с цилиндрическим проемом для древка стрелы, полое внутри, имеющее несколько (не более трех) округлых, овально-прямоугольных или прямоугольных отверстий на сферически-выпуклой стороне, выполненное из рога (марал, кося). Встречаются также экземпляры, полые внутри, но без отверстий на выпуклой стороне (Худяков, 1980. С. 110). В различных исследованиях можно встретить описания физического процесса возникновения свиста в подобных стрелах (McEwen, Elmy, 1970). Однако попыток охарактеризовать технологию их изготовления было не так много (Лещенко, 2010. С. 50).

Целью настоящей работы являлся анализ технологических операций изготовления роговых свистунок погребальных комплексов Горного Алтая и Минусинской котловины. Исследование проведено на материалах гунно-сарматского времени могильника Ороктой (Горный Алтай) и древнетюркского времени могильников Маркелов Мыс 2 и Белый Яр 2 (Хакасско-Минусинская котловина) (7 экз.).

Среди сопроводительного инвентаря погребения кургана № 1 могильника Ороктой исследованы три предмета из рога: *свистунка цилиндрической формы* с отверстиями на выпуклой стороне, дошла до нас в двух фрагментах размерами 2,3 × 1,7 см (длина, ширина) и 2,3 × 1,3 см (длина, ширина); отверстия размерами 0,3 × 0,5 см; диаметр цилиндрических проемов для черешка 0,7–0,8 см (рис. 1: 3); *изделие цилиндрической формы* полое внутри без отверстий с трехгранным основанием размерами 3 × 2,1 см (длина, ширина); диаметр цилиндрических проемов для черешка 0,7–0,8 см (рис. 1: 2); *изделие бочонкообразной формы* со сквозным отверстием вдоль длинной стороны размерами 3,5 × 2,2 см (длина, ширина); диаметр сквозного отверстия 0,4 см (рис. 1: 1) (Худяков и др., 1990. С. 100. Рис. 5). Изделия бочонкообразной формы, изготовленные в подобной технике, найдены на территории Хакасско-Минусинской котловины на площади стоянки памятника «Могильник Казановка-10» (Половников и др., 2020. Рис. 3: 3, 5).

В древнетюркских могильниках Маркелов Мыс 2 и Белый Яр 2 изучены готовые свистунки. Маркелов Мыс 2: *свистунка цилиндрической формы* с отверстиями размерами 2,6 × 2 см (длина, ширина); размеры отверстий 0,35 × 0,5 см; диаметр цилиндриче-

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР. С. 7–120 (МИА. № 65).
- Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М. 126 с. (САИ. Вып. ЕЗ-18).
- Лещенко Н.В., 2010. Обработка кости на Константиновском-1 селище в Приморье // Россия и АТР. № 1. С. 46–55.
- Никоноров В.П., Худяков Ю.С., 2004. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское Востоковедение; М: Филомэтис. 320 с. (Серия «Militaria Antiqua». VI).
- Половников И.С., Дудко А.А., Васильева Ю.А., 2020. Находки косторезного производства на памятнике «Могильник Казановка-10» в Аскизском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. С. 895–900.
- Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. II. Горизонты Евразии. Новосибирск: НГУ, С. 88–116.
- Худяков Ю.С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука. 176 с.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука. С. 95–150.
- McEwen E., Elmy D., 1970. Whistling Arrows // Journal of the Society of Archer-Antiquaries. Vol. 13. P. 23–26.

С.М. Смирнова

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Тверь
lisjaka@list.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕЛИЩА ВОЛГОВЕРХОВЬЕ 1: К ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ «ИСТОКА ВОЛГИ»

Исток Волги – всем известное место, при упоминании которого сразу возникает образ деревянной часовни над ручьем. Освоение и заселение этой местности имеет сложную и интересную историю, связанную, с одной стороны, с ее геоморфологическими особенностями, с другой, со значением этого места как истока великой реки.

Осенью 2019 г. экспедицией РГУ им. А.Н. Косыгина в д. Волговерховье были проведены археологические спасательные работы при прокладке газопровода. Вдоль деревенской дороги заложены 4 траншеи и 12 шурфов, но исследованиями не была затронута часть поселения у Преображенской церкви (рис. 1). Тем не менее в результате работ получен богатый материал, освещающий историю одной небольшой, но многим известной деревни.

Первое упоминание истока Волги мы встречаем в Лаврентьевской летописи, но о наличии здесь поселения уверенно можно говорить лишь после основания в 1649 г. Преображенского мужского монастыря, который к 1686 г. пришел в упадок. В приходных оброчных книгах патриаршего казенного приказа за 1690 г. при описании монастыря на истоке Волги указано: «...а строителя в той пустыни и иеромонахов и никаких монахов и белых попов и церковных причетников нет и церковь Божия с 1686 года стоит без пения» (Колосов, 1893. С. 4). В ходе работ 2019 г. слой этого времени прослежен не был, встречены только единичные находки керамического материала в переотложенном состоянии. Вероятно, территория поселения при монастыре была невелика, и сформировавшиеся в данный период напластования оказались переработаны в ходе последующей хозяйственной деятельности.

Период запустения завершается при Петре I, не позднее 1697 г., когда царь жертвует в монастырь Воскресное Учительное Евангелие с дарственной надписью. В 1724 г. в обители случился сильный пожар, после которого настоятель и 10 человек братии были переселены в Нилову пустынь. С этим этапом жизни поселения связана находка монеты

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.144-146>

«крестовика» (5 копеек), а также небольшое количество фрагментов керамики. Все материалы сконцентрированы в юго-западной части деревни. Выраженный культурный слой начала XVIII в., однако, как и в предыдущем случае, не прослежен. В 1727 г., по указу Верховного тайного совета, все малые монастыри должны были быть «восстановлены по-прежнему», но Преображенский монастырь не возрождается. В 1740 г. земли Волгина верховья переходят к Селижарову монастырю.

В «Генеральном соображении по Тверской губернии» 1783–1784 гг. встречается упоминание Волговерховья: «под деревнею, называемою Волгино верховье; в мелком дровяном лесу, растущем по болоту, находится чистый мох, не более 100 сажен в окружности по конец коего виден дубовый обруб и колодезь; из онаго исходит река Волга, не шире двух аршин...» (Генеральное соображение..., 1873. С. 107). Данные о размерах деревни не приведены, однако археологического материала, датируемого XVIII в., собрано немного.

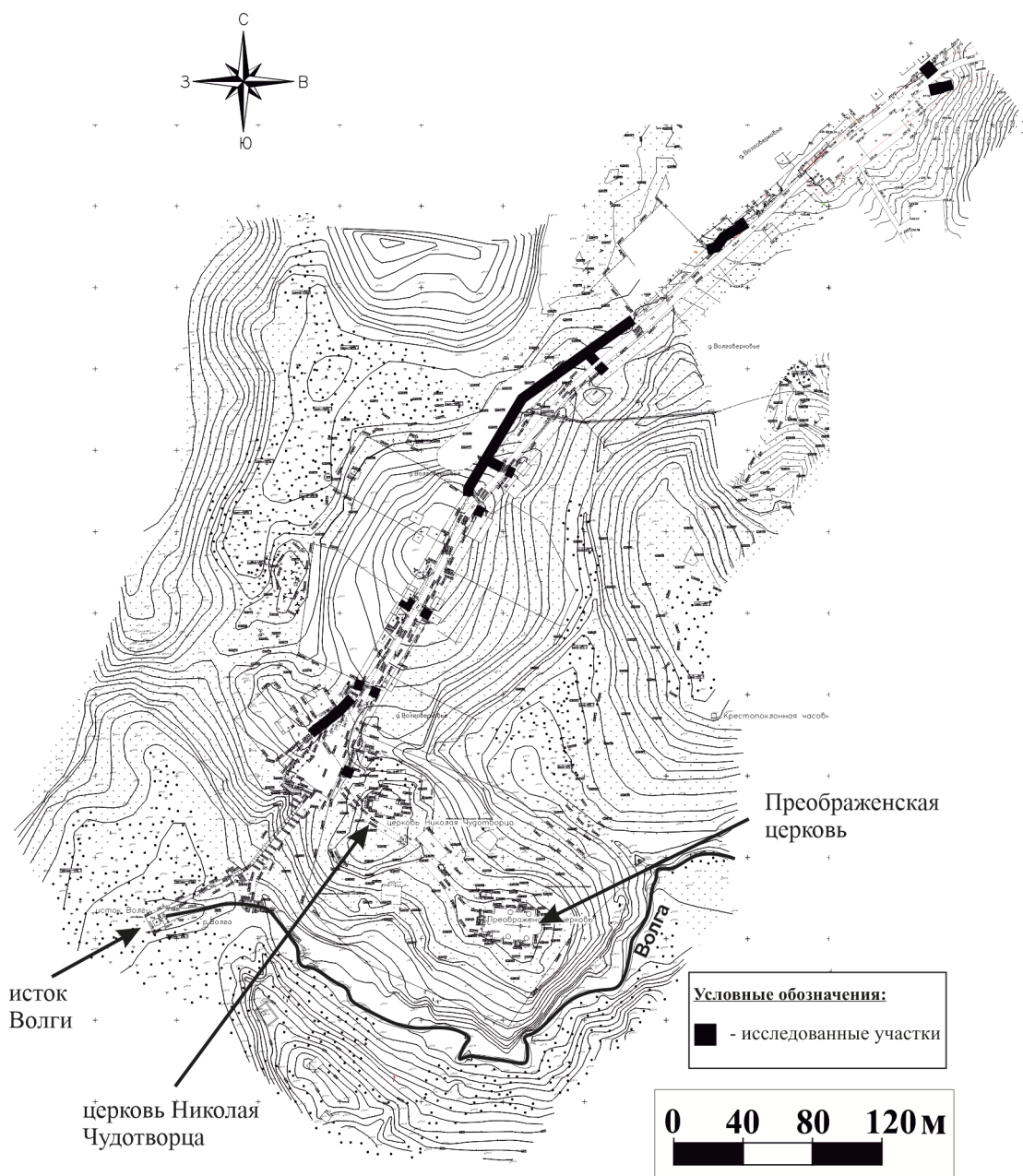

Рис. 1. Тверская область, Осташковский район, д. Волговерховье. Селище Волговерховье 1, XV–XX вв. План расположения исследованных участков.

В 1897 г. был начат сбор средств для строительства нового каменного соборного храма в честь Преображения Господня и возобновления на истоке Волги монастыря. В 1907 г. образована женская община, получившая самостоятельный статус монастыря в честь святой равноапостольной великой княгини Ольги. Именно с этим этапом развития поселения связан основной материал, выявленный в ходе работ. В шурфах, расположенных вдоль дороги, четко прослежены остатки дренажной системы. Судя по имеющимся данным, дренажные траншеи функционировали с начала и до конца XX в. Вблизи территории монастыря зафиксированы остатки каменного фундамента дома, запечатленного на фотографиях начала XX в. Находки монет и фрагментов керамики позволяют заключить, что здание было построено в конце XIX в. и разрушено в 30-е годы XX в. в связи с упразднением церковной общины.

В центральной части деревни обнаружены остатки каменных фундаментов и развалы построек ранее существовавших здесь усадеб. Судя по индивидуальным находкам и массовому керамическому материалу, они были разрушены также в 30-40-е годы XX в. Следует обратить внимание на строительную традицию, которая в окрестных деревнях сохраняется до сих пор: возведение фундаментов из крупных валунов.

В постсоветский период деревня снова была заброшена, сегодня на постоянной основе здесь проживает только небольшая община вновь созданного женского Ольгинского монастыря.

Нужно отметить, что периодическое запустение поселения и монастыря закономерно. Причины этого заключаются, во-первых, в удаленности обители от обжитых территорий и, во-вторых, в характере местности, где она была основана. Поселок при истоке Волги расположен на двух холмах, которые разделяет небольшая низина, вероятно, бывший ручей. Почвенные отложения в основном представлены очень плотным тугим суглинком, гумусовый слой небольшой, он не позволяет активно развивать какие-либо виды земледелия. Дополнительно ситуацию осложняет высокий уровень грунтовых вод.

Таким образом, на примере заселения д. Волговерховье можно проследить, как человек, несмотря на неблагоприятные природные условия, осваивает территорию, имеющую важное символическое значение. Фиксируется несколько «волн» этого освоения, которые нашли отражение в археологическом материале.

Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 г., 1873. Тверь: Типография Губернской Земской Управы. 186 с.

Колосов В.И. Верховья реки Волги в их прошлом и настоящем: (читано в заседании Комиссии 6 ноября 1890 г.), 1893. Тверь: Типография Губернского правления. 13 с.

Ал.Ал. Ткачев*, А.А. Ткачев, К.Г. Гюрджоян***

**Тюменский государственный университет
al.al.tkachev@mail.ru*

***ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
sever626@mail.ru
gyurdzhoyankatya@mail.ru*

ИСТОКИ НЕНЕЦКОЙ ЛЕГЕНДЫ О НАРОДЕ СИХИРТЯ: АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРКТИКИ

Сихиртя – в ненецкой мифологии народ, ныне живущий под землей, боящийся дневного света, обитавший в заполярной тундре до прихода ненцев – «настоящих людей». Многие ненецкие роды возводят сегодня к нему свое происхождение. На данный момент не вызывает сомнения факт существования в прошлом некоего аборигенного населения, которое ненцы называют в зависимости от говора *сихиртя*, *сихирча*, *сиртя*. Все предания (или рассказы) о сихиртя определяются не поддающимся точному переводу термином *ва'ал*, соотносясь с наименее изученным жанром ненецкого фольклора (Хомич, 1970. С. 60).

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.146-149>

Анализируя ненецкие легенды о сихиртя, можно выделить несколько ключевых особенностей легендарного народа: светлые волосы и глаза; проживание под землей; наличие большого количества металлических предметов, высокоразвитой металлообработки и кузнечного мастерства; комплексное хозяйство, основанное на рыболовстве, охоте на морского зверя, оленеводстве и дополняемое собирательством; использование в качестве транспорта лодок и собачьих упряжек; присутствие в культуре особых маркирующих предметов (ножей, колокольчиков, сумочек); периодические контакты с ненцами, в том числе брачные.

Археологическое изучение Заполярья всегда было затруднительно в силу климатических условий и тяжелой организации полевых работ. В 2013–2019 гг. в нижнем течении р. Таз (Тазовский р-н, ЯНАО, Тюменская область) исследованы святилище и несколько могильников, соотносимых с доненецким населением IX–XVI вв., имеющих сходство с кинтусовскими древностями северной зоны Западной Сибири (Еньшин и др., 2018; Ткачев, Квашнин, 2014; Ткачев, 2015; 2017).

Особый интерес представляет группа могильников, выявленных и исследованных по берегам ручья Нум-хиб-сикхэри, название которого переводится с ненецкого как «Дорога ушедших в небо». Умерших размещали преимущественно в вытянутом положении, головами в сторону устья ручья. Отмечено две разновидности погребального обряда: в первом случае покойника укладывали в яму на застеленное оленьими шкурами дно с последующим дополнительным перекрытием из шкур; во втором – обертывали берестяными полотнищами или помещали в берестяной короб, гробовиной могла служить и небольшая берестяная лодка. Детские погребения совершались вне пределов родовых кладбищ: умерших детей относили на возвышенные участки окружающей тундры и укладывали в неглубокие могилы, застеленные подстилками из бересты или шкур, в некоторых случаях над погребением сооружалась невысокая земляная насыпь.

Одежду шили из шкур, кожи и толстой шерстяной ткани. В загробный мир умерших сопровождали личные вещи, изготовленные в основном из металла, единично встречены изделия из кости и стекла. Имеются предметы из железа – наконечники стрел, куски кольчуги, ножи разнообразных форм и размеров, элементы котлов. Из цветного металла изготавливались клепаные медные котлы, ложки, рукояти биметаллических ножей и разнообразные украшения. Близкие аналогии зафиксированному в исследованных комплексах сопроводительному инвентарю прослеживаются не только в Заполярье (бассейн р. Таз и Нижнее Приобье), но и в погребениях таежной зоны на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Это позволяет предполагать существование в позднем Средневековье историко-культурной общности со сходной материальной и духовной культурой, охватывающей обширные таежные, лесотундровые и тундровые пространства Западной Сибири.

В культурном развитии населения Нижнего Приобья I–II тыс. н.э. выделяют четыре последовательно сменяющих друг друга хронологических этапа: ярсалинский – II–III вв., карымский – IV–V вв., оронтурский – VI–IX вв. и кинтусовский – X–XIII вв. Названия предложены В.Н. Чернецовым по названиям наиболее характерных памятников каждого этапа (Чернецов, 1957. С. 137–138).

Археологические исследования показали, что именно культура населения кинтусовского этапа перерастает в культуру обских угров и самодийцев XIV–XVI вв. С носителями этих традиций и контактировали русские первопроходцы в эпоху первоначального освоения севера Сибири. Другие культурные образования в X–XVI вв. на рассматриваемой территории не зафиксированы. Таким образом, именно с кинтусовским населением вступали во взаимодействие проникающие в лесотундровые и тундровые пространства группы самодийцев. Ряд вышеназванных признаков народа сихиртя можно соотнести с элементами материальной культуры средневекового населения Западной Сибири, известными по результатам археологических работ. Рассмотрим наиболее явные сопоставления.

В легендах по отношению к сихиртя достаточно часто используются выражения «уходить под землю», «жить под землей»¹. На данный момент известен единственный долговременный поселок, соотносимый с древним аборигенным населением западносибирской Арктики – городище Бухта Находка. Оно представляло собой единый оборонительно-жилой комплекс. Возводился поселок единовременно, судя по дендрохронологическим данным, в конце второй четверти XIII в. (Сидорова и др., 2017. С. 77). Он состоял из восьми жилых домов, сгруппированных в два ряда относительно центрального прохода, из которого вели проемы в каждый дом. По наружному периметру комплекса была возведена торфо-дерновая каркасно-стеновая конструкция. Центральный проход и кровля каждого дома имели перекрытие из жердей с гидроизоляцией из бересты и веток, прижатых дерном (Кардаш, 2011. С. 21). Такое сооружение имело общий вид естественного природного холма – сопки, которые впоследствии и стали именовать «сопками сихиртя». Одним из значимых моментов является заметное отличие архитектуры городища Бухта Находка от строительных традиций Надымского, Полу́йского (Обдорский) и Войкарского городков, функционировавших и в более позднее время (XIII–XVIII вв.), традиционно связываемых с этническим населением региона (Кардаш, 2006; Федорова, 2006).

Есть упоминания о военных столкновениях ненцев с сихиртя, в которых последние отличались не столько ратной доблестью, сколько умением неожиданно скрыться и внезапно появиться вновь. «Ехал ненец по тундре и вдруг увидел двух незнакомых людей. Они играли (боролись) около обрыва. Как только они увидели человека с оленями, сразу скрылись – как будто под землю» (Хомич, 1970. С. 61).

Среди других отличительных особенностей сихиртя упоминается также большое количество металлических предметов, особенно котлов и черпаков. Достаточно часто встречаются сообщения о подарках ненцам от сихиртя в виде красивого ножа (*сихицтя хар* – нож сихиртя)² или оставления женской сумочки (*тучи*) для шитья или рукоделия. Эти элементы находят прототипы в кинтусовских погребальных комплексах Арктики. Инвентарь, выявленный при изучении данных комплексов, показывает, что кинтусовцы-сихиртя не только пользовались изделиями местных мастеров, но и имели устойчивые связи с другими, далеко живущими народами. Прослеживаются контакты обитателей Тюменской Арктики с населением Прикамья, Волжской Болгарии и, вероятно, русскими княжествами. Впоследствии широкий приток в таежные и тундровые районы импортных вещей в обмен на меха способствовал упадку местного бронзолитейного производства и угасанию культурных традиций народа сихиртя.

Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Подземные карлики // Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>

Еньшин Д.Н., Слепченко С.М., Скочина С.Н., Рафикова Т.Н., 2018. Могильник Тазовский 2: перспективы исследования // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Материалы Всероссийской научной конференции, г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. Вып. 4. Тюмень: ТюмНЦ СО РАН. С. 86–89.

Кардаш О.В., 2006. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII в. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. № 13. С. 128–131.

Кардаш О.В., 2011. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург: АМБ. 60 с.

¹ Мифологический сюжет о низкорослых людях или карликах, проживающих под землей, распространен в различных частях земного шара. Ближайшие параллели мы можем проследить на территории Северного Урала и Поволжья в описании «чуди белоглазой» (см: Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н., б/г. I20. Подземные карлики). Однако остальные элементы культуры и быта этих мифических народов сильно разнятся.

² Интересно отметить, что и современное ненецкое население, называя некоторые предметы, соотносит их с народом сихиртя, например, «сихиртя сенга» – колокольчик/бубенчик сихиртя, от ненецкого сенгакота – колокольчик.

- Сидорова М.О., Омурова Г.Т., Кардаш О.В., Мыглан В.С., 2017. Дендрохронологическое датирование поселения Бухта Находка (п-ов Ямал) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. С. 75–78.
- Ткачев А.А., 2015. Взгляд вглубь тысячелетий // На краю Ямала. Тюмень: Эпоха. С. 83–97.
- Ткачев А.А., 2017. Археологические исследования в низовьях реки Таз // I Международная конференция «Археология Арктики». Тезисы докладов. 19–22 ноября 2017 г., Салехард. Екатеринбург: Деловая пресса. С. 152–155.
- Ткачев А.А., Квашнин Ю.Н., 2014. Новые материалы к археологической карте Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Маргулановские чтения. Алматы; Павлодар. С. 295–303.
- Федорова Н.В., 2006. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник ЯНАО. Вып. 4 (41). Салехард: Красный Север. С. 11–17.
- Хомич Л.В., 1970. Ненецкие предания о сихиртя // Фольклор и этнография. Л. С. 59–69.
- Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Смирнов А.П., Мошинская В.И., Чернецов В.Н., Золотарева И.М. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М. С. 136–245 (МИА. № 58).

А.В. Фисенко

*ГБУК Археологический центр Псковской области, Псков
F1son@yandex.ru*

ОСТАТКИ КОСТОРЕЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ ВАСИЛЬЕВСКОГО III РАСКОПА В ПСКОВЕ: ДАТИРОВКА, ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Васильевский III раскоп 2004 г. расположен на территории, именовавшейся в средневековье Полонищем. Первое письменное упоминание района относится к 1323 г. (Псковские летописи, 1955. С. 23). Исследованная площадь тяготеет к трассе средневековой улицы Великой, которая соотносится с современной ул. Советской. Топографическими реперами служат также трасса стены 1374/1375 гг., ров перед стеной и р. Зрачка, русло которой соответствовало рву.

Коллекция костных остатков, полученных в Васильевском III раскопе, составляет 131857 ед., доля отходов косторезного производства – 17 %. Общее количество остатков косторезного производства, выявленных по г. Пскову на данный момент, свыше 28000 ед. На Васильевский III раскоп приходится 22036 ед., т.е., для средневекового Пскова это самая крупная коллекция маркеров косторезного ремесла. Состав костяного сырья коллекции: полый рог – 1 ед., плотный рог – 6 ед., кости животных – 22029 ед.

Основными категориями изделий из костей животных являются: отпиленные эпифизы метаподиев крупного рогатого скота (далее КРС) – 21937 ед., шайбы/заготовки обоймиц – 74 ед., заготовки изделий – 18 ед. Встречены как верхние, так и нижние части метаподиев КРС с опиленным краем. Они представляют собой отходы от вычленения трубчатой части полый кости. Шайбы/заготовки обоймиц и заготовки других изделий сделаны из этих вычлененных «трубок», т.е., в рассматриваемой коллекции основной использовавшейся анатомической частью КРС были передний и задний метаподий.

Большая часть остатков производства (77 %, 16952 ед.) сконцентрирована на уровне 12–13 пластов, что, по разработанной ярусологии, соответствует 2 ярусу, датированному серединой – второй половиной XV в. (Степанов, 2005. С. 152). Остальные производственные отходы выявлены на уровне 11 пласта (14 %, 3101 ед.) и 14 пласта (8 %, 1743 ед.).

Следующий этап исследования – выявление мест концентраций материала. Моделирование распределения находок проводилось при помощи специализированного программного обеспечения SURFER v13. Все схемы строились по трем координатным точкам XYZ, где X и Y – положение в пространстве, Z – численное выражение находок на площади квадрата площадью 2 кв. м. Для анализа введенных данных использован

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.149-151>

метод разбивки kriging, шаг горизонталей 40 ед. Полученная схема распределения отходов демонстрирует векторную направленность по оси С–В – Ю–З. Вектор параллелен крепостной стене 1374/1375 гг., рву перед стеной и р. Зрачке. Обнаруженная тенденция особенно характерна для диапазона 11–13 пластов. Пласт 14 подтверждает ее, но менее интенсивно.

Для понимания контекста пространственного распределения проведена реконструкция планировки данного участка посада. На площади раскопа выявлен Т-образный перекресток и массив построек, ориентированных относительно трасс деревянного замощения. Основная их часть имеет небольшую площадь – порядка 8 кв. м. Это может быть косвенным свидетельством их подсобного назначения.

После совмещения схемы пространственного распределения отходов косторезного производства с реконструкцией планировки изученного участка посада оказалось, что костные остатки в пространстве ограничены деревянным замощением проулка (рис. 1). Основываясь на полученных данных, можно утверждать, что на участке Полонища во второй половине XV в. действовала мастерская, специализировавшаяся на производстве изделий из метаподиев крупного рогатого скота. Производственные отходы использо-

Рис. 1. Васильевский III раскоп в Пскове. Распределение остатков косторезного производства и план застройки.

1 – концентрации остатков косторезного производства; 2 – деревянные конструкции.

вались для благоустройства территории, ремонта деревянного замощения, нивелировки поверхности, дренирования слоя. Такая практика – распространенное явление в средневековых русских городах. На территории Нового Торга в Пскове, по материалам Лужского II раскопа Л.В. Яворской выявлено замощение деревянного настила улицы с большим количеством разломанных голов КРС (Яворская, 2014. С. 53–54). Подобную картину демонстрирует раскоп на Незнановой Горке в Пскове (Незнанова Горка – II). Здесь кости животных использовались для дренирования и заполнения объема рва и нивелировки территории, прилегающей к стене 1374/1375 гг. (Салмин, Яворская, 2016. С. 54–55). Относительно аналогий в других средневековых городах Руси, важно отметить раскоп на Ярославовом дворище в Великом Новгороде, на площади которого впервые были выявлены «костные вымостки» (Арциховский, 1949. С. 160–161; Яворская, 2013. С. 1181–1182).

Подводя итоги, мы утверждаем, что собранная коллекция отходов и заготовок косторезного ремесла датируется XV–XVI вв., ее основной контекст попадания в слой связан с трассой деревянного настила, а точнее, проулка, шедшего параллельно стене 1374/1375 гг. Использовались отходы для ремонта и сохранности деревянного настила, нивелировки поверхности и осушения слоя.

Арциховский А.В., 1949. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1 / Отв. ред. Н.Н. Воронин. М.: АН СССР. С. 152–176 (МИА. № 11).

Псковские летописи. Вып. 2. 1955 / Ред. А.Н. Насонов. М.: АН СССР. 364 с.

Салмин С.А., Яворская Л.В., 2016. Раскоп Незнанова Горка – II в Пскове в 2013–2014 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова: Материалы 61-го заседания (2015 г.). Вып. 31 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: ИА РАН. С. 43–57.

Степанов С.В., 2005. Отчет об археологических исследованиях в г. Пскове по ул. Советской, 42в (Васильевский № III раскоп) в 2004 г. Т. 1–4 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 27962–27966.

Яворская Л.В., 2013. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал Т. 92. № 9. С. 1179–1189.

Яворская Л.В., 2014. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский II в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова: Материалы 59-го заседания (2013 г.). Вып. 29 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.; Псков; СПб.: Нестор-История. С. 42–56.

О.Ф. Хайруллина

*Удмуртский государственный университет, Ижевск
olenbka93@bk.ru*

ПРЕДМЕТЫ КОЛЬЧУЖНОГО ПЛЕТЕНИЯ В СОСТАВЕ УКРАШЕНИЙ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА МОГИЛЬНИКОВ III–V ВВ. СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Предметы кольчужного плетения (далее – предметы КП) обнаружены практически во всех могильниках мазунинской культуры (далее – МК). Традиционно рассматриваются в качестве элементов женских головных уборов – накосников (Останина, 1997. С. 36–37; Красноперов, 2006. С. 85–88; Васюткин, 1980. С. 81–82), хотя известны и другие варианты размещения предметов КП в костюме населения МК (Голдина, Бернц, 2010. С. 72, 126). Само понятие до сих пор не имеет четкого определения: с кольчужными изделиями, сплетенными из железных и/или бронзовых колец, объединяют простые цепочки и подвески S-видной формы (Останина, 1997. С. 36–37, 51). Связано это с тем, что названные предметы часто обнаруживают вместе в составе одних и тех же украшений (к примеру, накосников), которые нередко доходят до исследователя в неудовлетворительном состоянии. Вероятно, именно по этой причине за скобками, казалось бы, изученного феномена остаются вопросы, касающиеся функционала предметов КП в мазунинских погребениях, их описания, времени возникновения (или проникновения),
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.151-154>

местного производства или импорта, аналогий и т.д. Некоторые из них рассмотрены в настоящем исследовании.

Предметы КП обнаружены в 119 погребениях и 120 комплексах, происходящих из 12 мазунинских некрополей¹. Имеющиеся половозрастные определения (Боярка, Дубровский, Тарасово, Тураево I, Покровский – 62 скелета, 51,7 %) свидетельствуют об использовании предметов КП исключительно женщинами всех возрастов (от 14–16 до 60 и более лет – 56 костяков, 46,6 %), реже – детьми от 3 до 10 лет (5 костяков, 4,2 %)². Они размещались в могилах согласно нормам погребального обряда МК: в жертвенных комплексах (вещь/скопление вещей, уложенных в определенном месте при умершем, – 58 костяков, 48,3 %) или на теле (т.е. в костюме – 47 костяков, 39,2 %); оба варианта встречены вместе в 5 случаях (4,2 %).

В костюмном комплекте мазунинцев предметы КП использовались по-разному: в качестве нагосников (в виде мешочков), крепившихся к затылочной части головного убора (Останина, 1997. С. 36–37. Рис. 72; 74; Красноперов, 2006. С. 85–86. Табл. 27: 4) (31 случай), или привесок к нагрудным украшениям (22 случая), которые подвешивались к одной (например, Тураево I / 135) или к обеим сторонам фибулы/сюльгамы вместе с бисером, подвесками, цепочками (Тарасово 1691). Необычен третий вариант размещения предметов КП в погребении: в виде мелких или крупных фрагментов кольчуг, которые лежат на костяке вне связи с вещами (к примеру, застегками), крепившими их к костюму – 8 случаев. Некоторые из них зафиксированы в области грудной клетки или пояса (Тураево I / 14, 83 – мелкие фрагменты, 107 – 14,0 × 7,5 см; Ангасяк 93 – около 15,0 × 7,0–8,0 см; Старая Мушта раскоп 1, погр. 4 – 22,0 × 10,0 см) и, вероятно, являлись нагрудными украшениями. Другие обнаружены на руках (Тураево I / 139 – около 70,0 × 10,0 см) или ногах (Покровское 147 и 199 – 50,0 × 7,0–10,0 см) умерших в виде вытянутых «лент» рядом с наборными поясами (украшения разложенного пояса или нашивались на одежду?).

Большинство предметов КП сильно корродированы; информация об их изготовлении получена из 32 комплексов (Боярка, Дубровский, Тарасово и Тураево I – 26,6 %). Железная проволока колец имеет округлое сечение, толщину 1–3 мм. Плетение стандартное – 1:4. Внешний диаметр колец – 0,7–1,2 см, типы визуально трудноопределимы. Предположительно кольца были спаяны (James, 2004. Р. 110) или имели разомкнутые концы (Sim, Kaminski, 2012. Р. 123), спекшиеся между собой. Схожие результаты по данному типу колец имеются в Ангасяке и Старой Муште (Васюткин, 1980. С. 81–82; Тагиров, 2007. С. 91; Сунгатов и др., 2004. С. 63). Клепанные кольца известны в двух некрополях: Покровское 147 (Останина, 1997. Рис. 26: 12) и Усть-Сарапулка 1 (Водолаго, 1984. Рис. 6).

Без специального технологического изучения вопрос о местном или привозном характере предметов КП из могильников МК остается открытым. Привозными можно считать клепанные образцы, происходящие также из воинских азелинских и тураевских (курганная часть) погребений с импортным оружием (Семыкин, 1993. С. 192; Завьялов и др., 2009. С. 108–125). Процесс их изготовления технологически сложен, сопоставим скорее с работой ювелира, нежели кузнеца, а «защитный индекс» выше, по сравнению

¹ Количество комплексов с данными изделиями в могильниках разнится: Тарасово (15), Тураево I (16), Усть-Сарапулка (4), Ижевск (1), Нива (1), Покровское (46), Заборье (1), Старо-Кабаново (11), Ангасяк (10), Старая Мушта (4), Боярка (3), Дубровский (8) (Голдина, 2003; Голдина, Бернц, 2010; Армагынская, 1986; Останина, 1978; 1984; 1992; Бернц, 2006; Васюткин, 1980; Васюткин, Останина, 1986; Тагиров, 2007; Сунгатов и др., 2004). Это объясняется, с одной стороны, «лаконичностью» имеющихся публикаций, а с другой – возможностью автора работать с некоторыми коллекциями и полевой документацией «вживую» (материалы КВАЭ УдГУ: Тарасовский, Тураевский I, Усть-Сарапульский, Ижевский, Боярский, Дубровский, Покровский могильники – 48 погребений). Выражаю искреннюю благодарность за такую возможность авторам раскопок – Р.Д. Голдиной, Е.М. Черных и В.А. Бернц.

² Выбывается из статистики погр. 92 Покровского могильника, определенное как мужское (?), хотя инвентарь в нем типично женский (жертвенный комплекс с височными подвесками и бусами, фибула и др.). Кроме того, еще в двух погребениях (погр. 10 Старо-Кабаново и погр. 2 кургана 5 Старой Мушты), для которых отсутствуют половозрастные определения, обнаружен «мужской» погребальный инвентарь – топор, копье и удила.

с кольчугами из разомкнутых колец (Sim, Kaminski, 2012. Р. 123, 132). Оба типа колец производились в римских мастерских, хотя некоторые исследователи полагают, что техника изготовления кольчуг с разомкнутыми кольцами типична для Востока (особенно в Средневековье и в более позднее время) (James, 2004. Р. 111).

Предметы КП, судя по хронологическим выкладкам Т.И. Останиной, бытуют в МК на протяжении IV–V вв. (Останина, 1997. Рис. 51: 39, 72, 74; там же комплекс вещей, характерный для женского костюма периода «развитого мазунино», в том числе местные типы фибул Останина 1-4 и 1-5, Останина-2, Останина-3, трехщитковые по Т.М. Сабировой: 2019. С. 21–23). Уточняют датировку описываемых находок в рамках IV в. (возможно, второй четверти IV – начала V в.) импортные фибулы: двучленная прогнутая подвязная из Старой Мушты (погр. 3 курган 15: тип Амброз 16/2-1-3 (IV в.) / Гороховский-Б36 (фазы 4, 5 – 350–400, 375/380–420/430 гг.) / Шаров-3 (горизонт 3 – 310/320–350/360 гг.); Амброз, 1966. С. 64–66; Гороховский, 1988. С. 35, 44–45; Шаров, 1992. С. 183, 197, 198. Табл. VIII; IX) и «Т-образная» из Покровского могильника (погр. 125: по определению Т.М. Сабировой, тип Корзухина IV–1, датированный Е.Л. Гороховским, А.И. Кубышевым, Р.В. Терпиловским первой половиной IV в.; Гороховский и др., 1999. С. 145; Сабирова, 2019. С. 26). Предложенной дате не противоречит поясная гарнитура (к примеру, Тураево I / 39, 204, Покровское 109В, 125, 147, Старо-Кабаново 36, 107, 135), аналогичная некоторым позднесарматским образцам (П9, П10, Н10, по В.Ю. Малашеву; Малашев, 2000. С. 196, 197, 201, 202, 205–207. Рис. 2). Верхняя хронологическая граница последних, в частности, пряжек типа П10, не выходит за рамки раннего V в. (Малашев, 2000. С. 205).

- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Наука. 142 с. (САИ. Вып. Д1-30).
- Армагынская О.В., 1986. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. Устинов. С. 26–46.
- Бернц В.А., 2006. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи Великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск: УдмГУ. С. 351–390.
- Васюткин С.М., 1980. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск. С. 72–91.
- Васюткин С.М., Останина Т.И., 1986. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов: Удмуртия. С. 64–125.
- Водолаго Н.В., 1984. Отчет об исследованиях Усть-Сарапульского могильника в Сарапульском районе Удмуртской АССР в 1983 г. // Архив ИИКНП. Ф-2. Д. 175.
- Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия. 721 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск: УдмГУ. 499 с.
- Гороховский Е.Л., 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов, Киев, 18–25 сентября 1985 г. Т. 4. Секция I. Древние славяне / Отв. ред. В.Д. Баран. К.: Наукова думка. С. 34–46.
- Гороховский Е.Л., Кубышев А.И., Терпиловский Р.В., 1999. Украшения круга выемчатых эмалей из села Воронькив на Киевщине // Сто лет черняховской культуре. К.: ИА НАН Украины. С. 145–149.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 2009. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак. 264 с.
- Красноперов А.А., 2006. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск. 269 с.
- Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.

- Останина Т.И., 1978. Нивский могильник III–V вв. н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск: Удмуртия. С. 92–117.
- Останина Т.И., 1984. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия. С. 26–92.
- Останина Т.И., 1992. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртия. 96 с.
- Останина Т.И., 1997. Население среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 326 с.
- Сабирова Т.М., 2019. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. Ижевск: Шелест. 238 с.
- Семыкин Ю., 1993. Технологическая характеристика кузнечного инвентаря из Тураевского могильника // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: Артефакт. С. 192–200.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М., 2004. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат. 172 с.
- Тагиров Ф.М., 2007. Новые исследования Ангасякского могильника // Уфимский археологический вестник. № 6–7. С. 89–110.
- Шаров О.В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.: Ойум. С. 158–208.
- James S., 2004. The excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII // The Arms and Armour and other Military Equipment. London: The British Museum Press. 304 p.
- Sim D., Kaminski J., 2012. Roman imperial armour: the production of early imperial military armour. Oxford: Oxbow Books. 201 p.

И.М. Харитонов

*Ставропольский государственный музей-заповедник
iliaskhariton22@gmail.com*

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ ВОИНСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ В КОЗЬЕЙ БАЛКЕ БЛИЗ СЕЛА САДОВОЕ АРЗГИРСКОГО РАЙОНА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В фондах отдела археологии Ставропольского музея-заповедника хранятся две византийские золотые монеты – солиды. Обе обнаружены во время спасательных археологических работ под руководством Н.А. Охонько в Козьей Балке, близ с. Садовое Арзгирского района Ставропольского края, 15 октября 1983 г. Согласно фондовым документам музея, солиды относятся к комплексу предметов, происходящих из мужского воинского захоронения середины VIII в. (СГМЗ, Легенда к акту № 225). Со слов автора раскопок, одну монету расчистили в районе правого плеча скелета, другую – в районе правого предплечья.

На первом солиде на аверсе изображен византийский император, основатель династии Исаврийцев Лев III Исавр (717–741), на реверсе его сын Константин V Копроним (741–775) (рис. 1: А, Б). На второй монете также представлены Лев III и Константин V (рис. 1: В, Г). Известно, что во время правления Константина выпуск солидов с изображением Льва III продолжался. Традиция чеканить на монетах императоров и их наследников приходится на тот же период, что и иконоборческая кампания в Византии, организованная Львом III в 730 г. Только в 787 г. Ириной, вдовой императора Льва IV, на VII Вселенском Соборе в Никее было восстановлено право почитания христианских святых (Баранов, 2009).

Диаметр первой монеты – 18,5 мм, вес 3,8 г, она имеет 880 пробу (рис. 1: А, Б). Вторая монета имеет диаметр 17,5 мм, вес 3,45 г, 980 пробу (рис. 1: В, Г). У обоих экземпляров неровно обрезанные края. Наиболее достоверным кажется предположение, объясняющее обрезывание солидов мошенничеством чиновников, купцов, менял, сборщиков налогов, то есть, всех, кто имел доступ к большим суммам, и заинтересованных в

А

Б

В

Г

Рис. 1. Золотые солиды из захоронения в Козьей Балке.

личном обогащении (Гурулева и др., 2011. С. 140–141). Такая практика долго существовала в Византии, несмотря на суровость наказания.

В.В. Гурулева отмечает, что среди обрезанных солидов VIII в. большинство составляют выпуски Константина V с Львом III и Львом IV, датированные 757–775 гг. В годы правления Константина V ухудшаются отношения Халифата и Хазарского каганата, на фоне чего хазары налаживают союзнические связи с Византией. Как следствие возрастает поток солидов в степь в качестве дипломатических даров (Пьянков, Юрченко, 2011. С. 42). Судя по отсутствию отверстий и петельки, монеты не предназначались для украшений и не являлись социальным маркером. Исследователи полагают, что многочисленные находки солидов с изображением Константина V в Крыму, на Тамани и Кавказе (Абрамзон, 2013. С. 37), не говоря уже о степной зоне (Семенов, 1996. С. 30–31), свидетельствуют о пике политических отношений Византии и Хазарии в годы правления этого императора. А когда ситуация на международной арене меняется, Халифат возвращается к союзническим отношениям с Хазарией, на территорию каганата начинают поступать дирхемы, которые используются вместе с солидами.

Абрамзон М.Г., 2013. Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок // ПИФК. 2 (40). С. 22–43

- Баранов В.А., 2009. Иконоборчество // Православная энциклопедия. Т. XXII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». С. 31–44.
- Гурулева В.В., Кулешов В.С., Юрченко Т.В., 2011. Монеты из Славянского (Анастасиевского) кладя // НЭ. Вып. XVIII. С. 136–186.
- Пьянков А.В., Юрченко Т.В., 2011. Византийские золотые монеты из новых поступлений Краснодарского музея-заповедника // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва–Коломна, 20–25 апреля 2015 г. Тезисы докладов и сообщений. М. С. 40–42.
- Семенов А.И., 1996. «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М. С. 29–32.

Д.А. Челпанова

*Институт Археологии РАН, Москва
chelpanova.darya@gmail.com*

К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ МАКСИМОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Максимовский могильник является одним из первых муромских памятников, открытых в середине XIX в. Находки, попавшие в руки финского археолога И.Р. Аспелина, позволили ему соотнести некрополь с финно-угорским племенем «мурома», которое по письменным источникам локализовалось в Нижнем Поочье, но древности которого до того момента найдены не были (Aspelin, 1878/79. Р. 191). В 1878–1895 гг. А.С. Уваровым, А.А. Спицыным и Ф.Д. Нефедовым на разных участках могильника были вскрыты значительные площади и исследованы 70 погребений. В течение XX в. работы здесь ограничивались разведками, и к раскопанным ранее прибавилось всего 5 комплексов (Селезнев, 1926; Леонтьев, 1992; Бейлекчи, 2000). Изученная на памятнике площадь ориентировочно составляет около 500 кв. м.

Большая часть коллекции Максимовского могильника хранится в ГИМ и фактически не публиковалась, за исключением наиболее выразительных вещей (Спицын, 1901; Уварова, 1907). В целом памятник датировался IX–XI вв., что соответствует заключительным этапам существования муромской культуры (Гришаков, Зеленева, 1990. С. 30).

В настоящей работе предпринята попытка обобщения археологических материалов, публикаций начала XX в. и архивных документов с целью уточнения границ могильника в целом и определения участков расположения разновременных захоронений в его исследованной части. Для этого автором проанализирована коллекция находок, хранящаяся в ГИМ. Важным источником являются публикации А.А. Спицына, заложившего проверочные траншеи на местах раскопок А.С. Уварова и Ф.Д. Нефедова, документация которых не сохранилась (Спицын, 1901. С. 106). Также для локализации территории памятника и раскопок использованы данные А.Е. Леонтьева (Леонтьев, 1992) и план генерального межевания 1769 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 51. Ч.2. № М 58).

На схеме А.А. Спицына показано расположение раскопанных им траншей на территории усадьбы д. Максимовка. Хорошей привязкой для этой схемы служит зафиксированный исследователем прирусловой вал, который читается на современных картах. Для выявления мест, где находились сад, усадебный дом и иные постройки, к которым в середине XIX в. были привязаны раскопы, привлечена карта генерального межевания дач в масштабе 1:84. На ней отображена деревня Максимовка, а также русло реки Бырышевка, положение которого на современных картах определяется достаточно точно. Сопоставив актуальные планы с чертежами XVIII в., а также данными А.А. Спицына и А.Е. Леонтьева, можно предположить, где находились раскопы начала XX в., и сделать первоначальные выводы о топографии памятника.

Площадка могильника расположена на мысу при впадении в р. Барышевка мелкого ручья. Его примерная площадь – 4900 кв. м. Основная зона раскопок локализуется в юго-западной части памятника. По-видимому, именно здесь исследовались траншеи А.С. Уваровым и Ф.Д. Нефедовым, на месте которых А.А. Спицыным, судя по его схеме,

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.156-158>

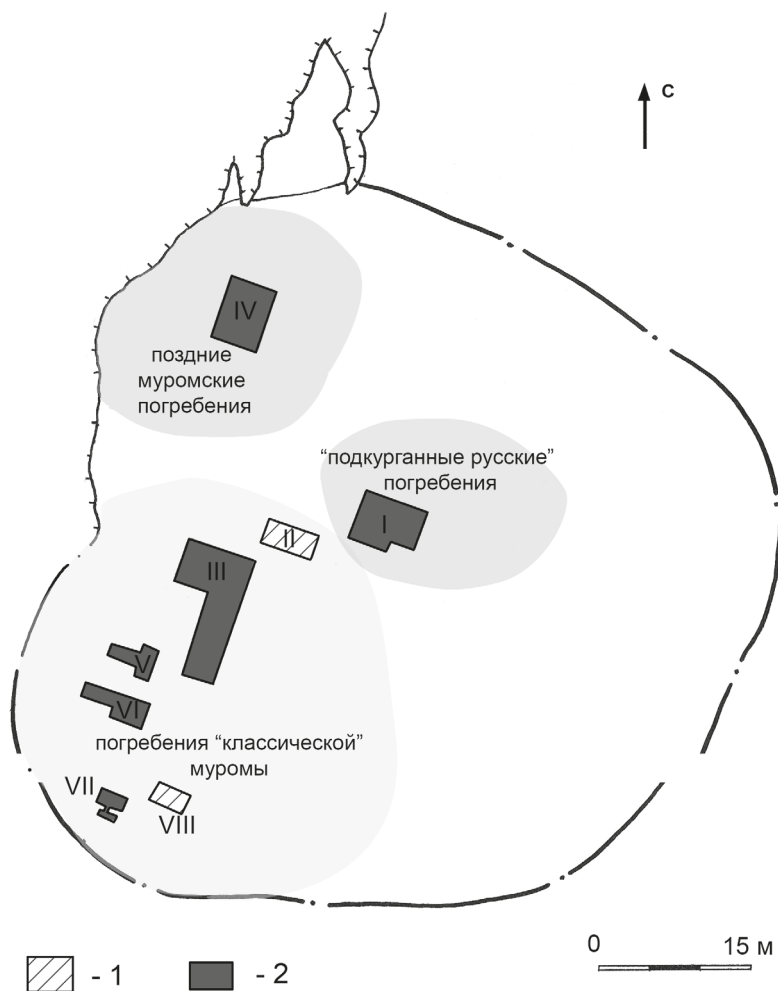

Рис. 1. Схема расположения групп погребений на Максимовском могильнике.

Римскими цифрами обозначены номера раскопов А.А. Спицына. 1 – «пустые» траншеи; 2 – траншеи с погребениями.

в 1895 г. были заложены четыре небольших раскопа (V–VIII) (Спицын, 1901. С. 106). Самый восточный из них (VIII) находок не содержал, но в других, размещавшихся ближе к реке, встречались отдельные вещи. Наиболее многочисленный и яркий материал А.А. Спицын получил из траншеи, располагавшейся перед домом, то есть, несколько севернее южного, раскопанного ранее, участка. Еще три раскопа (I, II, IV) находились в центральной и северо-западной части могильника. Максимальное количество погребений было выявлено в центральном раскопе (III). На самом восточном из вскрытых участков (I), по сообщению исследователя, обнаружили исключительно «русские»¹ захоронения, а раскоп (IV) в северо-западной части усадьбы содержал как ранние, так и поздние комплексы муромы (Спицын, 1901. С. 106–107).

К сожалению, планы траншей не сохранились, но анализ коллекции, хранящейся в ГИМ, и сопоставление ее с данными из публикации А.А. Спицына позволяют выделить несколько групп украшений. Одну из них составляют вещи, которые можно отнести к «классической» муроме: головные жгуты, браслетовидные проволоочные височные кольца муромского типа, разнообразные шумящие привески, спиральные браслеты и т.п. В другую входят изделия, связанные с муромской культурой позднего этапа ее существования: лунничные височные кольца, «усатые» перстни, некоторые типы браслетов, золотостеклянные бусы. Выделяется небольшая группа вещей, которые датируются более поздним временем и часть которых соотносима с материалами древнерусских памятни-

¹ Терминология А.А. Спицына.

ков: перстневидные височные кольца с бусинами, ожерелья из бус с привесками-лунницами, монетовидные привески, пластинчатые перстни с завязанными концами, плетеные и конькоголовые браслеты. Именно эти предметы, вероятно, происходят из погребений с западной ориентировкой, которые А.А. Спицын исследовал в раскопе I. По его сообщению, на памятнике могли существовать подкурганные захоронения, что вполне согласуется с находками таких объектов на Подболотьевском могильником (Зеленцова, Милованов, 2015). Таким образом, результаты анализа музейной коллекции и соотнесение их с замечаниями А.А. Спицына позволяют предположить, что в южной и центральной части Максимовского могильника находились погребения муромы, а на периферии – в восточной и северо-западной части – поздние захоронения, в том числе, вероятно с древнерусским инвентарем.

Изучение картографического материала и наложение плана раскопок А.А. Спицына на топоплан свидетельствуют, что исследованиями не была затронута восточная часть памятника, вскрытые площади в основном располагались вдоль реки. Эти предположения могут быть проверены лишь в результате будущих полевых работ, которые подтвердят или опровергнут их.

- Бейлекчи В.В., 2000. Отчет о разведочных работах Археологической службы Муромского историко-художественного музея в Муромском районе Владимирской области в 2000 г. // Архив МИХМ.
- Гришаков В.В., Зеленев Ю.А., 1990. Муром VII–XI вв. Учебное пособие. Йошкар-Ола: МарГУ. 77 с.
- Зеленцова О.В., Милованов С.И., 2015. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 122–134.
- Леонтьев А.Е., 1992. Отчет о разведках во Владимирской области в 1991 г. // Архив ИА РАН.
- Селезнев Ф.Я., 1926. Археологические исследования в окрестностях Муром: культура финнов Средней Оки // Материалы по изучению Владимирской губернии. Вып. 2. Владимир. С. 31–33.
- Спицын А.А. 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Вып. I. СПб.: Типография «Т-ва Художественной Печати». 120 с. (МАР. № 25).
- Уварова П.С., 1907. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. Отд. 3–4. М. 202 с.
- Aspelin J.R., 1878/79. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Vol. III. C. 2. Helsinki.

М.С. Яковчик

*Институт археологии РАН, Москва
jack_sparrow_3@mail.ru*

О ТЕХНИКЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРЯДЕННЫХ ЗОЛОТНЫХ НИТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ X В.)

Пряденные золотные нити состоят из тонкой полоски металла, навитой спирально на нить-сердечник, которая изготавливалась из различных металлов (прежде всего драгоценных) и их сочетаний двумя способами. Первый – нарезка тонкого листа металлической фольги на узкие полоски при помощи специальных инструментов (такие полоски называются битью). Второй – плющение тонкой проволоки проковкой по всей длине или пропусканием через вращающиеся вальцы, хотя последние стали применяться довольно поздно (Hacke et al., 2012. P. 61; Karatzani, 2012. P. 62).

Рядом исследователей (М. Яро, А. Каратзани, А.М. Хэйк и др.) предложены критерии определения способа производства полосок для пряденных золотных нитей. По результатам изучения на сканирующем электронном микроскопе (далее СЭМ) изготовленных в рамках эксперимента полосок металла установлено, что сработанные указанными выше способами полоски и их края имеют характерные морфологические признаки. Также автором настоящей работы совместно с Н.В. Ениосовой (МГУ) было проведено исследование на СЭМ краев алюминиевой фольги, разрезанной ножницами и скальпелем, с

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.158-160>

Табл. 1. Пряденные золотные нити (Гнёздово, Псков)

Образец	Изделие	Толщина золотных нитей, мм	Металлическая полоска				Сердечник (материал, крутка, толщина, мм)
			Металл	Ширина, мм	Толщина, мм	Крутка	
ЦГ-XXIV.1	–	0,2–0,3	Au	0,3–0,4	0,02	S	–
ЦГ-XXV.1	–	0,4	Au	0,3–0,4	0,03–0,04	S	–
ЦГ-XXV.2	–	0,3	Au	0,6–0,7	0,03	S	–
ЦГ-XXV.3	–	0,3	Au	0,7–0,8	0,04	S	–
Оль-30.1	Вышивка (?)	0,3–0,5	Au	0,1–0,7	0,02–0,04	S	–
ПОль-62.1	Ленты	0,3–0,4	Ag	0,2–0,7	0,02	S	Шелк, S, 0,2
ПОль-62.2	Нить, пришитая к ткани	0,2	Ag	0,2–0,3	0,02	Z	Шелк, Z, 0,1–0,2
ПОль-76.1	–	0,2–0,4	Au	0,3–0,5	0,03	S, Z	–
Ц-198.1	Лента от головного убора	0,4–0,5	Ag	0,1–0,7	0,03	S, Z	Шелк, S, без крутки, 0,4–0,5
Псков.1	Вышивка	0,2–0,3	Au	0,1–0,5	0,02	S	–

целью определить признаки инструментов, которыми бить вырезалась из листа металла. Бить обычно неравномерна по ширине и толщине, ее края срезаны прямо и могут иметь заостренные концы и «заусенцы». Важный признак вырезанной из фольги полоски – наличие следов от инструментов в виде рядов линий на краях (Járó, 1984. P. 23. Fig. 5, 6; Hacke et al., 2004. P. 416. Fig. 1: a; Karatzani et al., 2009. P. 102. Fig. 4, 5; Karatzani, Rehren, 2009. P. 447. Fig. 1: b). Разрезанная ножницами фольга имеет ровные края с немного скошенными концами и «заусенцами», на срезе фиксируются поперечные параллельные линии – следы от лезвий ножниц (рис. 1: 1А). В результате нарезки фольги скальпелем на ровных краях полосок остаются ряды продольных линий (рис. 1: 1Б) (Яковчик, 2018.

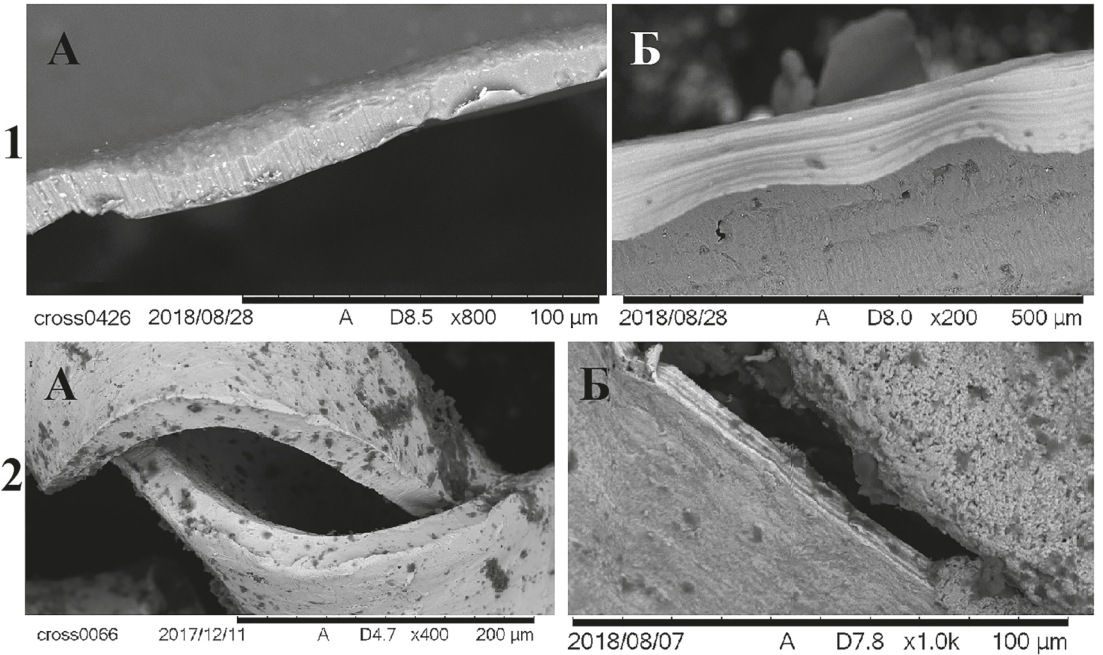

Рис. 1. Техника изготовления золотных нитей.

1 – эксперимент по нарезке полосок из алюминиевой фольги: А – края полоски, отрезанной ножницами; Б – края полоски, отрезанной скальпелем; 2 – края полосок пряденных золотных нитей X в.: А – образец Псков.1; Б – образец ПОль-62.2.

С. 36–37). У металлических полосок, изготовленных плющением проволоки, наблюдаются округлые гладкие края. Ширина полоски может быть как одинаковой по всей длине, так и неравномерной (Járó, 1984. P. 22–23. Fig. 1–4; Hacke et al., 2004. P. 416. Fig. 1: b; Karatzani, Rehren, 2009. P. 447. Fig. 1: d).

Полоски металла от 10 образцов пряденых золотных нитей (табл. 1) с памятников Древней Руси X в. (Гнёздовского комплекса и Старовознесенского некрополя Пскова) были изучены на СЭМ, полученные данные сопоставлены с результатами экспериментов. Полоски от всех образцов представляют собой бить. Для нарезки полосок от трех образцов (Оль-30.1, ПОль-76.1, Псков.1) использовались ножницы. Края полосок образца Псков.1 срезаны достаточно ровно, на них фиксируются «заусенцы» и поперечные линии (рис. 1: 2А). Схожие морфологические характеристики обнаружены у полосок образцов Оль-30.1 и ПОль-76.1: края обрезаны ровно или имеют слабо скошенные стороны, на них фиксируются ряды поперечных линий. Ширина полосок образца Оль-30.1 неравномерна и может довольно сильно варьироваться на небольшом участке. Бить от одного образца (ПОль-62.2) была вырезана ножом или похожим на него инструментом: вдоль ровно обрезанного края полоски проходят ряды параллельных линий (рис. 1: 2Б).

Полоски от пяти образцов (ЦГ-XXV.1, ЦГ-XXV.2, ЦГ-XXV.3, ПОль-62.1, Ц-198.1) имеют ровно обрезанные края, однако обнаружить следы, позволяющие идентифицировать использованный инструмент, не удалось. Определить технику изготовления полосок образца ЦГ-XXIV.1 не удалось, так как золотные нити оплавлены, производственные следы на краях уничтожены.

Среди изученного материала не обнаружены золотные нити, полоски от которых можно идентифицировать как изготовленные плющением проволоки.

Яковчик М.С., 2018. Золотные нити на территории Древней Руси домонгольского периода: Дисс... канд. ист. наук. М. 500 с.

Hacke A.-M., Carr C.M., Brown A., 2004. Characterisation of metal threads in Renaissance tapestries // *Scientific Analysis of Ancient and Historic Textiles: Informing Preservation, Display and Interpretation*. Canberra: National Museum of Australia. P. 415–426.

Járó M., 1984. The investigation of the metal embroidery threads of the Hungarian coronation mantle by scanning electron microscope and physical methods of analysis // *ICOM committee for conservation 7th triennial meeting*. Copenhagen, 10–14 September 1984. Paris: International Council of Museums. P. 22–24.

Karatzani A., 2012. Metal threads: the historical development // *Textiles and Dress in Greece and the Roman East: a Technological and Social Approach*. Athens: Ta Pragmata Publications. P. 55–65.

Karatzani A., Rehren T., 2009. Clothes of gold: metal threads in Byzantine-Greek orthodox ecclesiastical textiles // *Proceedings of the 36th International Symposium on Archaeometry*. Quebec – Canada, 2–6 May 2006. Quebec: CELAT, Université Laval. P. 445–452.

Karatzani A., Rehren T., Zhiyong L., 2009. The metal threads from the silk garments of the Famen Temple // *Restaurierung und Archäologie*. Bd. 2. Mainz: RGZM. P. 99–109.

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МАССИВЫ ДАННЫХ И КОРРЕКТНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

А.Р. Кокиева

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Санкт-Петербург
aleksandrakokieva@mail.ru*

V ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В ТИФЛИСЕ — ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННИКОВ ИЗ МОСКВЫ, ПЕТЕРБУРГА И ТИФЛИСА. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ

Особое место V Всероссийского Археологического съезда в Тифлисе среди проводившихся в дореволюционной России и его влияние на научную и общественную жизнь империи отмечали как участники съезда (Труды V-го археологического съезда, 1887), так и современные исследователи (Императорская Археологическая Комиссия, 2009; Колесникова и др., 2019; Серых, 2014а; Смирнов, 2011). Наибольшее внимание интерпретации социально-политического значения этого мероприятия уделили Д.В. Серых и А.С. Смирнов. Оба автора связывают проведение съезда и реакцию общественности на него с успехом России в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и с политикой империи в отношении восточных окраин. Последняя во многом была связана с религиозным вопросом – стремлением распространить христианство и уменьшить влияние мусульманства на территории страны (Серых, 2014а. С. 79, 85; Смирнов, 2011. С. 154). Отсюда возникает необходимость взглянуть на съезд так, как на него смотрела общественность XIX века: через печать. Понять, что освещалось в печати в целом, и как проявился религиозный вопрос.

Ориентированные на кавказскую публику статьи, посвященные съезду, есть в тифлисской газете «Кавказ» за август – сентябрь 1881 г. и журнале «Фаланга» за август – октябрь 1881 г. Особенность газеты «Кавказ» как источника в том, что она содержала сведения не только о репрезентации съезда местному населению, но и служила каналом коммуникации между его участниками. Организаторы размещали информацию о том, какие скидки на проезд предоставляются, куда обращаться за справочной информацией, какие мероприятия организуются, каждый день публиковались сведения о предстоящих заседаниях. На страницах газеты продолжались дискуссии, не завершенные в научных залах («Кавказ», 1881. № 207), велось обсуждение значения археологии и съезда в жизни общества («Кавказ», 1881. № 202, 206, 208, 214). «Кавказ» отражает наиболее близкий к официальной политике взгляд на событие.

Съезд освещался и в художественно-юмористическом журнале «Фаланга», выпускавшемся в Тифлисе в 1880–1881 гг. На его страницах можно найти, во-первых, карикатуры («Фаланга», 1881. № 35, 39, 41) (две из трех опубликованы Д.В. Серых (Серых, 2014б)),

во-вторых, статьи, высмеивающие внимание местного населения к именитым ученым и мероприятиям, проводившимся в связи со съездом («Фаланга», 1881. № 37, 38).

В «Зодчем» (Султанов, 1882), «Русской мысли» (Миллер, 1882) и «Историческом вестнике» (Пятый археологический съезд в Тифлисе, 1881), ориентированных на Москву и Петербург, также были опубликованы статьи о Тифлисском съезде. В этих статьях, так же как и в кавказской печати, фигурируют не только краткие сведения о докладах, зачитывавшихся на заседаниях, но и рассуждения о социально-политической роли археологии в жизни общества. Авторы поднимают вопросы о том, что такое археология, какие задачи она решает, как проводит политику государства на местах и стоит ли тех сумм, которые выделяет ей царская фамилия. Наименее критичная оценка социально-политической роли съезда дается в статье, автором которой является В.Ф. Миллер (Миллер, 1882), выступавший на самом съезде.

И в Москве, и в Петербурге, и на Кавказе печать уделяет внимание не только научной стороне съезда, но и социально-политической, отражая значимость события для всей страны. Тезис о привлечении внимания к христианству на Кавказе при проведении съезда подтверждается и через печать: наряду с вопросами, обсуждаемыми в рамках научной программы, в ней публикуются и статьи о состоянии христианских памятников («Кавказ», 1881. № 192, 205).

«Кавказ». № 192. Тифлис, 1881.

«Кавказ». № 202. Тифлис, 1881.

«Кавказ». № 205. Тифлис, 1881.

«Кавказ». № 206. Тифлис, 1881.

«Кавказ». № 207. Тифлис, 1881.

«Кавказ». № 208. Тифлис, 1881.

«Кавказ». № 214. Тифлис, 1881.

«Фаланга». № 35. Тифлис, 1881.

«Фаланга». № 37. Тифлис, 1881.

«Фаланга». № 38. Тифлис, 1881.

«Фаланга». № 39. Тифлис, 1881.

«Фаланга». № 41. Тифлис, 1881.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общей ред. Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин. 1312 с.

Колесникова М.Е., Ермоленко Л.П., Ашуба А.Е., 2019. V археологический съезд и изучение кавказских древностей // История: факты и символы. Вып. 4 (21). С. 46–54.

Миллер В.Ф., 1882. Пятый археологический съезд в Тифлисе // «Русская мысль». Вып. 1. М. С. 17–36.

Пятый археологический съезд в Тифлисе, 1881 // «Исторический вестник». С. 862–872.

Серых Д.В., 2014а. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. Казань: Отечество. 188 с.

Серых Д.В., 2014б. Фотоматериалы Всероссийских Археологических съездов дореволюционной России (к 137-летию IV Казанского съезда) // Поволжская археология. Вып. 3 (9). С. 41–55.

Смирнов А.С., 2011. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: ИА РАН. 592 с.

Султанов Н., 1882. Пятый археологический съезд в Тифлисе. Отчет действительного члена С.-Петербургского общества архитекторов, гражданского инженера Н. Султанова // Зодчий. Вып. 1. С. 8–12.

Труды V-го археологического съезда в Тифлисе, 1887 / Под ред. П.С. Уваровой. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко. 411 с.

**МЕТОДЫ СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОЙ МОДЕЛИ РЕЛЬЕФА
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА:
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ НА ПРИМЕРЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ЗАЮКОВО – ГУНДЕЛЕН**

Современные методы получения данных о рельефе археологического памятника путем создания цифровых моделей его поверхности становятся в археологии все более распространенными. Наиболее широко используются высокоточная инструментальная съемка, осуществляемая при помощи тахеометра, и низковысотная аэрофотосъемка с беспилотного летательного аппарата с последующей фотограмметрической обработкой. Несмотря на активное распространение этих методов в полевой практике, показательно отсутствие работ, сравнивающих их эффективность. Для подобного сравнительного анализа необходимы данные, полученные на одном памятнике. В нашем исследовании используются материалы археологического комплекса Заюково – Гунделен.

Исследуемый участок расположен на отрогах Пастбищного хребта (Северный Кавказ) у слияния рек Баксан и Кёнделен. Мыс песчаной скалы размерами 220 × 70 м ориентирован по линии С – Ю, его южный конец выступает над уровнем р. Кёнделен на высоту около 200 м. Археологический комплекс включает три памятника: городище Гунделен-2, занимающее южное окончание мыса (IV–XII вв.); скальный могильник Гунделен-2 (IX–XII вв.), расположенный у западного обрыва мыса; грунтовый могильник Заюково-3 (VIII в. до н.э. – VII в. н.э.), находящийся в 30 м к северу от городища Гунделен-2.

Комплекс известен с 1934 г. (Иессен, 1941). Исследования на нем возобновились в 2014 г. Объединенной Северокавказской экспедицией ГИМ, ИА РАН, Кабардино-Балкарского Государственного университета им. Х.М. Бербекова (Кадиева, Демиденко, 2017; 2019), однако до сих пор отсутствовал план, в достаточной степени отражающий его особенности. Такой план был создан нами; в работе использовались две методики: инструментальная съемка и фотограмметрия.

Инструментальная съемка производилась при помощи тахеометров моделей Trimble M3 и Nikon Nivo 5 MV в локальной системе координат. Всего было снято 8425 точек. Они покрывают исследуемую площадь неравномерно. Наиболее плотно они расположены на городище. Шаг в этой зоне колебался от 0,5 до 1,5 м, что связано с необходимостью передать микрорельеф. Могильник Заюково-3, как не обладающий важными особенностями поверхности, снимался с шагом от 4 до 10 м. Могильник Гунделен-2 находится на неудобном для работы склоне и был снят с шагом в 25 м. Остальные участки мыса не фиксировались из-за сложного рельефа: обрывов и резких перепадов высот.

Фотограмметрическая съемка велась с помощью квадрокоптера DJI Mavic Air 2 на высоте 60 м с поперечным и продольным наложением 70 %. Квадрокоптер был оснащен камерой с разрешением в 12 Мп и 48 Мп, поле зрения объектива (FOV) достигало 84° при диафрагме f/2.8. Всего сделано 906 кадров. Для фиксации цифровой модели рельефа использовались точки привязки – кодированные маркеры Agisoft, необходимые для помещения данных в локальную систему координат. Они представляли собой распечатанные маркеры программы Agisoft Photoscan формата A1. Всего их было установлено четыре. Такого количества достаточно, чтобы создать модель с погрешностью менее 20 см. Время установки маркеров – около 20 минут, около 30 минут ушло на съемку этих точек тахеометром.

Для получения трехмерной модели, ортофотоплана и карты высот фотоснимки были обработаны в программе Agisoft Photoscan. Дальнейшая работа с данными осуществлялась в программе ESRI ArcMap. Сравнение точности разных методов съемки проводи-

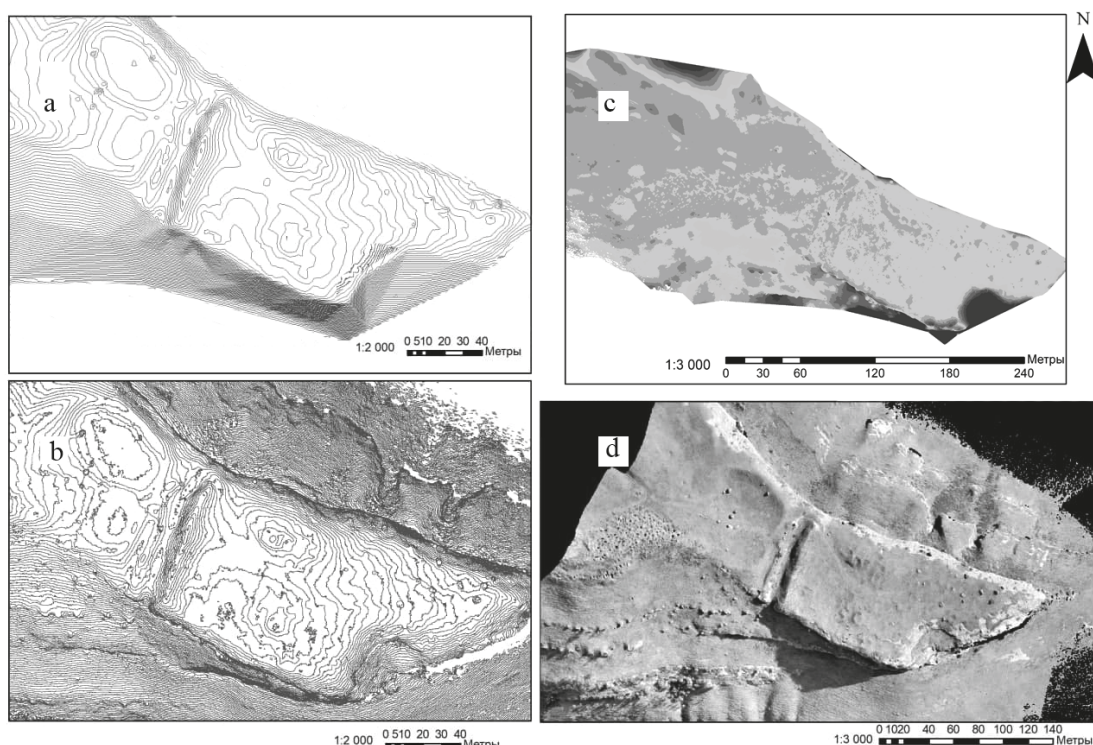

Рис. 1. Археологический комплекс Заюково – Гунделен.

а – инструментальный план археологического комплекса; б – план археологического комплекса на основе фотограмметрии; с – результат растрового анализа двух планов; д – ортофото-план археологического комплекса.

лось путем вычета двух растровых изображений (инструмент ArcTool Box – Инструменты 3D Analyst – Пересчет растра).

Проанализировав результаты вычета двух растров (рис. 1: с), мы обнаружили, что наибольшее их различие наблюдается в местах резких обрывов и на территории, где инструментальная съемка была проведена с более широким шагом. Сопоставив карту вычета растров и карту уклонов (Slope), можно сделать вывод, что наибольшая разница растров заметна в случае резкого изменения координаты z . То есть, удалось выявить недостаток фотограмметрии по сравнению с инструментальной съемкой: при сильных перепадах высот она может искажать некоторые объемные объекты, например, валуны. С ее помощью, однако, удалось получить информацию по большей площади, включая труднодоступные участки, а также выявить некоторые западины от жилищ на городище, которые не были обнаружены при работе с тахеометром. Данные, полученные в результате фотограмметрии, значительно детальнее, передают особенности рельефа на участках, где плотность инструментальной съемки была низкой (рис. 1: а, б). Инструментальная съемка городища и могильников в совокупности продолжалась около трех недель, в то время как фотограмметрическая в полевых условиях заняла около трех часов, один час ушел на установку и съемку маркеров. Таким образом, нам удалось сопоставить данные, полученные методом инструментальной съемки с применением тахеометра и методом фотограмметрии, и определить преимущества и недостатки каждого из них.

Иессен А.А., 1941. Отчет о работе Баксанской экспедиции 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936. Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л. С. 220–236.

Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2017. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкария) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. № 2 (87). С. 164–171.

Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2019. Золотые украшения с полихромной инкрустацией из княжеского погребения второй половины V – VI в. в могильнике Заюково-3 (Кабардино-Балкарская Республика) // КСИА. Вып. 256. С. 27–57.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ДАТИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ¹

Дендрохронология носит междисциплинарный характер и имеет множество применений в науках об окружающей среде, включая экологию, геоморфологию и климатологию (Schweingruber, Fritz, 1996; Hughes et al., 2011; Stoffel, Bollschweiler, 2008). Перекрестная датировка – один из ее важнейших принципов, с помощью которого были получены длинные древесно-кольцевые хронологии (Pilcher et al., 1984), а также производилось датирование архитектурных и археологических объектов (Черных, 1986). По причине относительной легкости и доступности для большинства лабораторий ширина годичных колец является самым распространенным измеряемым параметром (George, 2014). В нашей же работе использован метод оптической плотности поздней древесины (Blue Intensity (BI)), поскольку плотность колец отражает явный климатический сигнал даже в тех районах, где ширина годичных колец имеет небольшую изменчивость (Parker, Henschel, 1971; Björklund et al., 2019). Цель настоящего исследования – оценить возможность применения оптической плотности для датирования объектов на территории русского Севера. Подготовка, обработка и измерения образцов проходили по общепринятым в дендрохронологии методикам (Holmes, 1983; Шиятов и др., 2000; Rydval et al., 2014).

Собор Успения Пресвятой Богородицы в Кемии был заложен в 1711 г. на месте сгоревшего двухпридельного одноименного храма в честь победы над шведами в Северной войне. Он также имеет два придела: Успенский храм (освящен в 1717 г.) и Зосимо – Савватьевский придел (освящен в 1714 г.) (Детчуев, Макуров, 1999). Фрагментарные ремонтные работы проводились в соборе в 1889 г., 1960 – 1970-х годах. 25 апреля 2016 г. началась его полноценная реставрация.

В соборе Успения Пресвятой Богородицы в Кемии в 2012 г. нами были отобраны 11 кернов. Для каждого образца измерялись как ширина, так и оптическая плотность годичных колец. На основе этих параметров были получены «плавающие» хронологии. Для сравнения мы использовали мастер-хронологии по ширине годичных колец (Соломина и др., 2011) и по оптической плотности (1444–2016 гг.), в которых содержится более 100 серий. Перекрестная датировка проводилась в дендрохронологических программах CDendro (Larsson, 2013) и COFECOA (Holmes, 1983). Результаты датировок, а также визуальное сравнение рядов представлены на рисунке 1. Как видим, для «плавающих» хронологий по ширине и оптической плотности древесины получены одинаковые даты 1417–1709 гг., однако по оптической плотности статистические характеристики полученных датировок выше, чем по ширине, что свидетельствует об их большей достоверности.

Из исторических источников известно, что собор подвергался реставрации. Полученные даты не фиксируют эти ремонтные работы; мы предполагаем, что некоторые бревна для новой церкви могли использовать от старого собора, что в то время было распространенной практикой.

Стоит отметить, что датирование проводилось относительно мастер-хронологии, построенной на Соловецком архипелаге. Достигнутые результаты показывают перспективу создания региональной хронологии по хвойным деревьям.

Таким образом, наш эксперимент показал эффективность использования показателя оптической плотности поздней древесины для дендрохронологического датирования. Он особенно важен в районах, где лимитирующий фактор прироста выражен слабо и дендрохронологические серии имеют слабую изменчивость.

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке РНФ, проект № 17-77-20123 «Реконструкция естественной климатической изменчивости по дендрохронологическим данным Соловецкого архипелага за последнее тысячелетие».

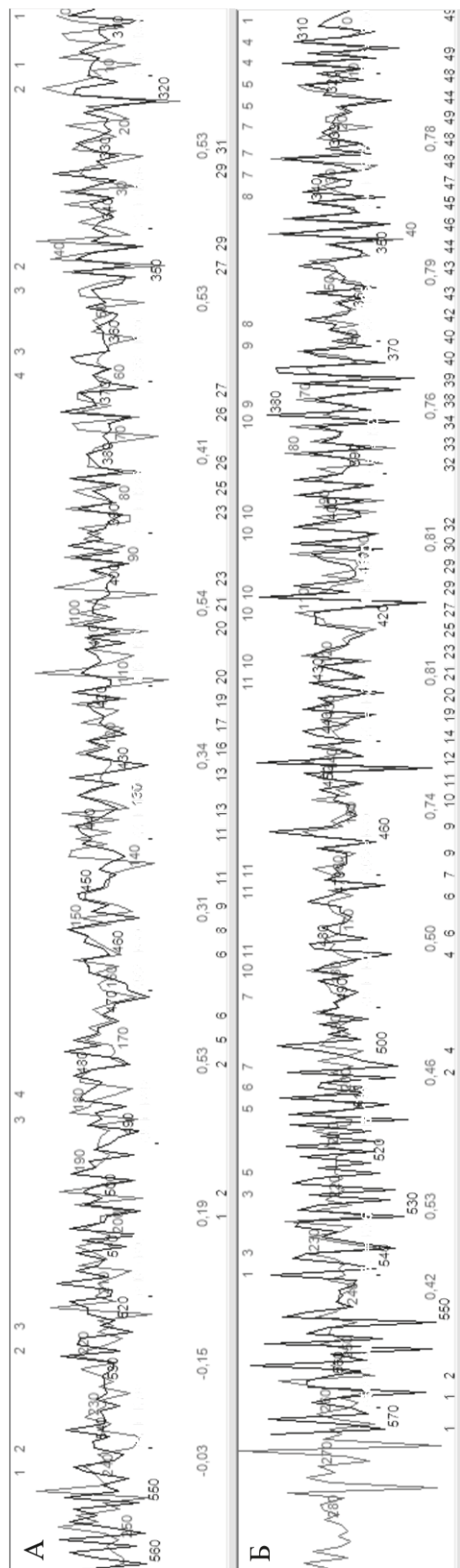

Рис. 1. Результаты перекрестного датирования «плавающей» хронологии (серая линия) относительно мастер-хронологии по Соловецкому архипелагу (черная линия), серым цветом указаны коэффициенты корреляции между древесно-кольцевыми хронологиями.
 А – хронологии по ширине годичных колец; Б – хронологии по оптической плотности поздней древесины (1417–1709 гг.).

- Детчуев Б.Ф., Макуров В.Г., 1999. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990). Петрозаводск: СДВ-Оптим. 206 с.
- Соломина О.Н., Мацковский В.В., Жуков Р.С., 2011. Дендрохронологические «летописи» «Вологда» и «Соловки» как источник данных о климате последнего тысячелетия // Доклады Академии наук. Т. 439. №. 4. С. 539–544.
- Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.: NOX. 216 с.
- Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М., 2000. Методы дендрохронологии. Ч. I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации. Екатеринбург. 81 с.
- Björklund J., Von Arx G., Nievergelt D., Wilson R., Van den Bulcke J., Günther B., Frank D., 2019. Scientific merits and analytical challenges of tree-ring densitometry // Reviews of Geophysics. T. 57. №. 4. P. 1224–1264.
- George S.S., 2014. An overview of tree-ring width records across the Northern Hemisphere // Quaternary Science Reviews. T. 95. P. 132–150.
- Holmes R.L., 1983. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-Ring Bulletin. Vol. 43. P. 69–78.
- Hughes M.K., Diaz H.F., Swetnam T.W., 2011. Tree Rings and Climate: Sharpening the Focus // Dendroclimatology. Developments in Paleoenvironmental Research. Vol. 11. Dordrecht: Springer. 365 p.
- Larsson L., 2013. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder/Cdendropackage version 7.6. <http://www.cybis.se/forfun/dendro/>
- Parker M., Henschel W., 1971. The use of Engelmann spruce latewood density for dendrochronological purposes // Canadian Journal of Forest Research. Vol. 1 (2). P. 90–98.
- Pilcher J., Baillie M., Schmidt B., Becker B., 1984. A 7,272-year tree-ring chronology for western Europe // Nature. T. 312. № 5990. P. 150–152.
- Rydval M., Larsson L.Å., McGlynn L., Gunnarson B., Loader N., Young G., Wilson R., 2014. Blue intensity for dendroclimatology: should we have the blues? Experiments from Scotland // Dendrochronologia. Vol. 32 (3). P. 191–204.
- Schweingruber F., Fritz H., 1996. Tree rings and environment: dendroecology. Bern: Paul Haupt AG. 141 p.
- Stoffel M., Bollschweiler M., 2008. Tree-ring analysis in natural hazards research — an overview // Natural Hazards and Earth System Science. Vol. 8 (2). P. 187–202.

И.М. Сумманен*, С.Ю. Чаженгина**

**Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН, Петрозаводск
irina.summanen@mail.ru*

*** Институт геологии Карельского НЦ РАН, Петрозаводск*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТАВА ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА С ПОВЕРХНОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТАРЫ ИЗ ТИВЕРСКОГО ГОРОДКА

В керамической коллекции Тиверского городка (Приозерский район Ленинградской области) имеется фрагмент придонной части толстостенного сосуда без венчика пепельно-серого цвета изнутри, коричневатого-серого – снаружи. Он изготовлен из оже-лезненной глины с примесью минерального отошителя (дресва). Диаметр дна 14 см, диаметр по верху – 23 см, высота сохранившейся части 7 см, толщина стенок варьирует в пределах 1,05–1,3 см. Дно сосуда не сохранилось, на фото (рис. 1: а) – гипсовая реконструкция донной поверхности. Стенки изделия сильно повреждены огнем: просматриваются следы вскипания керамической массы приповерхностных слоев, в результате чего они приобрели губчатую структуру.

Ранее предполагалось, что сосуд относится к производственной посуде и мог использоваться в качестве тигля для цементации железа (Кочкуркина, 1982. С. 127). Находки подобной тары с отходами железоделательного производства известны в Новгороде, Москве, Рязани, Болгаре (Колчин, 1959. С. 14–15), и высказанное предположение вполне закономерно следовало из массивности изделия и характера повреждений его поверх-

Табл. 1. Химические составы зерен цветного металла с поверхности сосуда (содержания Fe, Cu, Sn даны в вес. %)

№	727/195			727/193											
	1	2	3	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Fe	1,1	1,2	1,2	1,9–1,7	0,7	2,4	1,4	1,6	1–1,5	0,9–1,1	3,3–2,9	2,5	3,3	1	3,2
Cu	65–57	91	90	71–80	56	54	99	98	66–68	67–71	50–51	75	82	76	77
Sn	22–25	4	8	10–19	32	10			20–28	14–18	12–13	11	7,5	16	5

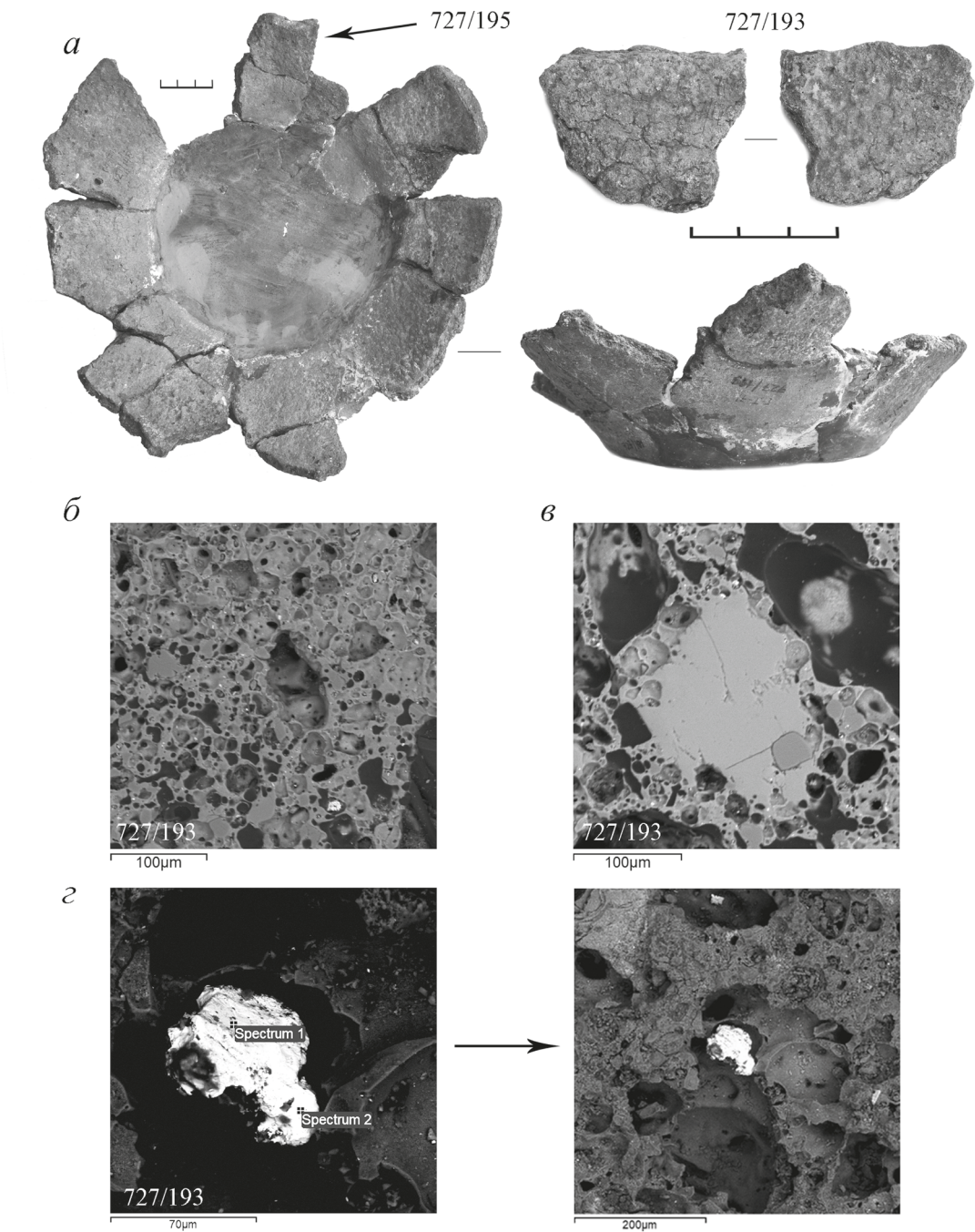

Рис. 1. Производственный сосуд из Тиверского городка.
а – фото емкости и исследованных образцов; б–г микрофотографии: б – пористой структуры приповерхностного слоя; в – оплавленного зерна примеси калиевого полевого шпата; г – зерна металла с локализацией мест забора проб.

ности. Поэтому первоначально поставленная исследовательская задача состояла в определении минерального состава глинистой фракции¹ для фиксации изменений, происшедших в глине под воздействием высоких температур. Однако в процессе исследования ожидаемые признаки (например, образование высокотемпературных минералов) выявлены не были. Установлено (SEM-EDS анализ), что для изготовления сосуда использована иллитовая глина с добавлением дресвы, основными компонентами минерального состава которой являются кварц, альбит, калиевый полевой шпат и биотит; акцессорные минералы представлены фторапатитом, ильменитом, цирконом, монацитом, баритом. Изменение структуры черепка прослеживалось практически на всю его толщу (рис. 1: б, в) – на микроснимках отчетливо видны пузыри, в том числе следы плавления минеральной примеси в зоне границ зерна. Но, что более интересно, на внутренней поверхности изделия зафиксированы микрочастицы цветного металла (рис. 1: г). Проанализированы 15 зерен металла (табл. 1), который, по предварительным данным, в большинстве случаев может быть определен как двухкомпонентная бронза (Cu+Sn). Определено также железо, присутствие которого, наиболее вероятно, связано с процессом коррозии, характерным для медных сплавов (Ениосова, Ререн, 2011. С. 244). Два зерна (№ 4 и 5) состоят практически из чистой меди.

Полученные результаты свидетельствуют об использовании исследуемой находки в ювелирном ремесле и ставят вопрос о ее функциональном назначении. Учитывая наличие следов цветного металла и характерные повреждения поверхности, мы склонны относить сосуд из Тиверска к плавильной керамике. Объемные тигли сопоставимых размеров выявлены в слоях Новгорода конца XIV – начала XV в., когда обработка цветных металлов в городе достигла промышленных масштабов (Ениосова, Ререн, 2011. С. 251–253. Рис. 9). Обломки плавильного сосуда из Тиверска найдены в пределах развала каменного сооружения неустановленного назначения, где обнаружен фрагмент горшка типа V, датирующийся XIV – началом XV в. Тиверский городок, как известно, был разрушен в 1411 г.

Выявление частиц «двойных бронз» примечательно тем, что такой сплав, судя по осуществленным ранее анализам цветного металла украшений средневековых городищ Северо-Западного Приладожья (Васильева, 1982; Ениосова, 2010), применялся не часто. Выборка Э.В. Васильевой включала 55 образцов, из которых к «двойным бронзам» отнесены 8. Из 76 образцов, изученных Н.В. Ениосовой (XRF анализ), только 2 попали в группу изделий из «двойных бронз» (доля олова 12 и 22 %); наиболее многочисленными (38 экз.) оказались предметы из оловянно-свинцовых бронз. Из «чистой меди» сделаны также два изделия (Ениосова, 2010. С. 250–251). Обратим внимание, что в группы «двойная бронза» и «чистая медь» вошли три находки «карельского» облика: овально-выпуклая фибула, Ф-образная пронизка (Cu-Sn) и игла от овально-выпуклой фибулы (Cu) (Кочуркина, 2010. Табл. 56: 3; 32: 3; 1: 2).

Таким образом, результаты анализа состава металла с производственной тары из Тиверского городка могут послужить дополнительным аргументом в пользу предположения об изготовлении вещей «карельских» типов местными мастерами-ювелирами.

Васильева Э.С., 1982. Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Паасо // Кочуркина С.И. Древняя Корела. Л.: Наука. С. 185–188.

Ениосова Н.В., 2010. Новые данные о химическом составе цветного и драгоценного металла памятников летописной корелы // Кочуркина С.И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН. С. 248–262.

Ениосова Н.В., Ререн Т., 2011. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения – 3: Материалы международной конференции «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода». Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г. / Ред. Е.А. Рыбина. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. С. 243–254.

¹ Для анализа отобраны два фрагмента стенки сосуда с отчетливыми следами температурного воздействия.

- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР. С. 7–121 (МИА. № 65).
- Кочкуркина С.И., 1982. Древняя Корела. Л.: Наука. 216 с.
- Кочкуркина С.И., 2010. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 262 с.

Э.Д. Южанина*, А.А. Трошина, Н.Е. Рябогина*, А.В. Борисов*****

**Тюменский научный центр СО РАН
el.yuzh@gmail.com*

nataly.ryabogina@gmail.com

***Институт археологии РАН, Москва
allatroshina89@gmail.com*

****Институт физико-химических и биологических проблем
почвоведения РАН, Пушкино
avborisovv@gmail.com*

ПЫЛЬЦЕВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ АРХИВАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Появление и распространение земледелия – одна из ключевых тем в изучении истории освоения Кавказа. С ним тесно связаны такие аспекты, как передача технологий и хозяйственных новаций, торговые связи, межкультурные контакты и другие стороны жизни народов этого региона.

Следует отметить, что история развития земледелия на Кавказе до настоящего времени остается недостаточно исследованной. Как правило, основной массив информации в данной области поступает в результате анализа предметов материальной культуры, связанных с обработкой почвы, сбором урожая, а также переработкой и хранением зерна. В меньшей степени распространены исследования археоботанического материала (Лисицына, Прищепенко, 1977. С. 40–29). Что касается изучения пыльцевых маркеров земледелия в природных «палеоархивах», то до недавнего времени не было надежно датированных торфяных или озерных колонок, охватывающих большой промежуток времени, по которым можно было бы проследить динамику появления пыльцы культурных злаков и сеgetальных сорняков.

В настоящей работе представлены предварительные результаты палинологического анализа пяти торфяников, позволяющие определить интенсивность земледельческого освоения разных регионов Кавказа. Установлено, что во всех исследованных нами горных палеоэкологических архивах наиболее ранее появление пыльцы культурных злаков относится ко второй половине VII тыс. до н.э. (рис. 1). Присутствие пыльцы злаков и сорняков выявлено в это время в горной зоне Восточного (торфяник Шотота, Республика Дагестан) (Ryabogina et al., 2019. Р. 111–126), Центрального (торфяник Медовое, Карачаево-Черкесская Республика) и Западного (болото Луганское, Краснодарский край) Кавказа.

Возможность существования земледелия в данный период на Восточном Кавказе подтверждают зернотерки, кремневые вкладыши, основы жатвенных ножей и карбонизированные зерна пшеницы и ячменя, обнаруженные на многослойном поселении Чох (Амирханов, 1987. С. 123–127, 138–139, 143–150). В альпийской зоне Западного Кавказа, судя по находкам керамических материалов, к неолиту – энеолиту принадлежат слои Баракаевской и Каменноостской пещер (Формозов, 1971; Ловпаче, 1994), но предметы «земледельческого комплекса» в них не выявлены. В центральной части Кавказа к неолитическому времени относятся стоянки Овечка (Любин, 1966) и Цми (Rostunov et al., 2009); археологических материалов, связанных с производящим хозяйством, однако, они

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 17-18-01406.

также не содержат. В этой ситуации обнаружение пыльцы злаков и сеgetальной флоры в слоях торфяников VII тыс. до н.э. можно рассматривать как первые ботанические данные, свидетельствующие о существовании земледелия на Центральном и Западном Кавказе в эпоху неолита. На протяжении последующих 2000 лет следы земледелия, по данным палеоботанических архивов, в этих регионах не фиксируются.

Далее земледельческие маркеры появляются в торфяниках в разное время: в горной зоне Восточного Кавказа они отмечаются с конца V тыс. до н.э. до середины III тыс. до н.э.; в среднегорье Центрального Кавказа – в конце IV тыс. до н.э.; в горах Западного Кавказа – с начала до середины IV тыс. до н.э. Кроме пыльцы *Cerealia* с этого времени постоянно присутствует пыльца ключевых сорняков (*Carduus*, *Cichoriaceae*, *Rumex acetosa*, *Ariaceae*, *Plantago lanceolata*, *Urtica*, *Hummulus*, *Cannabis*). На Восточном Кавказе наиболее заметный рост встречаемости земледельческих пыльцевых маркеров приходится на период существования поселения Гинчи. Отметим, что при раскопках данного памятника обнаружено большое количество каменных зернотерок, а также кремневые вкладыши серпов (Гаджиев, 1966). В центральной и западной части рассматриваемого региона земледельческие сигналы могут быть связаны с майкопской культурой (Мунчаев, 1994. С. 171. Карта 3).

Признаки земледелия в предгорной зоне Центрального Кавказа (болото Тарское, Северная Осетия) впервые фиксируются в середине III тыс. до н.э. и, по-видимому, связаны с поздней фазой куро-аракской культуры (Гаджиев, 1983). Очередной этап земледельческого освоения среднегорий Центрального Кавказа отмечается в начале поздней бронзы и охватывает только 500-летний период. В горной же зоне пыльца *Cerealia* появляется с середины II тыс. до н.э. и встречается в отложениях вплоть до сер. I тыс. до н.э. в раннем железном веке. Интенсивный земледельческий сигнал, связанный с ранним железным веком, фиксируется и в Дагестане. На Западном Кавказе следы земледелия выявлены в слоях торфа, датированных в интервале X–III вв. до н.э. Позднее они встречаются уже в средневековье.

На равнинах, примыкающих к Восточному Кавказу, признаки земледелия появляются достаточно поздно – в последние 300–250 лет в торфянике Аркида (юг Прикаспийской низменности). Вероятно, они связаны уже с деятельностью терских казаков или русских переселенцев. На узкой полосе вдоль Каспия известны более ранние земледель-

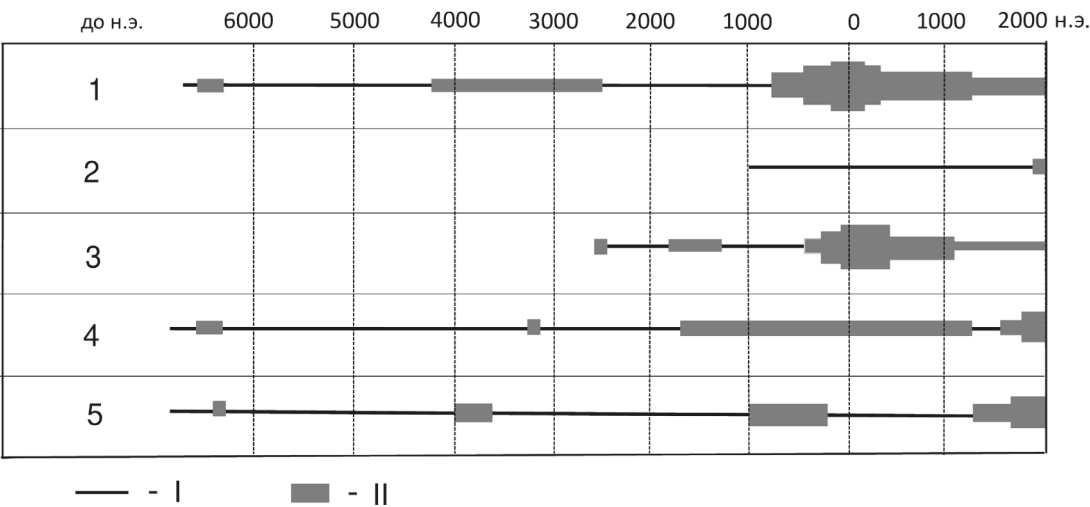

Рис. 1. Пыльцевые земледельческие маркеры в палеоэкологических архивах Северного Кавказа.

I – возраст торфяника; II – интервал присутствия культурных злаков и сорной растительности.
 1 – торфяник Шотота, горная зона, Восточный Кавказ; 2 – торфяник Аркида, низменность, Восточный Кавказ; 3 – торфяник Тарское, предгорье, Центральный Кавказ; 4 – торфяник Медовое, среднегорье, Центральный Кавказ; 5 – торфяник Луганское, альпийская зона, Западный Кавказ.

ческие памятники, однако на этой территории не исследованы торфяные палеоэкологические архивы.

Полученные данные ставят новые вопросы о времени появления земледелия на Северном Кавказе, благоприятных особенностях климата и предпочтениях, имевших место при выборе районов для культивирования растений.

- Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука. 224 с.
- Гаджиев М.Г., 1966. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н.э. // КСИА. Вып. 108. С. 55–61.
- Гаджиев М.Г., 1983. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала. С. 6–42.
- Лисицина Г.Н., Прищепенко Л.В., 1976. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.: Наука. 125 с.
- Ловпаче Н.Г., 1994. Керамический материал голоценового слоя Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп: Меоты. С. 165–174.
- Любин В.П., 1966. Неолитическая стоянка на р. Овечке (Карачаево-Черкесия) // Труды Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Вып. V (серия историческая). С. 261–264.
- Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М.: Наука. С. 158–225 (Археология СССР).
- Формозов А.А., 1971. Каменноостовская пещера – многослойная стоянка в Прикубанье // МИА. № 173. С. 100–116.
- Rostunov V.L., Ljachov S., Reinhold S., 2009. Cmi – Eine Freilandfundstelle des Spätmesolithikums und Frühneolithikums in Nordossetien (Nordkaukasus) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 41. P. 47–74.
- Ryabogina N., Borisov A., Idrisov I., Bakushev M., 2019. Holocene environmental history and populating of mountainous Dagestan (Eastern Caucasus, Russia) // Quaternary International. 516. P. 111–126.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
- БГПУ – Благовещенский государственный педагогический университет
- ВГУ – Воронежский государственный университет
- ВДИ – Вестник древней истории
- ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А.П. Карпинского
- ВУАК – Всеукраинский археологический комитет
- ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
- ГАМЗ – Государственный археологический музей-заповедник
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ГМВ – Государственный музей Востока
- ГЭ – Государственный Эрмитаж
- ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет
- ИА – Институт археологии
- ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
- ИГУ – Иркутский государственный университет
- ИИАЭ АН РТ – Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан
- ИИМК – Институт истории материальной культуры
- ИЭА – Институт этнологии и антропологии
- КарНЦ – Карельский научный центр
- КВАЭ УдГУ – Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского государственного университета
- КГУ – Калининградский государственный университет
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- ЛГИ НГУ – Лаборатория гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета
- ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
- МАР – Материалы по археологии России
- МарГУ – Марийский государственный университет

МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НАНУ – Национальная Академия наук Украины

НГИАМЗ – Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

НЭ – Нумизматика и эпиграфика

ОАМ – Одесский археологический музей НАНУ

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук

РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГМЗ – Ставропольский государственный музей-заповедник

СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

СГПУ – Самарский государственный педагогический университет

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СНЦ – Самарский научный центр

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ТГУ – Томский государственный университет

ТНУ – Таджикский национальный университет

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

ЯСК – Языки славянской культуры

PUB – Preussisches Urkundenbuch

UBS – Urkundenbuch des Bisthums Samland

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Новые материалы и методы археологического исследования
Материалы VI конференции молодых ученых

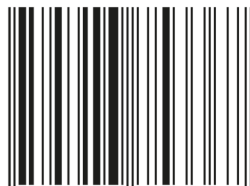
Редакторы *Е.В. Леонова, В.Е. Родинкова*
Дизайн и верстка: *Д.И. Киселев*

Подписано в печать 12.03.2021. Формат 60 x 84 $\frac{1}{8}$
Уч.-изд.л. 18,3. Тираж 200 экз.

Институт археологии РАН
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Буки Веди»
117246, г. Москва, Научный проезд, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISBN 978-5-94375-336-7

9 785943 753367